

Л.П. ЛОВЕЛЛ, СТИВИ ДЖ. КОУЛ

Олимпиада

[VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY](https://vk.com/fashionable_library)

Глава 1.

ДЖУД

Это был не первый и не последний раз, когда я убил кого-то. Но почему тогда прямо сейчас моё сердце бьётся так чертовски быстро?

Большинство людей могут назвать меня полным ублюдком за то, что я делаю. Но когда кто-то убивает твою семью, то ты в свою очередь готов сделать то же самое с ними. Я делаю это ради мести, чистой и простой. Безжалостная месть — вот на чём строится мой мир: ты используешь насилие и власть, чтоб привести в исполнение свои правила. Зарабатывая на жизнь вне закона, начинаешь понимать, как выигрывать от страха других, хотя не все букмекеры настолько жестоки, как я. Те, у кого есть совесть, терпят неудачу. Жестокость — это разница между тем, как заработать несколько долларов и сделать миллионы. Ты не можешь быть слабым и выжить на этой должности, и в момент, когда кто-то перестаёт тебя бояться, ты облажался.

Я не чёртов слабак!

Пытаюсь настроить себя психологически. Я немного зол из-за того, что это становится для меня труднее, чем я думал. Я понимаю, что единственная причина, почему я всё ещё стою здесь, пока пульс грохочет у меня в ушах — это женщина. Наверное, вы думаете, какая тут может быть проблема, если у меня нет морали между правильным и неправильным. Я не играю по этим правилам, меня не так растили. Дьявол, я вырос в доме, где во всех комнатах хранилось оружие «на всякий случай». Я стал свидетелем своего первого убийства в двенадцать лет. Поэтому я не могу понять, почему сомневаюсь именно сейчас. Тихий стон и стук удара изголовья кровати об стену разносится по коридору, и я прогоняю эти мысли из своей головы.

Марни и я прижимаемся спинами к стене. Моё сердце мечется, словно горилла в клетке. Я пытаюсь успокоить своё дыхание, но это кажется невозможным из-за адреналина, бушующего в моей крови. Я пялюсь на дверь. Мне хочется уничтожить Джо Кэмпбелла. Я хочу, чтобы всё, чего он с нетерпением будет ждать, это мучительная смерть, и если это единственный способ, которым я могу сделать это, значит так тому и быть!

В конце коридора горит только один светильник, но этого достаточно, чтобы поймать взгляд Марни, направленный на меня, и кивнуть в сторону двери. Я отталкиваюсь от стены и пинаю дверь, заставляя мужчину и женщину, которые трахаются на кровати. Она вскрикивает и подсакивает на ноги, прикрывая себя простыней.

Мужчина тоже всакивает. Принимая позицию боксёра, он пытается ударить меня. Я уклоняюсь и тянусь к пистолету за поясом, достаю и направляю прямо на его голову. Он замирает, поднимая руки в воздух. Я прищуриваюсь и понимаю, что это не мужчина среднего возраста. Это не Джо, от чего всё катится в задницу.

— Дерьмо! Где Джо? — кричу я в сторону женщины, которая жмётся в углу.

— Его здесь нет, — отвечает она. Её глаза не покидают моих, изучая каждую деталь моего лица.

Я перевожу взгляд на мужчину, который, замерев на месте, стоит прямо передо мной.

— Не трогайте нас, пожалуйста, — хнычет он.

— Сейф находится в подвале. Там около миллиона, — неистово рассказывает женщина. — Забирайте его! Забирай всё, что задолжал вам Джо, — умоляет она дрожащим

ГОЛОСОМ.

— Закрой пасть, — рявкает Марни.

Я сжимаю челюсть.

— Оу, ты заплатишь, дорогая, но этот долг нельзя выплатить ничем, кроме крови, — я наклоняю голову в сторону, и её глаза по-прежнему не покидают моих. Она вся дрожит и плачет. — Твой муж кое-что забрал у меня, а теперь я собираюсь забрать кое-то у него.

Я перевожу свой взгляд на голого мужчину, шагая к нему.

— Тебе не очень-то повезло. Ты выбрал не ту женщину, чтобы потрахаться. Не то место, и не то время.

Я останавливаюсь в трёх футах перед ним (прим. — один метр), наставляю пистолет на его лицо и спускаю курок. Его тело дёргается назад и падает на пол с глухим звуком.

Душераздирающий затяжной крик пронзает воздух и всё стихает, когда женщина делает глубокий вдох, чтоб закричать ещё раз. Я поворачиваюсь, по-прежнему держа пистолет наготове, когда она бежит через комнату к двери. Я хочу нажать на спусковой крючок, но не могу. Никогда не задумывался, что мне будет так сложно убить женщину.

Марни ловит её и прижимает к полу, сдавливая горло.

— Это не личное. Это всё из-за твоего мужа.

— Прошу, не убивайте меня. Я мать... мои мальчики... прошу вас! — умоляет она.

— Это будет быстро. Обещаю, — его голос звучит обыденно, вполне монотонно и ясно.

Свет фар бьёт через окна, освещая тёмную комнату, и она снова издаёт мучительный крик. Она борется, дёргаясь в попытке вырваться, и кусает Марни за руку. Я вижу звериный взгляд на его лице, когда он достаёт пистолет и приставляет к её виску, а затем БАМ. Она лежит замертво на полу. Марни вытирает брызги крови со своего лица рукавом.

— И что теперь? Не столь впечатляюще, так как мы не смогли связать этого придурка, и заставить его смотреть, а?

Я пожимаю плечами, двигаясь в сторону тела мужчины.

— Положим их на эту чёртову кровать.

Марни стонет, когда тащит тело женщины по полу, а затем бросает его на матрас. Я делаю шаг назад, глядя на два тела, лежащие на кровати. Хватаю женщину за окровавленные волосы, подтягивая её лицо к вялому члену мужчины.

— Открой ей рот, — говорю я Марни, посмеиваясь.

— Ты же, блядь, шутишь, да?

— Посмотрим, что он подумает, увидев это дерьмо.

Я не могу сопротивляться улыбке. То, что происходит прямо сейчас, уже выходит за всякие рамки.

Марни пожимает плечами, открывает рот женщины, и я запихиваю обвислый член ей в рот.

Мы спускаемся вниз по лестнице, выходим через заднюю дверь и идём через лес в течение двух миль в тишине. Когда мы выходим к кромке леса, Марни хватает меня за плечо.

— Ты сделал выстрел именно тогда, когда было нужно. Он бы гордился тобой.

Слышится звук двигателя потрёпанного автомобиля, и тормоза издают скрип, когда машина резко останавливается. Ричард свешивает руку из окна, подавая сигнал, что он один. Мы забираемся внутрь, а он наблюдает за нами в зеркало заднего вида.

— Чёрт. Выглядите так, будто искупались в крови. Что вы делали, чёрт побери?

— То, что должны были сделать, — бурчу я, плюхаясь на сиденье.

Я чертовки облажался, и знаю об этом.

Глава 2.

ВИКТОРИЯ

Сейчас час ночи, и я на смене уже двенадцать часов. Приближаюсь к своему физическому и эмоциональному пределу. Ночь оказалась наполнена инфарктами, травмами в пьяном состоянии и передозировками наркотиками.

Я как раз собираюсь закончить смену, когда двери приёмной открываются. Медики спешат и несут носилки, но всё, что я могу видеть — это кровь. Много крови.

Доктор Филипс — один из докторов скорой помощи — бежит позади других докторов и кричит всем остальным сотрудникам.

— Множественные огнестрельные ранения!

— Дэво! — кричит он мне. — Иди сюда. Продолжай поддерживать его сердце, пока мы везём его в операционную! Поехали! — отчаянно рычит он.

Я запрыгиваю на каталку, размещая колени по обе стороны от его тела. Каталку на колёсах везут по больничным коридорам. Все двери распахиваются на нашем пути, пока команда врачей и медсестёр пытается поддерживать жизнь мужчины.

Я ритмично надавливаю на его грудь, стараясь поддерживать его сердце, чтобы оно не остановилось.

Мы врываемся в операционную. Я спрыгиваю с каталки, и проверяю его пульс. Ничего.

— Пульса нет! — кричу я, пока медсёстры подключают его к мониторам.

Люди работают, как часы. Каждый занимает своё место и работает, словно хорошо смазанный механизм. На безжизненном теле разрезают одежду. Оно всё в крови, когда к нему подкатывают дефибриллятор.

— Разряд! — кричит доктор Филипс, и прикладывает электроды к груди пациента.

Его спина выгибается в дугу над кроватью от посылаемого по телу электрического разряда.

Я смотрю на ровную зелёную линию на мониторе, которая сообщает об отсутствии в нём жизни.

— Разряд!

Через его тело снова пропускается ток, и снова ничего.

Ну же, очнись. Поборись немного сильнее, думаю я про себя.

Врач проделывает эту процедуру ещё три раза, но безрезультатно.

— Время, — произносит доктор Филипс.

Я смотрю на настенные часы.

— Один час двадцать две минуты, — сообщаю я.

Он объявляет время смерти, и всё останавливается. Битва окончена, и мы проиграли. От этого никогда не бывает легче. Я работаю в отделе скорой помощи уже девять месяцев. Я вижу смерть каждый день — это часть моей работы — но меня до сих пор удивляет хрупкость человеческой жизни. В одну минуту ты хорошо себя чувствуешь, проживаешь свою жизнь, работаешь на своей работе и имеешь семью, а в следующую... это всё может исчезнуть. Жизнь сама по себе очень быстротечна. Тебе ничего не обещают. И осознавать это время от времени трудно.

Я стала врачом, чтобы спасти жизни. И на каждого умершего есть десять спасённых. Вот, что делает эту работу такой полезной. Это всё, чем я хотела заниматься в жизни. Я решила бросить дом в Англии, чтобы приехать сюда и учиться — чтобы построить свою жизнь в Америке.

Я живу своей мечтой, но это не означает, что это легко. Я чувствую, как с каждой потерянной жизнью уходит частичка моей души. Я боюсь, что наступит день, и это больше не будет на меня влиять, не будет болеть. Боюсь не чувствовать этой боли и не чувствовать ничего. Потому что в день, когда я буду просто смотреть, как умирает человек, не испытывая при этом никаких чувств, будет означать, что я потеряла свою собственную душу. Я боюсь превратиться в монстра.

Поворачиваюсь спиной к умершему человеку. Неистовое отчаяние, которое заполняло комнату несколько минут назад, сменилось безропотным спокойствием. Доктора и медсёстры отключают оборудование и накрывают простыней его лицо. Выходя через двери операционной, я плетусь к раздевалке. Поскольку адреналин в моём мозгу развеивается, мои ноги начинают превращаться в свинец. Я истощена. Когда достигаю раздевалки, проходит минута, прежде чем я беру себя в руки. Это была трудная ночь.

Я стаскиваю с себя окровавленную форму и бросаю её в корзину, прежде чем надеваю джинсы и толстовку с капюшоном. Хватаю сумку и проверяю телефон — три пропущенных от моей сестры. Клянусь, она не понимает концепцию работы на двенадцатичасовых сменах. Я быстро отсылаю ей сообщение, что перезвоню утром. Я почти дохожу до выхода из больницы, и слышу, как поют ангелочки, когда вижу внешний мир. Я так близко.

— Рия!

От звука моего имени, я замираю на месте. *Чёрт*. Я поворачиваюсь и встречаюсь с улыбающимся лицом своего парня Эвана. Его улыбка идеально сочетается с волнистыми светлыми волосами и голубыми глазами.

Эван — врач операционного отделения. Его отец — главный врач хирургии здесь при Университетском госпитале. Давайте скажем так, хорошая работа после окончания стажировки ему была гарантирована. Он прямо американский образец для подражания. В нём есть всё, о чём мечтает каждая девушка — воспитан, умён, привлекателен и добр ко мне. Я работала в течение многих лет, чтобы добиться того, где я сейчас. Думаю, мне хочется хорошей жизни, и Эван сможет дать мне её.

Это звучит не очень романтично, но я не верю в сказки. Эван, может, и не зажигает меня, но ведь есть и другие важные вещи в жизни, чем просто страсть. Жизнь состоит из целей, и я не путешествовала по миру, чтобы найти эту страсть. Я сделала это, чтобы быть лучшей, осуществить свои мечты, и создать жизнь, которую я всегда хотела.

Я устало улыбаюсь. Он выглядит таким красивым и таким собранным после двенадцатичасовой смены, а я... ну... нет. Мои волосы жирные и торчат из растрёпанного хвоста. Прямо сейчас у меня под глазами не то, что мешки, а чемоданы, и на мне, вероятно, найдутся различные телесные жидкости. Мило.

Независимо от того, как отвратительно я выгляжу, он наклоняется и оставляет нежный поцелуй на моих губах.

— Как прошла смена? — спрашивает он.

— Трудно, — кратко отвечаю я.

Мне правда не хочется разговаривать прямо сейчас. Моя кровать зовёт меня.

К счастью, он понимает моё послание.

— Ну, я тебя отпускаю, но завтрашняя ночь ведь в силе, да?

— Да, конечно, — улыбаюсь я, и киваю. — Я напишу тебе, когда проснусь.

Он быстро целует меня в щёчку и подмигивает, прежде чем уйти.

Два часа утра, и наконец-то я дома. Запрыгиваю в душ, смывая кровь и смерть со своей кожи.

Моя работа трудна, но чем больше я это делаю, тем больше понимаю, что должна отпустить сегодня и перейти в завтра. Такова моя рутина — очистить себя от событий дня.

Обжигающие струи воды успокаивают ноющую боль в моих мышцах и очищают мой разум.

Я умираю от голода, но перспектива того, чтобы приготовить нормальную пищу, не привлекает меня. Я быстро пережёвываю зерновой батончик и готовлюсь к двенадцатичасовой спячке, которую запланировала для себя. Сегодня мне снова на смену, и если ночь пятницы — тяжёлая, то ночь субботы — это ад.

Я проваливаюсь в сон, как только моя голова касается подушки.

Глава 3.

ДЖУД

— Он не собирается платить, Джуд, — спорит Ричард.

Я кручусь на своём стуле, барабанив пальцами по деревянному столу.

— О, нет. Он заплатит. Ещё никто не отказывался мне платить, — смеюсь я, и смотрю на Ричарда.

Он — толстяк и придурок, потому что тупой как дерьмо, но мне и не нужно, чтобы у моих лакеев были мозги. Мне нужна грубая сила и внешность, которая заставит людей мочиться в штаны. Ричард как раз такой — абсолютный даун. Это семейный бизнес, которым я управляю. Так должно быть. Деньги, убийства и ложь — вот, что является частью этого бизнеса, и моя семья стоит у руля уже три поколения.

Я делаю быстрый вдох.

— Ты же позаботишься о том, чтобы он заплатил, правильно?

Его рот кривится в хитрой предупреждающей усмешке.

— Ага, конечно.

— Он — тупой студент, закончивший колледж. Он, наверное, думает, что знает статистику, и считал, что может перехитрить меня. Тупица, — бурчу я. — У него не будет денег. Просто возьми что-нибудь вместо залога. Припугни его и не давай ему больше трёх дней, чтоб он вернул мне мои деньги, — хмурюсь я. — Убедись, что понимаешь, о чём я.

— Я не тупой идиот. Какую машину ты мне дашь?

— Отправляйся к Дэвиду, и он подберёт тебе машину. Там будет инструкция внутри консоли, где обменять машины в Теннесси, понял?

У меня звонит телефон. Ричард кивает и выходит из комнаты. Я подношу трубку к своему уху.

— Слушаю, приятель.

— Это Раммер Джаммер. Первая половина ставки на проигравшего. Две десятки. Пята нижняя.

— Половина ставки на проигравшего равно двум десяткам на пятой нижней? —

переспрашиваю я.

— Ага.

Я отключаюсь, хватаю тлеющую сигарету из пепельницы и выдыхаю большой куб дыма, пока записываю ставку красной пастой в своём блокноте. Эта игра обязательно оплачивается наличными, но я не могу удержать улыбку, когда смотрю, сколько ставок я сорвал за сегодня. Политики, проповедники, полиция — все они мои клиенты, и до тех пор, пока они платят, проблем нет. Я — *бизнесмен*, и отношусь к своей работе очень серьёзно.

Если ты решишь меня обмануть, я убью тебя. Ведь никто не воспринимает ничего серьёзней, чем смерть.

Глава 4.

ВИКТОРИЯ

Эван широко улыбается, когда открывает дверь и видит меня.

— Привет.

Я улыбаюсь в ответ.

— Привет.

Он наклоняется и целует в щёку прежде, чем открыть дверь ещё шире, и впустить меня.

— Позволь взять твоё пальто.

Он двигается позади меня, помогая снять его. *Такой джентльмен.*

— Как вкусно пахнет, — замечаю я.

Он дарит одну из своих ослепительных улыбок.

— Хотелось бы мне сказать, что это я приготовил, но ты же знаешь меня... поэтому заказал еду.

Я пожимаю плечами.

— Еда на вынос тоже не плохо.

Мне просто нужно поесть перед моей следующей сменой... которая в итоге превратится в двадцатичетырёхчасовую смену, и начнётся она через два часа.

Ещё одна его широкая улыбка.

— Я заказал тайскую, твою любимую.

Мы садимся кушать, и Эван кажется каким-то подозрительно тихим. Обычно он много болтает о работе или моих ужасных условиях проживания, которые он считает отвратительными. Он всегда поднимает вопрос о моей квартире. А потом всё сводится к тому, что в итоге он просит меня переехать к нему, а я начинаю объяснять, почему не хочу этого.

Но сегодняшним вечером он тихий и даже отстранённый.

— Эй, с тобой всё хорошо? — спрашиваю я его.

Он улыбается и кивает, продолжая жевать с полным ртом.

— Конечно.

Я списываю всё это на то, что он только что вернулся со смены. Одному только Богу известно, какой я бываю сухой после своей долгой смены. Думаю, он должен хоть немного, но почувствовать эту усталость.

Делая быстрый глоток воды, спрашиваю:

— Что ты сегодня делал?

Как и предполагалось, он начинает подробно рассказывать, как сделал три обхода и пораньше всё детально проверил. Не знаю, печально ли то, что главная тема нашего разговора — это работа.

Я помогаю убирать со стола, когда раздаётся звонок в дверь. Он хмурится, но всё же идёт в сторону двери, чтобы открыть. Я продолжаю помещать посуду в посудомоечную машину. Когда всё сделано, беру из холодильника бутылку воды. Но Эван не возвращается. Любопытство побеждает меня, и я высовываю голову из кухни в коридор.

В прихожей стоит самый большой мужчина, которого я только видела. Он опрятно одет в застёгнутую на пуговицы рубашку и брюки, но несмотря на его аккуратный костюм, этот человек пробуждает во мне страх. Его манера держать себя — наполнена доминированием и агрессией. Руки скрещены на широкой груди, и он свысока ухмыляется Эвану, который что-то говорит тихим голосом. Я не могу услышать то, что он говорит, но выглядит он взбешённо.

Что-то не так.

Проскальзываю обратно на кухню и нахожу свою сумку на столешнице. Роюсь в ней, пока не нащупываю пальцами небольшой металлический баллончик с перцовым спреем. Когда я впервые приехала в Америку, моя сестра заставила меня всегда носить его с собой. Она сказала, что в стране, где почти у каждого есть оружие, мне тоже необходимо что-то при себе иметь. Я даже ни разу не подумала воспользоваться им, и никогда не чувствовала угрозу, но сейчас именно этот момент. Держа баллончик за спиной, снова выглядываю в коридор. Большой мужчина теперь подступил ближе к Эвану, и их лица находятся всего в нескольких сантиметрах друг от друга. Голос этого здоровяка больше похож на рычание, от которого Эван ёжится. Прячу баллончик в задний карман и направляюсь к ним.

— У меня ничего нет! — умоляет Эван. Его рост в шесть футов (прим. — 183 см) выглядит незначительным по сравнению с монстром, стоящим напротив него.

— Уверен, что смогу найти здесь что-то, что ты сможешь продать, — усмехается этот парень, поднимая свой взгляд вверх и глядя дальше по коридору. Прямо на меня.

Я перестаю дышать, когда его глаза встречаются с моими. Угрожающая улыбка появляется на его губах.

— Так, так. Кто это здесь у нас? — протягивает он.

— Рия, возвращайся на кухню, — говорит Эван дрожащим голосом.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Никто, — быстро рявкает он. Большой парень улыбается ещё шире.

И я ничего не могу с собой поделать.

— Он не выглядит как «никто». Он даже не похож на друга, — рычу я сквозь зубы. Ничего не бесит меня больше, чем когда со мной разговаривают, как с идиоткой.

Незнакомец прищуривает глаза, когда кожа на его нижней челюсти начинает подёргиваться. Тянусь к карману, нащупывая перцовый баллончик пальцами.

Внезапно он отворачивается от меня.

— Так что это будет, Джонс? Деньги или твои ноги? — рычит он.

— О чём он говорит, Эван?

Его взгляд мечется к моим глазам. И небольшая морщинка появляется между бровями, перед тем, как он поворачивается к мистеру Счастливому.

— Послушай, — произносит он, колеблясь и глядя на меня, а затем снова на гориллу. — Дашь мне минутку? — Эван нервно потирает свой затылок.

Это чудовище кажется очень раздражённым, и фыркает.

— У тебя минута, а затем появятся проблемы.

— Оригинально, — бормочу я.

Эван шагает в мою сторону, хватая меня под руку, и затягивает на кухню.

— Тебе нужно уходить, Рия, — он звучит почти виновато и взволновано.

— Вот так вот? — вскидываю я одну бровь. — Ты ожидаешь, что я вот так просто уйду отсюда, когда какой-то мужчина открыто угрожает тебе?

— Послушай, просто уходи, Рия. Я позвоню тебе позже, — в его голосе звучит серьёзность, которой я никогда не слышала раньше. Эван всегда был неизменно милым и вежливым. А теперь он взволнованный, дёрганный и на грани грубости.

Скрещиваю руки на груди.

— Нет. Ты расскажешь мне, что здесь происходит прямо сейчас.

— Твой парень должен мне денег, принцесса, — мужчина появляется в дверном проёме.

— А ты кто?

— Рич.

— Как *много* он должен? — спрашиваю я медленно.

— Рия, пожалуйста, просто... — начинает Эван.

— Двадцать штук, — обрывает его Рич.

От этого мне становится плохо.

— Двадцать штук?! — кричу я.

Он кивает.

— Какого чёрта? Неудивительно, что после этого к тебе приходит этот халк, — стону я.

Рич ухмыляется.

— Послушай, это просто недоразумение, — защищается Эван.

Теперь Рич выглядит почти скупающим.

— Не-а, никаких недоразумений нет. Ты платишь двадцать штук сегодня, или я ломаю тебе ноги, — он смотрит на свои ногти, и продолжает: — Затем каждую косточку в твоём теле, и заканчивая пулей в твоём черепе, — хладнокровно отвечает он.

Мой желудок скручивается в тугий узел, а волосы на затылке встают дыбом. Мне хочется сказать, что он шутит, но всё его поведение говорит о том, что он очень серьёзно настроен.

— За что он должен деньги? — спрашиваю я.

Рич возвращает свой пронзительный взгляд на меня. Его глаза лениво пробегаются по моему телу, а затем он пожимает плечами.

— За азартную игру.

Воздух уходит из лёгких.

— Азартные игры, — шепчу я. Азартные игры в штате, где они запрещены, а это значит, что Эван теперь должен очень крупную сумму этим отвратительным людям. — Просто отлично, — говорю я саркастически.

Мой парень — жалкое существо с проблемами с азартными играми. Вот так, думаешь, что знаешь человека. Я хочу сказать, Эван всегда всё держит под контролем. У него есть всё...

— Слушай, я достану деньги. Просто дай мне три дня, — начинает Эван, игнорируя меня в данный момент.

Рич качает головой, его губы подёргиваются.

— Сейчас или ничего, студентик. Тебе решать.

— Я обещаю, что достану их тебе через три дня, — отвечает он, словно плачущий ребёнок.

— Достаточно, — шипит Рич.

— Забирай её! — Эван хватается меня за плечи и толкает в сторону этого страшного мужика. — Возьми Рию, как залог. Я верну тебе деньги.

— Что?! — кричу я. — Ты, блядь, совсем уже из ума выжил?!

Рич улыбается, но это больше похоже на улыбку акулы. В этом жесте нет ничего утешительного.

— Такой грязный ротик у такой богатой малышки, — отвечает он. — Мне это нравится.

Я отхожу назад.

— Я никуда с тобой не пойду. Его долги — это его проблемы.

Во что, чёрт побери, Эван втянул меня? Мне нужно оставить его здесь наедине со своей судьбой. Какая же я дура, что позволила себе волноваться о нём, когда ему наплевать на меня. Он хочет отдать меня этому зверю, как залог за какой-то карточный долг. Я снова изучаю Рича: широкие плечи, равнодушный взгляд, ровно подстриженные волосы и светлый шрам на щеке. Всё это сочетание, учитывая и новую информацию о том, что он не совсем честный и законопослушный гражданин, пробуждает во мне желание убежать от него так далеко, как я смогу.

— Это его долг. Чёрт, если на то пошло, ломай ему ноги. Меня это не волнует, — рычу я, когда мой характер берёт верх, но всё, что делает Рич, это смеется.

Эван хватается меня за запястье, но я резко вырываю его.

— Не смей прикасаться ко мне.

— Я смогу достать деньги, детка. Он убьёт меня, если ты не пойдёшь!

Я сухо смеюсь.

— Пошёл ты нахер, Эван.

Рич заинтересовано смотрит на меня, словно ребёнок, который только что нашёл себе новую игрушку.

— Я забираю её и тот БМВ на парковке.

Эван открывает свой рот, чтобы возразить, но тут же закрывает его, протягивая ключи от своей любимой тачки. Видимо, он больше привязан к ней, чем ко мне.

Рич хватается меня за плечи. Затем берёт обе мои руки и заводит их мне за спину с такой силой, что я даже не знала, что кто-то может ею обладать.

— Три дня, — говорит на прощанье Рич, толкая меня в сторону двери.

Каким-то чудом, но мне всё же удаётся высвободить одну руку из его жёсткой хватки, и схватить перцовый баллончик из заднего кармана. Нажимаю на него, направляя прямо ему в глаза. Он на фут выше меня, поэтому нет гарантии, что я попаду, но всё же это лучше, чем ничего. Он выкрикивает, и хватка на моей руке слабеет, но недостаточно. Я как раз собираюсь отвести ногу назад и ударить его в пах, когда ощущаю холодный металл у своего затылка.

Я замираю.

Рич тычет мне в шею пистолетом, и от холодного металла покалывает кожу. Мой пульс бешено колотится в груди, и холодный пот выступает на коже. Оружие до чёртиков пугает меня. Возможно, это из-за того числа жертв с огнестрельными ранениями, чьи смерти

наступали с нажатием курка. Независимо от причины, это осознанный и очень реальный страх.

— Шагай давай, — рычит он, пока трёт свои глаза.

Он идёт позади меня, но теперь его пистолет упирается мне в спину.

Открываю дверь и выхожу навстречу прохладному воздуху. Он снова тычет в меня пистолетом, заставляя сделать несколько шагов вперёд.

Указывая в сторону чёрного БМВ Эвана, он командует:

— Забирайся внутрь и поехали.

Киваю и прежде, чем вырваться и жду, пока он отойдёт. Моё сердце грохочет, словно поезд, когда я преодолеваю короткое расстояние назад к многоквартирному дому. Если бы я только...

Рука накрывает моё плечо, и я падаю на колени.

— На помощь! — кричу я. Кто-то услышит, я в этом уверена.

Он подрывает меня на ноги, и после ударяет тыльной стороной ладони по лицу. Меня качает от силы удара, и кровь наполняет рот. Слезы появляются на глазах, когда боль пронзает мою челюсть.

— Забирайся в долбаную машину! — бросает он.

Я бесшумно передвигаюсь, залезая на место водителя, пока Рич обходит машину с другой стороны. Его взгляд всё время сверлит меня.

Как только он усаживается на пассажирское сидение, его оружие направлено в мою сторону.

— Выезжай на трассу I-65.

— Куда мы едем? — спрашиваю я.

— Просто делай то, что тебе, блядь, сказано, сука, — шипит он. — Не превышай скорость. Включай сраный поворотник, и если нас остановят, тебе лучше держать язык за зубами. Мне не хочется убивать копа.

Мы едем несколько часов. Когда въезжаем в штат Джорджии, Рич тут же приказывает мне свернуть на заброшенную автостоянку. Делаю то, что он говорит. Теперь он не тычет пистолетом мне в лицо, но всё ещё держит его при себе. И знаете, я не заинтересована в том, чтобы провоцировать его.

— Припаркуйся за тем внедорожником, — произносит он.

Останавливаюсь позади единственной машины на стоянке и глушу двигатель. Напряжённое молчание повисает в салоне, пока, задержав дыханием, я жду его дальнейших указаний. Он снова берёт пистолет, и командует:

— Вылезай.

Я открываю дверь и соскальзываю с сидения, пока ноги не касаются асфальтированной поверхности стоянки.

— Иди сюда, — говорит он, и манит своим пальцем, открывая багажник внедорожника.

Я подхожу не торопясь. Одного взгляда на его машину хватает, что меня парализовало страхом. Там лежат верёвка, пара лопат и брезент. *Он собирается меня убить. Он собирается меня убить.* Эта мысль вертится в моей голове снова и снова. Он тянется за верёвкой, а затем идёт в моём направлении. Я не думаю, а просто реагирую. Замахиваюсь ногой, пока моё колено не встречается с его пахом. Но ему удаётся увернуться в последний момент, и я понимаю, что хоть мне и удалось ударить, это не та сила удара, на которую я рассчитывала. Я разворачиваюсь, чтобы убежать, но он хватает меня за волосы. Я кричу,

чувствуя, как мой скальп начинает гореть от боли.

Что-то ударяет сбоку головы, а потом всё темнеет.

Придя в чувство, я обнаруживаю, что лежу на боку, а моя голова болит так, словно на ней испытали отбойный молоток. Гул подо мной говорит о том, что я сейчас в машине. Пытаюсь подняться, но мои руки связаны за спиной. Так же у меня кляп во рту, но, по крайней мере, я жива. Пока ещё. Я не знаю сколько сейчас времени, но в итоге автомобиль останавливается и мотор глохнет.

Багажник открывается и Рич хватает меня за руку, вытягивая наружу. Он толкает меня вперёд, не отпуская моих связанных рук. Мои плечи кричат в знак протеста, но я ничего не говорю.

Он ведёт меня в сторону входной двери с виду обычного дома. Он не большой и не маленький, но я замечаю, что поблизости нет других домов. Рич поднимается по ступенькам, а затем стучит три раза и двери открывают. В дверях стоит парень — он такого же телосложения, как и Рич. Его глаза исследуют меня и останавливаются на моём лице, фокусируясь на кляпе. Он хмурит лоб, и переводит взгляд на Рича.

— Что за нахер?

— Ребёнок не заплатил. Сунул её в качестве залога, — смеётся Рич.

Я наблюдаю за тем, как медленная ухмылка расплывается на лице этого мужчины, но он по-прежнему продолжает блокировать дверь.

— Залог говоришь? Увидим, что скажет босс о таком жесте. Он любит женщин, поэтому... — и отступает в сторону.

То, как он улыбается, наводит на мысль, что я упускаю какую-то тайную шутку.

Рич тащит меня в дом. Внутри стоит туман из-за сигаретного дыма, который витает в воздухе. В доме темно, и повсюду тусклое освещение. Слышу разговор нескольких мужчин, а затем их смех доносится откуда-то из глубины дома. Он толкает меня в сторону узкого коридора. Всё, что я могу слышать — это свой пульс, который стучит прямо в ушах, словно сумасшедший, и своё ускоренное дыхание. В конце этого длинного коридора виднеется тёмная дверь. Вот куда он ведёт меня. Я начинаю паниковать. Что, если этот босс ещё хуже, чем Рич? Что, если он собирается убить меня? Или изнасиловать? Нет, этого не произойдёт! Я не стану жертвой, и точка. В отчаянной попытке убежать, бросаюсь всем весом на Рича, лишая его равновесия и впечатывая нас в стену.

— Чёрт побери! — рычит он, когда я вырываюсь.

Спотыкаюсь, когда бегу вдоль коридора к двери. Знаю, что бегу не туда, но, по крайней мере, я удаляюсь от Рича.

Он, как шторм, несётся вслед за мной. Останавливаюсь в конце коридора, колеблясь, куда же мне бежать. Направляюсь к единственному открытому пространству, но недостаточно быстро, потому что он хватается за запястье и разворачивает. Крича от боли, я наступаю на его ногу и бью по голени.

— Если ты ещё раз попытаешься меня ударить, клянусь, я сдеру эти чертовски красивые волосы с твоего скальпа, сладкие щёчки. Усекла? — рычит он. Запах сигарет из его рта ударяет мне в нос. Он тащит меня к двери, открывает её и толкает вниз по ступенькам.

Когда мы спускаемся, я тут же использую попытку вырвать свои запястья из его хватки, но он прижимает меня к стене и заламывает руки за спину.

— Перестань со мной бороться!

Стону, и он заламывает их сильнее, отчего мои связанные руки и ноющие плечи болят

ещё сильнее.

Рич рывком ставит меня перед собой и толкает к дверям, которые находятся в конце коридора, с такой силой, что я падаю на пол, ударяясь коленями о деревянные доски. Боль пробегает по моим суставам.

— Блядь, — бормочет Рич позади меня.

Я стискиваю зубы, чтобы стерпеть боль во всём теле.

— Что за чёрт? — грохочет глубокий голос поверх пронзительный стон.

Поднимаю голову, стараясь сквозь свои спутанные волосы рассмотреть источник звука. Прямо передо мной находится большой стол, а над ним склоняется голая рыжая женщина, прижимающаяся грудью к дереву. Прямо позади неё стоит самый огромный парень, которого я только видела, с оружием, направленным прямо на меня. Закрываю глаза, когда понимаю, что паника завладевает мной. По крайней мере, всё произойдет быстро. Я жду, но ничего не происходит. Когда снова открываю глаза, вижу, как он опускает пистолет. Мой взгляд останавливается на его широкой голой груди, на которой так хорошо просматриваются мышцы, когда он дёргает джинсы вверх, пряча оружие за пояс.

Чувствую, как румянец появляется на моих щеках. Я не ханжа, но мне не нравится видеть перед собой двух абсолютно голых незнакомцев. Это не то, что я ожидала, когда Рич тащил меня сюда.

— Проваливай, — говорит большой парень девушке, начиная собирать её одежду. Она фыркает ему в ответ и забирает её. Он шлёпает её по заднице. — Я закончу с тобой позже.

Мне хочется закричать, чтобы она, чёрт побери, помогла мне. Я связана и у меня во рту кляп, а она смотрит на меня так, словно я только что прервала её веселье. Бинго, дорогуша, я тоже не хотела здесь быть.

— Ты знаешь, твоя работа — настоящая заноза в заднице, — подмечает она.

Я что, одна такая в этой комнате, кто считает всю эту ситуацию ужасно неловкой?

— Возвращайся к работе, Кристалл. Мне бы не хотелось увольнять свою любимую девочку за то, что она опоздала.

Она пожимает плечами, и совершенно голая покидает комнату, покачивая своими бёдрами, пока идёт к выходу. Я чувствую, что попала в сумасшедший дом.

— Ребёнок не смог заплатить. Она — залог, — как ни в чём не бывало, бросает Рич.

— Ты притащил сюда женщину, — он указывает на меня, — в качестве залога? — его голос звучит как зарождающийся рокот. Комната вдруг становится такой маленькой. Я чувствую его злость, словно она живая. Моя кожа покрывается мурашками, и я дрожу, когда появляется настоящий страх.

— Убирайся! Я разберусь с тобой позже, — его голос спокойный, но в этом нет ничего хорошего. Это больше похоже на затишье перед бурей.

Не говоря ни слова, громила уходит, сильно хлопая дверью.

Я остаюсь один на один с этим парнем — боссом. Это не сулит для меня ничего хорошего. Не торопясь, я поднимаю свой взгляд и обнаруживаю, что он смотрит на меня. Наши взгляды встречаются, и я чувствую себя так, словно смотрю в пустоту.

Он красив. Его глаза странного зелёного оттенка, а его лицо похоже на то, что вы обычно видите на страницах журналов. Он крупного телосложения и накачанный. Его кожа покрыта татуировками, которые тянутся вниз по его рукам и груди. Он один из тех парней, на которого вы бы остановились посмотреть на улице, но вам бы явно не захотелось встретиться с ним в тёмном переулке. Его красота окутана холодом, которым веет от него, а

он пропитывает опасностью сам воздух. Всё в нём кричит об опасности. И вот теперь, я здесь связанная и с заткнутым ртом, запертая с ним в одной комнате.

Глава 5.

ДЖУД

Я наливаю виски в низкий стакан и наслаждаюсь тем, как трещит лёд от его теплоты. Она уже задыхается от того, что я сейчас делаю с ней. Используя тыльную сторону своей руки, вытираю беспорядок на моём лице, который она устроила, и облизываю губы, чтобы насладиться её вкусом. Эта девушка — одна из моих любимых. Она даёт мне всё, чего я жажду: силу, контроль и чертовски умопомрачительный секс без всяких обязательств.

— Не шевелись ни коим образом, и стой так, как я тебя поставил.

Вынимая кубик льда из своего напитка и приглушая свет, я направляюсь в её сторону. Мой член дёргается, когда я смотрю на эту округлую задницу, которая наклонена над моим столом. Я ставлю охлаждённый бокал на нижнюю часть её спины, и она выгибается.

— Ах, ах, ах. Блядь, я же говорил тебе, не шевелись.

Она хихикает и откидывает голову назад, от чего рыжие волосы рассыпаются по её голым плечам и бьют меня по лицу.

— А я и не спрашивала, — она поднимает свой взгляд на меня и прикусывает нижнюю губу.

— Твой рот приведёт тебя к беде, — я выгибаю бровь, кладу кусочек льда на её задницу и веду им к выемке внизу позвоночника, пока говорю: — Шевельнёшься ещё раз, и я удушю тебя.

Её ногти впиваются в стол, царапая поверхность, пока она борется с желанием вильнуть задницей передо мной.

— Перестань меня пытаться, — умоляет она.

— Милая, это ещё не пытка. *Уж поверь* мне! — отвечаю я, и веду растопленным кубиком льда по её коже, наматывая волосы на кулак. — Пыткой было бы не позволить тебе трахнуть меня, и я даю слово, что через пять минут я буду зарыт по самые яйца в твоей миленькой тугой киске.

Я сильнее тяну за волосы и откидываю её голову так, чтобы я мог проложить дорожку поцелуев вплоть до её плеча.

Она отталкивается от стола и разворачивается ко мне, потирая своей рукой мои джинсы и сжимая мой пах. Я медленно стягиваю с себя рубашку, снимая её одной рукой, пока второй пробегаю по её изгибам, а затем разворачиваю от себя. Одним быстрым движением я безжалостно прижимаю её лицо к поверхности стола.

Смотрю на её задницу, думая, как сильно я люблю звук шлепков, когда трахаю женщин.

— Я возьму тебя сзади, — говорю я ей, крепко сжимая её ягодицы.

Используя рубашку в виде петли, я набрасываю её ей на горло. Проводя пальцами по её влажной киске, отвешиваю быстрый шлепок, и она подскакивает от неожиданного ощущения.

— Чёрт, Джей-Пи. Я уже на грани, — стонет она, толкая свою киску ко мне. — А ты разделся только наполовину.

Я смеюсь и сжимаю руку на своей рубашке, пока свободной расстёгиваю ширинку.

— Ох, — выдыхает она. — Просто трахни меня, ты, придурок. — Она пытается развернуться, но я удерживаю её на месте. — Не мог бы ты хоть на этот раз убрать пистолет из своих джинсов? Он заставляет меня нервничать.

— Не притворяйся, что тебе это не нравится, — отвечаю я, и достаю свой член, поглаживая его напротив её киски.

Она стонет, и от разочарования бьёт ладошкой по столу.

— Трахни меня уже, чёрт побери!

— О, я трахну тебя, — рычу я, пристраиваясь позади неё.

Я не веду себя с ней нежно, когда удерживаю рубашку одной рукой, а другой направляю свой член в неё. Она громко стонет и выгибает спину от неожиданного вторжения.

Её рваные стоны переходят в опьяняюще сексуальные. Она так сильно сжимается вокруг меня, что я чуть ли не закатываю глаза от наслаждения, но заставляю себя стиснуть зубы.

Ещё три секунды, и я потеряю своё дерьмо, как внезапно дверь с грохотом открывается настежь. Я инстинктивно тянусь к своему оружию и целюсь на вход. Снимая пистолет с предохранителя, я кладу палец на спусковой крючок. Пялясь на дуло, я замечаю Ричарда с девушкой, у которой заткнут рот и связаны руки. Она стоит на коленях перед моим столом.

— Блядь, — бормочет Рич, и прячет лицо в руках.

Я настолько растерян от внезапного вторжения, что стою всего лишь секунду с членом внутри девушки прежде, чем вытащить его.

— Что. За. Чёрт? — выкрикиваю я. Окидываю взглядом девушку перед Ричардом. — Какого хера? — снова спрашиваю я, запихивая свой член в джинсы.

Кристалл всё ещё лежит на столе, тяжело дыша, а её задница задрана вверх. Я хватаю её одежду с пола и передаю ей.

— Убирайся. — Она выпрямляется и забирает у меня свою одежду с озадаченным лицом. Я приподнимаю брови и шлёпаю её по заднице. — Не переживай. Я закончу с тобой позже.

— Ты знаешь, твоя работа — настоящая заноза в заднице.

— Возвращайся к работе, Кристалл. Мне бы не хотелось увольнять свою любимую девочку за то, что она опоздала.

Она фыркает и топает прочь, даже не потрудившись одеться. Она просто проскальзывает мимо них обоих, полностью игнорируя что-либо. Я перевожу взгляд на Ричарда, делая глубокий вдох. Провожу рукой по своей потной груди, и мой взгляд устремляется к девушке. Она одета в джинсы и толстовку с надписью университета Вандербильт. Её волосы в полном беспорядке. На ней пятна от масла и грязи, а её глаза опухшие и красные.

— Ребёнок не смог заплатить. Она — залог, — нервно улыбается мне Рич.

Я всасываю нижнюю губу в рот, а затем прикусываю, пытаюсь удерживать своё спокойствие.

— Ты притащил сюда женщину, — я указываю на неё, — в качестве залога?

Сердце бешено стучит в моей груди, а гнев расходится по моему телу тёплым покалыванием. Этот ублюдок ещё тупее, чем я думал. Мне реально хочется выбить из него всё дерьмо и хорошо познакомить его голову со стеной несколько раз, но вместо этого я прочищаю горло и указываю пальцем на дверь.

— Убирайся! Я разберусь с тобой позже, — мне удаётся сохранить голос полностью спокойным, но для тех, кто меня знает, это намного хуже, чем любой крик.

Он не говорит ни слова, а просто разворачивается и закрывает за собой дверь, когда выходит.

Я хватаю рубашку с пола и вытираю ею пот со своего тела. Сжимая переносицу, я делаю глубокий вдох, прежде чем повернуться, и посмотреть на неё. Светлые спутанные пряди закрывают часть её лица. На одной щеке у неё виднеется очень выразительный тёмный синяк. Взгляд опущен в пол, и она заметно дрожит.

Мне нужно выпить прямо сейчас, чтобы справиться с этим дерьмом. Я качаю головой, потираю щетину на челюсти и тянусь к виски. Мой взгляд не отрывается от неё, пока я доливаю выпивку. Делаю глоток, а затем ставлю напиток на край стола. Она следит за каждым моим движением, когда я беру сигарету, подношу к губам и подкуриваю. Я делаю длинную затяжку, а затем медленно выдыхаю клуб дыма в её сторону, от чего её окутывает светло-серое облако.

Что мать вашу, мне прикажете делать с этой девчонкой?

Она не встала. И не пошевелила ни одной мышцей. Я прислоняюсь к столу и делаю ещё одну затяжку, снова выпуская дым в её сторону. Она слабо покашливает и смотрит на меня, как на какое-то дикое животное, которое только что вырвалось из клетки на свободу.

— Хмм, — бубню я.

Комкая рубашку, я отталкиваюсь от стола и шагаю к ней. Чем ближе я подхожу, тем больше расширяются её глаза. Я приседаю перед ней и делаю очередную затяжку. Кляп настолько туго затянут, что ткань врезается в её кожу. Лучшее, что я могу сделать, это снять его. Зажимая сигарету между губами, я тянусь к её затылку и развязываю узел. Ткань спадает с её лица, открывая её опухшую окровавленную губу. *Он, блядь, ударил её? Чёрт побери, я убью его за это.* Я провожу пальцем по её раненой губе, но она дёргает головой в сторону.

— Я требую, чтобы ты отпустил меня, — говорит она, испепеляя меня взглядом.

Я приподнимаю бровь, и ленивая улыбка появляется на моих губах. Злая британочка. Не буду врать, что этот акцент не действует на меня особым способом. Я поднимаюсь и поворачиваюсь к ней спиной.

— Если бы я мог.

— Это не имеет никакого отношения ко мне. Твой придурочный парень притащил меня сюда против моей воли. Ты должен разбираться с Эваном, а не со мной, — она чертовски отчаянно пытается оставаться сильной, но я слышу лёгкую дрожь в её голосе. Да, она в ярости, но очевидно, что она испытывает страх, и судя по состоянию её лица, должна.

Я скрещиваю руки на груди и прислоняюсь к краю стола, делая несколько затяжек и обдумывая всё это дерьмо. После недолгой тишины, я говорю:

— Но ты здесь. К сожалению, куколка, теперь *всё* имеет к тебе отношение.

Она опускает голову, словно кланяется, а затем поднимает свой взгляд на меня.

— Пожалуйста, — её голос дрожит. — Это недоразумение. Прошу, отпусти меня, — задыхается она.

Совершенно незнакомое ощущение зарождается в груди, но я проглатываю его. В моём мире нет места для вины.

— Теперь, как бы сильно мне не хотелось тебя отпустить, ты должна понять: когда Эван отдал тебя мне, ты стала частью этого долга. Думаю, ты сможешь догадаться, почему я не могу отпустить тебя, так ведь? — пожимаю я плечами. — Не принимай этого на свой счёт. Это просто бизнес.

Я наблюдаю за тем, как она понимает серьёзность своего положения. Её взгляд

медленно опускается в пол. Она начинает рвано дышать, будто собирается зарыдать.

— Умоляю, — снова шепчет она.

Сейчас она выглядит такой маленькой и уязвимой, что это заставляет меня отвернуться от неё.

Она, может, и очередная девушка, но *сейчас* она *находится* в моём доме. К несчастью, для неё и этого идиота Ричарда, она видела моё лицо. По меньшей мере, теперь она создаёт угрозу.

— Ты ведёшь себя хорошо, твой парень платит мне деньги, и я отпускаю тебя невредимой.

Она прищуривается. Эти глаза, налитые кровью, заставляют глубокий синий цвет их радужек расцветать.

— Кто ты? — спрашивает она тихо.

— Бизнесмен, — я пожимаю плечами, а затем беру её под руку, чтобы помочь встать, и прижимаю её к стене. — Ты же постоишь здесь, правильно?

— Отсюда некуда деваться, если что, — бубнит она.

Я хватаю рубашку возле стола и набрасываю её на плечи, а затем достаю свой телефон и набираю номер Марни. Как обычно он поднимает трубку после первого гудка.

— Слушаю?

— Эта сделка в Вандербильте потерпела крах. У меня сейчас тут грёбаная заложница, и что мать твою, я должен с ней делать? — стону я, не спуская глаз с девчонки.

— Заложница?

— Да, блядь, представь себе девушка! — я снова начинаю выходить из себя. — Кто-то, чёрт побери, умрёт! — кричу я, и делаю вдох в попытке успокоиться. — Используй свои связи и разузнай мне всё об этом чёртовом ребёнке по имени Эван. Слышишь, всё. Я хочу знать о нём всё — вплоть до того, каким лосьоном он пользуется, когда дронит, понял?

— Ага, понял, — усмехается он. — Так что ты собираешься делать с девушкой?

— Чёрт, не знаю ещё!

— Ну, повеселись там хорошенько. Я дам знать, когда что-то нарою, — он отключается, и мой взгляд снова падает на её нижнюю губу.

Я собираюсь прибить Ричарда за это. Беру её за плечи, и не говоря ни слова, разворачиваю спиной к себе, осматривая её связанные руки. Кожа покраснела и вся в ссадинах, а верёвка словно вросла в плоть. *Ублюдок*. Я быстро развязываю узел, замечая, насколько сильно ткань натёрла её светлую кожу.

Она шевелит своими пальчиками, чтобы кровь снова прилила к её рукам.

— Спасибо, — бубнит она в ответ.

Я, чёрт возьми, понятия не имею, что с ней делать, но её нужно куда-то увести отсюда.

— Иди сюда, — я тянусь к её руке, чтобы сопроводить в другую комнату, и следующее, что я понимаю, её колено врезается в мои яйца. Я тут же отскакиваю назад, прикусывая нижнюю губу, и шиплю. *Долбанная стерва!* Я беру её руки в свои, разворачивая её, и прижимаю их по бокам, толкая девушку к стене. Она вырывается и брыкается всем телом в попытке освободиться. Наклоняясь к ней, я останавливаюсь всего лишь в сантиметрах от её уха.

— Серьёзно? — я рычу в её шею, сильнее вжимая её в стену. — Как думаешь, это было мудрое решение?

— Отпусти меня! — кричит она.

Я ещё сильнее прижимаю её к стене. Я использую весь свой вес с такой силой, что она едва ли может дышать, не говоря уже про двигаться.

— У тебя никаких шансов, — говорю я, прижимаясь своими бёдрами к её заду. Она тяжело дышит, но я продолжаю говорить ровным и спокойным голосом. — Предупреждаю тебя, малышка, лучше не дразни меня.

Она извивается, её тело трётся об меня, и мой член не может этого пропустить. Я отстраняюсь на пару сантиметров, поэтому она не может почувствовать моего возбуждения.

— Пожалуйста, просто отпусти меня, — умоляет она. — Ты же не хочешь этого. Я никому не скажу. Я не стану звонить в полицию. Обещаю.

— Я никому не доверяю, даже таким светловолосым малышам. Знаешь, что случается с теми людьми, которым я не доверяю и которые пытаются ударить меня по яйцам? — я сильнее сжимаю её и дёргаю руки вниз. — В конечном итоге они оказываются в чёртовом мешке для трупа.

Она ворчит, а затем без какого-либо предупреждения бьёт меня локтем в живот. Как ни странно, у девчонки сильный удар, потому что он выбивает весь воздух из моих лёгких. Такой маленький трюк ослабляет мою хватку. Она вырывается и бежит к двери. В мгновение ока я несусь за ней, и моё сердце чуть ли не выскакивает из груди. Когда я догоняю девушку и хватаю за концы её длинных волос, я тяну её голову назад с такой силой, что она спотыкается и падает на пол. Я тащу её обратно вниз по тёмному пространству, она бьётся в истерику, кричит и вопит. Она так сильно впивается своими ногтями в мою руку, что царапает её до крови.

— Клянусь, я убью этого чёртового Ричарда за такое дерьмо, — рычу я про себя. Она кричит так пронзительно, что её сможет услышать даже глухой, и от этого меня передёргивает. — Ты и не собираешься облегчить мне задачу, да? — бормочу я, шлёпаясь в своё офисное кресло, и усаживая её на колени. — Тебе нужно было сделать это и выставить меня мудаком.

Она до сих пор борется со мной, бьёт меня и старается выкрутиться. Мне всё же удаётся открыть ящик, несмотря на то, что она брыкается, как бешеный мул, и достать оттуда кабельную стяжку. — Чёрт побери, ты можешь просто *успокоиться*?

Она снова кричит. Я хватаю её за талию, и одним быстрым движением кладу её лицом вниз поперёк моих колен, обхватывая её бёдра одной ногой, чтобы удержать.

— Думаю, добровольно ты не согласишься заломить руки за спину, я прав? — спрашиваю я, и мой голос пропитан сарказмом. Она хватается за край стула и думает, что таким способом составит мне проблему в связывании её рук? Я просто смеюсь, беру обе её руки и завожу ей за спину. Закрепляя фиксатор, хлопаю её по спине. — Теперь будешь себя нормально вести? Не попытаешься снова ударить меня по яйцам?

— Да пошёл ты! — шипит она, по-прежнему пытаюсь избавиться от веса моей ноги на ней.

Мой взгляд перемещается с её рук на попку. К сожалению, то, что она продолжает метаться на моих коленях, несмотря на связанные руки, заставляет мой член шевелиться. Я ёрзаю, поправляя не до конца сформировавшуюся эрекцию, от которой мне, кажется, никак не избавиться, и в следующую минуту ощущаю её зубы на моём бедре.

— Ты бешеная... — шиплю я от боли, хватая её светлые волосы в кулак, и дергаю её голову назад подальше от моей ноги. Это не должно заводить меня, но долбаный ад, я обожаю эту злющую девушку. *Блядь, я более извращённый, чем я думал. Мне нужно к чёрту*

убратъся от неѣ подалыше.

Я встаю, и она скатывается с моих колен на пол. Прежде чем она попытается встать, я хватаю её и бросаю на диван, который стоит у стола.

— Ты реально не знаешь, когда следует остановиться. Чёрт, я же был добр с тобой! — говорю я, нависая над ней, и вытираю пот со своего лба.

— Ага, я просто полежу здесь, и позволю тебе убить меня, — говорит она с горьким сарказмом.

— Кто, блядь, тебе сказал, что тебя убьют? Не шути со мной, и тебе не придётся ложиться, чтоб тебя убили. Проклятьѣ! — Я потираю лицо рукой. Какая же она долбаная заноза в заднице. — Не шевелись, блядь. Я закончил играть с тобой. Просто сиди здесь, — я скидываю бровь, указывая на неё, но она отводит взгляд в сторону. Уверен, что теперь она до чёртиков боится пошевелиться.

Я сажусь в своё кресло, пялясь на неё и задумываясь, как же, мать его, всё это может закончиться хорошо.

— Я понятия не имела, что он был замешан в подобном дерьме, — она кривит своё лицо, а её голова падает на спинку дивана. — Как я могла не знать?

Чем дольше я сижу здесь и смотрю на неё, тем сильнее чувство вины пытается вырваться на поверхность. Профессионал во мне прекрасно знает, что нужно делать, но эта грязная незначительная часть меня, которая зовѣтся совестью, кричит о том, что я не должен. Если бы это был мужчина, я бы приказал одному из моих парней убить его, но передо мной сидит чёртова девушка, и мне действительно не хочется её убивать. Я могу лгать, обманывать, красть и убивать. Я могу делать много устрашающих вещей, не моргнув и глазом, но до тех пор, пока это не касается женщины. И как вы уже поняли, я чертовски облажался с женой Джо. Я не смогу уйти отсюда, даже если бы и знал, что так будет лучше для меня. Я не могу убить её.

— Ты просто... — я качаю головой, — оставайся здесь.

Я встаю, останавливаясь возле стола, и хватаю бутылку виски. Откручиваю крышку и бросаю её на пол. Поднимаю бутылку и начинаю жадно глотать содержимое, глядя всё это время на неё. Делаю ещё один большой глоток, а затем сажусь на пол и ударяюсь спиной о дверь.

— Если попытаешься улизнуть, тебе придётся пройти через меня. Сейчас я был чертовски терпеливым. Не испытывай меня, — я задираю свою рубашку и показывая ей оружие. — Просто для галочки, если мне понадобится убить тебя, чтобы получить свои долбанные деньги, я это сделаю.

Она опускает подбородок на грудь и плачет. А я пью. Пью до тех пор, пока мои глаза не затмевает дымка, потому что я не вижу выхода из этой ситуации, который мне бы понравился. Через какое-то время она засыпает, а я всё ещё возвращаюсь к бутылке и наблюдаю за ней. Она просто лежит там. Руки за спиной, а спутанные волосы упали на лицо. Скользя по ней взглядом, я останавливаюсь и люблюсь тем, как она дышит. Она отключилась, и её грудь поднимается с каждым глубоким вдохом. Есть одна вещица, которая мне нравится, когда я наблюдаю за спящими женщинами: то, как их грудь поднимается и опускается, и меня это заводит. И тот факт, что у неё связаны руки, делает каждый вдох более чѣтким и немного дразнящим. *Чтоб меня!* Мне нужно избавиться от реакции своего тела на это. Только одному Богу известно, как долго мой член упирается в молнию джинсов, пока я наблюдаю за ней. Такое чувство, словно я — сбитое животное, которое валяется на

дороге. Я больше не могу это контролировать.

Мне удаётся встать, но затем меня несёт в сторону, и я падаю на стол.

— К чёрту это, — бубню я, и хватаю нож, лежащий на столе. — Просто к чёрту это!

Спотыкаясь, иду к ней, теряя равновесие ещё несколько раз, и падаю на колени рядом с диваном. Я смотрю на неё, щёлкая ножом в руке. Мне не следует этого делать, но я пьян. Я подношу лезвие к её запястьям, провожу между ними, и застёжка с треском раскрывается. Думаю, даже у таких бездушных ублюдков вроде меня есть слабость. К чёрту всё это. Я пробегаюсь рукой по голове и бросаю нож на пол, когда натыкаюсь на стену. Снова подпираю дверь спиной, и мои веки тяжелеют. *Чудесно! Чёртова комната возвращается.* Я откидываю голову на дверь и отключаюсь.

Глава 6.

ВИКТОРИЯ

Я просыпаюсь и чувствую, как моя голова трещит от боли. Плечи болят от того, что руки были долго связаны. Одна мысль об этом заставляет меня понять, что это больше не так.

Что-то не припомню, чтоб он меня развязывал.

Я быстро сажусь и смотрю вниз на свои руки, замечая, что на запястьях остались отметины. Думаю, я сама виновата в случившемся, но я не собиралась сдаваться без боя.

Мой взгляд нервно пробегается по маленькой комнате. Тут темно, и единственный источник света исходит от небольшой лампы на столе. Здесь нет окон и стены абсолютно голые. Ну, за исключением одной картины с обнажённой женщиной, которая висит над тумбочкой с разными бутылками.

Мой взгляд останавливается на двери и следует вниз, где на полу сидит *он*. Его голова покоится на плече, и *не похоже*, будто ему очень комфортно.

Хорошо, надеюсь, что его шея не разогнётся ещё несколько последующих дней.

Изучая его профиль, я наблюдаю, как поднимается и опускается грудь от тяжёлого дыхания. Он пугающий, доминирующий и жуткий, как ад. Этот мужчина всей своей сущностью походит на хищника. Всё в нём кричит о смерти. Не знаю, какого чёрта Эван связался в это, но ситуация явно не из тех, что легко разрешаются.

Мой взгляд, словно живёт собственной жизнью, опускается к его широкой груди и исследует мышцы. Я смотрю ниже и ниже, пока не наталкиваюсь на пистолет, лежащий на его коленях. Его пальцы крепко обёрнуты вокруг него, и один — в дюйме от спускового крючка. *Дерьмо, он планирует пристрелить меня?*

Я медленно поднимаюсь на ноги. Голова кружится, но мне удаётся удержать равновесие. Шагая на цыпочках по комнате, я убеждаюсь, что он дышит ровно. *Может, я смогу стянуть у него пистолет? Чёрт, а смогу ли?*

Стоит попробовать. Я приседаю на корточки перед ним и осторожно тянусь. Он не шевелится. Мои пальцы уже касаются холодного металла, когда он хватается рукой за моё запястье и сильно сжимает

— Ты должна знать, что у меня очень чуткий сон, — шепчет он, не открывая глаз. Вскакивая, я тут же падаю на задницу. *Дерьмо!*

— Хотя, хорошая попытка, — он открывает глаза и садится. — Что именно ты

планировала сделать, сладкая? Убить меня? — Его взгляд встречается с моим, пока я пытаюсь успокоить своё быстро стучащее сердце.

— Нет, просто сбежать, — шепчу я в ответ.

— Ммм, я вижу, — его взгляд испепеляет меня. — Я развязываю тебя, а ты пытаешься убить меня. Видишь в чём моя проблема?

— Я бы не попыталась тебя убить. *Я — не убийца*, — рычу я в ответ.

— Ты будешь удивлена тем, на что способны люди, чтобы выжить, — спокойно говорит он.

Он ползёт ко мне, сжимая пистолет в руке, который, мягко говоря, заставляет меня нервничать. Его губы искривляются в усмешке. Он, словно животное, преследует свою жертву и играет с ней.

— Тебе правда стоит посмотреть на эту ситуацию с той стороны, где я — твой спаситель. Я не похищал тебя, и скорее накажу своего парня, который оставил эту заметную царапину на твоей прелестной губе.

Мой спаситель! Он что, серьёзно? Моё самообладание слабеет. Меня доставили сюда как залог возврата долга этому человеку, у которого морали как у уличного кота. И я не грёбаная вещь, которой можно торговаться и обмениваться по желанию!

— О, избавь меня от своей рыцарской ерунды, — прерываю я его. — Ты собираешься выбить дерьмо из своего парня, потому что он — идиот.

Мои руки дрожат, когда я пытаюсь отползти подальше от него. Знаю, я должна быть осторожна в разговоре с ним, но если он захочет убить меня, то сделает это.

Он взволновано вздыхает и продолжает:

— И я не убил тебя, хотя, наверное, должен, после того, как ты пыталась украсть моё оружие.

Он медленно крадётся ко мне. И всё, о чём я сейчас думаю, это то, как сильно своими движениями он напоминает мне большую кошку. Эта проклятая комната слишком тёмная, но даже это не помогает. Его холодные глаза следят за мной, заставляя меня отползти ещё дальше. Когда я отодвигаюсь назад на один дюйм, он, словно подползает на два. Последнее, чего мне хочется, так это, чтобы он находился рядом со мной.

Я нервно смеюсь.

— Не думаешь, что ты чрезмерно драматичен? — я пытаюсь говорить сдержаннее, но под его мутно-зелёным взглядом голос звучит надломлено. Честно говоря, я даже не знаю, как стрелять из пистолета. Мне хватает одного взгляда на его лицо, чтобы понять, что я сказала что-то не то.

Он прищуривается, когда рычит. Я улавливаю запах виски из его рта, который ударяет мне в лицо. Паника. Не знаю, почему паникую, но следуя инстинктам, я набрасываюсь на него и ударяю по лицу. Его голова дёргается в сторону, но он снова возвращает свой взгляд на меня, теперь уже с извращённой ухмылкой на губах.

— Это была реальная ошибка, сладкая.

Боже. Думаю, меня сейчас вырвет. Выражение его лица говорит мне, что всё дерьмо целого мира прямо сейчас обрушится на меня.

— Мне так жаль! — ляпаю я, но уже слишком поздно.

Я думала, что вчера он был мудаком, но то было ничто по сравнению с этим. Он собирается меня убить. Я знаю это. Его челюсти сжимаются, и следующее, что я осознаю — я лежу на спине. Он с яростью валит меня на пол, и его мощное тело прижимает меня к

деревянными досками. Он обхватывает рукой моё горло, беспощадно вдавливая в пол. Задышавшись, я паникую и пытаюсь освободиться от его хватки. И чем больше я борюсь, тем сильнее сжимаются его пальцы.

— Ты даже понятия не имеешь, на кого ты, чёрт подери, наткнулась, малышка, — шипит он сквозь стиснутые зубы. Эти ледяные глаза сверлят меня, и он наклоняется, пока его лицо не оказывается в нескольких сантиметрах от моего. — Если бы имела, ты бы поняла, что я не тот человек, которого тебе захочется провоцировать.

Я ощущаю, как его пальцы ещё сильнее впиваются в моё горло, а вес тела давит на меня, заставляя задышаться. Чувствую, как силы покидают меня, а лёгкие слабеют.

Мой пульс учащается и стучит по венам, когда страх овладевает мной. Он собирается убить меня, прямо здесь и прямо сейчас. Я умру в его подвале, где никто и никогда меня не найдёт. Все мои чувства обостряются: я слышу каждый затруднённый вдох, который эхом отдаётся в моих ушах, и всё, что я ощущаю, это его запах. Землистый запах пота вперемешку с одеколоном и намёком на виски. От этого мой желудок переворачивается. Всё, о чём я могу думать, — это лучше бы он застрелил меня, чем душил. Я предпочитаю истечь кровью, а не наблюдать, как он медленно выдавливает из меня жизнь.

Он наклоняется до тех пор, пока его губы не оказываются у моего уха.

— Я тот парень, о котором тебя предупреждал отец, — шипит он. Его тёплое дыхание касается моей шеи и заставляет дрожать под ним. Ужас — вот, что я испытываю в данный момент. — Я тот парень, которого ты боялась встретить ночью в тёмном переулке. *Не* путай мою жалость со слабостью. Я, блядь, не задумываясь, пушу пулю в твой череп. Слышишь меня?

Я дёргаюсь под ним, пытаюсь сбросить его с себя, когда желание выжить берёт верх. Он сдавливает моё горло, и я впиваюсь ногтями в его руку, пытаюсь освободиться. Конечно же, это пустая трата сил. Наверное, он весит втрое больше меня, но это не останавливает меня от желания бросить ему вызов. Его глаза встречаются с моими — неуступчивый, неумолимый и ледяной взгляд. Адреналин затапливает мои вены, дыхание слабеет, а перед глазами всё плывет.

— Ты меня слышишь? — рычит он мне в лицо.

Я задыхаюсь и кашляю под давлением его пальцев, но мне удаётся слабо кивнуть. Он снова усиливает хватку, и тёмные пятна плывут перед глазами, пока низкий гул проносится в ушах. Я на той самой точке, когда теряют сознание. Внезапно, давление на горло прекращается, и его вес покидает моё тело.

Переворачиваясь на живот, я жадно хватаю кислород, задыхаюсь и кашляю. Мои глаза становятся влажными, и слёзы начинают течь по лицу. Горло саднит от боли, а грудь болит. Я никогда в своей жизни не была напугана так, как сейчас. Секунду назад я реально думала, что он меня убьёт. Очевидно, это особый вид человека, который способен вытянуть из кого-то жизнь удушением. Стрелять в кого-то — это одно, но душить и при этом наблюдать за паникой в чьих-то глазах... Я имею дело с монстром. Поднимая голову, я замечаю, как он склоняется над столом. Он опирается руками в дерево, а голова опущена. Он выглядит таким спокойным.

— Дерьмо! — кричит он, от чего я подскакиваю.

Я отползаю от него, пока моя спина не встречается со стеной. Когда он начинает расхаживать перед столом, я смотрю на него с опаской, тяжело дыша.

Он поднимает голову и подходит, останавливаясь прямо передо мной.

— Иди сюда, — жестикулирует он мне, и я поднимаюсь, но всё это время прижимаюсь к стене. Его глаза следят за каждым моим движением и опускаются к горлу, прежде чем он отходит от меня. — Я сказал, иди сюда, — кричит он. Делаю так, как он говорит, потому что у меня больше нет желания злить его.

Отталкиваясь от стены, я следую за ним и выхожу из офиса. Всё, что я могу, это смотреть на него. Он настолько огромен, что заполняет всё пространство коридора. У него напряжённые плечи и тяжелые шаги, когда он несётся по дому, словно шторм. Когда он тянется рукой в карман, я опасаясь, думаю, что он передумал, и собирается пристрелить меня.

Он всего лишь достаёт телефон и прикладывает его к уху.

— Спустись к гостевым комнатам сейчас же! — рывкает он. Внезапно мне становится жаль человека по другую сторону трубки. Видимо, его отношение ко мне как к дерьму, не является личным.

Мне приходится почти бежать, чтобы не отставать от него, когда он идёт по лестнице и по ещё одному длинному коридору. В конце мы натыкаемся на дверь. Он рывком открывает её и отходит в сторону, пропуская меня вперёд. Я разглядываю пол, не в силах смотреть на него.

Боже, наверное, это комната пыток или что-то ещё в этом роде.

Заглядывая в комнату, я нахожу там двуспальную кровать, выдвижной комод и телевизор. Это просто спальня или возможно, тюремная камера.

В коридоре слышатся торопливые шаги и глубокий мужской голос с южным акцентом.

— Эй, что случилось?

— У меня есть работа для тебя, помимо доставки мне сраного виски, — рывкает он.

Моя голова всё ещё опущена, но я смотрю на него сквозь волосы. Он сжимает челюсти, когда опускает свой взгляд на меня.

— Присмотри за ней, — указывает он на меня. — Пресекай все попытки сбежать. Никаких телефонных звонков. И блядь, не верь ей. Уяснил?

— *Ей?* Это девушка? Ты хочешь, чтобы я присмотрел за девчонкой? Почему вообще здесь девчонка?

— У тебя с этим проблемы? — бросает он.

— Нет, — быстро отвечает другой мужчина.

Я слышу щелчок двери. Зная, что он ушёл, я поднимаю голову, и нахожу молодого паренька, стоящего у двери. Он смотрит на меня из-под своих длинных коричневых волос.

— Эй, — он застенчиво улыбается, потирая рукой затылок. Он не похож на Рича или других громил. Просто ребёнок. Наверное, ему ещё нет и двадцати.

— Эй, — тихо отвечаю я. Если мне предстоит остаться взаперти с одним из этих парней, я предпочту этого ребёнка.

Какое-то время он стоит перед закрытой дверью, прежде чем начинает говорить.

— Блядь! — после сумасшедшего крика следует глухой стук, от которого трясётся стена. Я подскакиваю на месте, но этот ребёнок остаётся совершенно равнодушным.

— Эм, я — Калев, — говорит он мне. Он пялится на меня так, словно никогда до этого не видел женщины... Возможно, и не видел.

С интересом смотрю на него, изучая на самом деле.

Я сглатываю.

— Рия. Я бы сказала, что мне приятно с тобой познакомиться, но ты же знаешь,

похищение, и всё такое.

Он хмурится и выглядит совершенно сбитым с толку.

— Подожди, что? Джуд похитил тебя? Джуд? — Он качает головой и смотрит на меня так, словно понятия не имеет, что со мной делать. — Это пиздец, — бормочет он, и его глаза упираются в пол.

Может быть, этот парень — моя единственная надежда...

Глава 7.

ДЖУД

Я закрываю дверь и со стоном провожу руками по лицу. Почти дохожу до конца коридора и понимаю, что мой гнев берёт надо мной верх.

— Блядь! — кричу я, ударяя кулаком по гипсокартону.

Боль пронзает руку, когда мусор сыплется на пол. Я качаю головой и глубоко вдыхаю грязную пыль. Этот Ричард втоптал мне в это дерьмо, и за такое я собираюсь выбить из него всю дурь.

Женщины — моя чёртова слабость во всех ебанных смыслах. И некоторые люди из близкого круга прекрасно знают об этом.

Поднимаясь по лестнице в свою спальню, я полыхаю от злости. Ударом я открываю свою дверь и надевая чёрную футболку. Хватаясь за уголки комода, я наклоняюсь и смотрю на своё отражение. На моей левой щеке виднеется гневный отпечаток ладони, и на руках осталось несколько рубцов от её ногтей, когда она цеплялась за меня в попытке оттолкнуть от себя. В голове всплывает картина абсолютного страха на её лице, когда я прижал её к полу, удерживая за горло. И я закрываю глаза.

Она, блядь, ударила меня, и я потерял контроль. На что она надеялась? Я так сильно сжимаю края комода, что мои костяшки белеют.

Я натягиваю рубашку, распрямляю её, и хватаю свой Кольт-45 по пути к выходу. Подойдя к комнате, где сидят мой брат и *эта* девчонка, я впечатываю кулак в дверь.

— Калев? Привязывай её каждый раз, когда она захочет в туалет, понял?

— Да, Джуд, понятно, — слышу я его крик из-за стены.

А затем:

— Ты *не будешь* наблюдать за тем, как я хожу в туалет.

Я качаю головой. Калев повеселится с ней, просто я беспокоюсь, что он слишком милый. К сожалению, она — привлекательная женщина, а половина парней в этом доме — чёртовы неандертальцы. Калев — единственный из немногих, кто не коснётся её. Чёрт, прошлой ночью я едва сдержался. В ней есть одна очень горячая черта — это её милый акцент с её умным ротиком в пару. Всё в ней так и просит оттрахать.

Проходя через гостиную, я наблюдаю за ребятами, которые смотрят телевизор.

— Она остаётся, и никто не трахнет её, понятно? — указываю я на Боба в частности.

Они отмахиваются. И я ухожу, чтобы очистить свой ум и заняться бизнесом.

Глава 8.

ВИКТОРИЯ

Уже три дня я нахожусь в этой комнате вместе с приставленным ко мне Калобом, и начинаю задаваться вопросом: «Что, чёрт побери, происходит?»

«Три дня», — так сказал Эван. Три дня, и он должен был принести деньги, и я была бы свободна. Но с другой стороны, я не доверяю парню, который отдал свою девушку в качестве залога этим криминальным типам. Я не стану делать вид, что мне не больно, — мне больно. Не то, чтобы Эван был любовью всей моей жизни, или что-то наподобие этой чепухи, но я думала, что он заботился обо мне, или по крайней мере, уважал. Думала, он — порядочный парень. Как же сильно я ошибалась. Теперь мной реально овладевает паника, и знаете, чувство такое, будто стены помещения ужасно давят на меня. Мне просто нужно выбраться из этих четырёх стен.

Чёрт, а что, если я никогда не выберусь отсюда? Как же моя работа? Моя жизнь? Что, если они убьют меня? Ожидание и незнание того, что будет впереди, сводят меня с ума.

Я смотрю на Калеба, небрежно развалившегося на маленькой двуспальной кровати. Он одет в игровую футболку и периодически продолжает кричать, смотря по телевизору какую-то игру. Похоже, он полностью ею поглощён. Я внимательно изучаю его. Он — типичный американский ребёнок с лохматыми каштановыми волосами и такими же тёмными глазами. Выглядит хорошо, хотя ещё не совсем окреп для своего роста, но я уже вижу, что он на пути к этому.

И как бы мне не хотелось это признавать, но он кажется хорошим. По крайней мере, он ещё ни разу не угрожал мне смертью. Кажется, он искренне заботится о моём благополучии, хотя явно не имеет ни малейшего представления, что на самом деле со мной делать. Я не говорила с ним с тех пор, как нас заперли здесь. Я не собираюсь проявлять дружелюбие к парню, который является моим надзирателем. Хотя, кажется, его это не очень-то беспокоит. Он такой весь из себя весёлый, даже пытается накормить меня и постоянно спрашивает, не хочу ли я посмотреть какой-нибудь фильм. Он утомляет меня, ничего особого не делая. Я чувствую, что начинаю сходить с ума. Скорее всего, он работает на этого маниакального психопата, но не вписывается в эту шайку кровожадных головорезов, как Джуд и Рич. Тогда почему он здесь?

— Да! — кричит он телевизору.

Сидя на полу, я опираюсь спиной о стену и изо всех сил стараюсь не обращать внимания на этот шумный телевизор.

— Тебе и вправду нужно смотреть это здесь? Разве ты не можешь для этого пойти в другую комнату? — выпаливаю я.

Он качает головой, пока пялится в телик.

— Не могу этого сделать, детка. Я должен оставаться рядом с тобой, но у меня поставлено на неё пять тысяч, и поэтому ни единого шанса, что я пропущу её.

— Ты же знаешь, что в азартные игры играют только дураки?

Он мельком смотрит на меня, и широкая мальчишеская улыбка поигрывает на его губах.

— Не тогда, когда ты — статистический гений. Всё это высчитанный риск.

— Значит, ты у нас статистический гений? — ехидно спрашиваю я. Он похож на квотербека. Привлекательный парень, но без мозгов в голове.

— Не я, — усмехается он. — Джуд. Уж он-то точно знает, какие шансы пойдут в его пользу. Он хорош в этом. Действительно хорош.

Я хмурюсь, потому что не имею понятия, о чём он говорит, но точно знаю, что не хочу

болтать об этом придурке. И решаю сменить тему.

— Так какие у тебя планы на жизнь, кроме как работать на этого сукина сына? — Мне, правда, интересно. Я не могу перестать думать о том, что он лучше всего этого.

Он отводит взгляд от телевизора и выгибает бровь.

— Я — парамедик, — говорит он, шокируя меня этим.

— Вау, окей. Тогда почему ты работаешь на Джуда?

— А ты любопытная! — Всё его внимание снова возвращается к игре. — Я не работаю на него. Ну, не совсем. Он — мой брат. Я просто помогаю. Весь этот бардак является неотъемлемой частью семьи.

Я вздыхаю.

— Извиняюсь, но ты с ним в родстве? — недоверчиво спрашиваю я.

Он кивает, но не смотрит на меня.

Что за чёрт? Как могло так произойти, что он и Джуд имеют один и тот же генетический набор? Джуд опасен и пугает, словно чёрт, в то время как Калев такой милый. Не знаю, может они хотят, чтобы именно так я и думала. Возможно, он такой же, как и его брат. Глядя на его мальчишеское лицо, я просто не могу испытать и доли того страха, который появляется, когда смотрю на Джуда. Теперь, когда он рассказал, я замечаю сходство между ними. Линии его челюсти, схожесть носа — широкий и ровный.

— Как же тебе не повезло, — бубню я, подтягивая ноги к своей груди.

Он улыбается.

— Знаешь, тебе не стоит осуждать его. Ты ведь его не знаешь.

— О, так обычно он такой милый парень, просто я застала его не в самый подходящий день?

Его глаза встречаются с моими, а губы сжимаются в тонкую линию.

— Я так не думала.

— В любом случае, — его взгляд становится суровым, — ты должна оставаться смиренной рядом с ним. Я уже слышал, как ты вывела его из себя всего за несколько часов. Это плохо, детка. Он не славится своим терпением, и у него один из самых адских характеров, — его взгляд следует к моей шее, где уже успели появиться тёмно-фиолетовые синяки в доказательство тому, каким вспыльчивым бывает Джуд.

— Ага, я заметила, — отвечаю я.

— Да! — снова кричит он, поднимая кулак вверх и ухмыляясь телевизору.

Я смотрю на экран и вижу, как бушует море фиолетовых и золотистых фанатиков.

— Они выиграли? — спрашиваю я, не имея понятия, что там происходит.

Он смотрит на меня.

— Я только что удвоил ставку и выиграл десять тысяч, — он соскальзывает с кровати. — Вот, что случается, когда твой брат — букмекер!

Коэффициенты, статистика. Конечно же. Букмекер! Блядь. Этот гангстер законно играет в азартные игры. Святое дерьмо.

Когда наступает вечер, я чуть ли не лезу на грёбаные стены. Я расхаживаю по этой небольшой комнате уже как полчаса.

— Хочешь кушать? — спрашивает Калеб, потягиваясь у двери.

Я хмурю брови.

— Нет, я не хочу ничего есть. Я хочу домой!

Игнорируя мою просьбу, он вздыхает.

— Ты должна что-то съесть или из-за тебя у меня возникнут неприятности. Прошло уже три дня. Наверное, сейчас ты очень голодна.

Издавая стон, я снова возвращаюсь к ходьбе возле кровати. Я не собираюсь оставаться здесь чёртовым гостем. Вообще не хочу здесь быть и есть эту сраную еду, как какая-то хорошая заключенная. Лучше я сдохну с голоду.

Он фыркает и скрещивает руки на груди.

— Ладно, хорошо. Я собираюсь пойти вниз и раздобыть что-то из еды. Я принесу тебе что-нибудь на случай, если ты передумаешь.

Он разворачивается и выходит из комнаты, закрывая за собой дверь. Я слышу щелчок, когда он закрывает дверь на замок. Эта комната станет моей погибелью. Какого чёрта в гостевой комнате есть замок с наружной стороны двери? Эта комната, скорее всего, походит на тюремную камеру.

Как только он уходит, я обыскиваю комнату, лихорадочно вытаскивая ящики комода. Здесь должно быть что-то, что можно использовать как оружие. Мой взгляд падает на стул, стоящий в углу. Может, я смогу разбить его и выдернуть из него ножку, или ещё что-то. Какого хера? Будто я настолько сильна, чтобы поломать стул. Я что, Невероятный Халк?

В конце концов, я сдаюсь. Тут нет ни единой грёбаной вещи, которая смогла бы мне помочь. Я снова слышу замок, и поднимаю свой взгляд, чтобы увидеть входящего Калеба.

Он несёт тарелку с бутербродом.

— Хорошо, последний шанс, Рия. Ты уверена, что не хочешь есть?

Я одариваю его взглядом.

— Нет, спасибо.

Он пожимает плечами, отходя в сторону. Я смотрю поверх его плеча и замечаю Джуда. Он стоит в дверном проёме, упёршись руками в деревянный косяк двери над головой. Он так сильно её сжимает, что видно, как напрягаются бицепсы. Из-за такого положения его футболка слегка задирается, открывая полоску загорелой кожи над джинсами, и давая мне возможность увидеть V-образные мышцы на животе, которые исчезают в них.

Я перевожу свой взгляд от его тела к лицу, которое превратилось в холодную маску равнодушия, пока он наблюдает за тем, как я на него смотрю.

— Думаю, ты хотела сказать, что *будешь* есть, — говорит он. Его низкий и глубокий голос взывает ко всем моим чувствам, от чего моя кожа покрывается мурашками. Его присутствие заставляет адреналин течь по моим жилам, а инстинкты кричат, что мне нужно бежать, но бежать-то по сути некуда.

— Я не голодна, — спокойно отвечаю я.

Такое ощущение, словно в комнате находится бомба, готовая взорваться в любую минуту. И этой бомбой является Джуд. Он олицетворяет настолько чисто ужасающее спокойствие, что оно становится страшнее любого крика.

Джуд смеётся. Его руки скользят вниз по косяку, когда он наклоняет голову. Покачивая ею, он смотрит на меня и прищуривается, пока один из уголков его губ дёргается вверх.

— Чертовски неправильный ответ!

Ох, дерьмо. Я пячусь назад, прежде чем он начинает идти в мою сторону. Он шагает

вперёд, быстро сокращая расстояние между нами, а его глаза не отрываются от моих.

— Я не спрашивал, голодна ли ты, — он подходит ещё ближе, пока я не начинаю ощущать жар его тела, когда он нависает надо мной. — Позволь мне кое-что пояснить. Ты! — Ещё один его шаг вперёд, и мой назад. — Должна! — Ещё один. — Поешь! — Он опускает голову, глядя в мои глаза. — Разве нет? — Я наблюдаю, как он подходит к Калебу, забирая бутерброд с тарелки.

— Ты не можешь заставить меня есть, — я бросаю ему вызов и распрямляю свои плечи, чтобы мои сто шестьдесят три сантиметра роста выглядели намного больше в его присутствии.

Ленивый смех вырывается из его горла.

— Я смогу заставить тебя делать всё, что я, блядь, захочу.

Он продолжает надвигаться на меня до тех пор, пока я не упираюсь в стену. Это кажется знакомой темой — преследовать и прижать меня к стене.

— Джуд, — предупреждаю я, но это больше похоже на мольбу.

— Женщина, съешь этот чёртов сэндвич, пока я не затолкал его тебе в глотку, — он поднимает его перед моим лицом.

Он не посмеет. Я ещё больше отстраняюсь, пока снова не натыкаюсь на стену.

— Чёрт...

И запикивает сэндвич в мой рот. На самом деле затолкал его! Ублюдок!

— Жуй, блядь, и глотай, — приказывает он.

Мог ли он стать ещё большим засранцем, если бы попытался?

Я жую только потому, что боюсь, что, если не буду, он реально заставит мой рот выполнять эту функцию с помощью его рук, но я убеждаюсь, что всё это время мой взгляд на него остаётся сердитым.

Он поворачивается к Калебу.

— Сколько прошло времени с тех пор, как она ела последний раз?

Калёб пожимает плечами.

— Она ничего не ела всё это время, пока была со мной.

Джуд издаёт низкий рык.

— Блядь, я же сказал тебе присматривать за ней!

— Что я и делал... Чего ты хочешь от меня? Я не собираюсь силой заставлять её есть, — он пожимает плечами, прислоняясь к противоположной стене.

— Боже, ты — долбаный идиот, — ворчит он до того, как разворачивается ко мне. Он наклоняется ближе, и я опять ощущаю его тело. Его дыхание опалает мою щеку, и он обхватывает рукой мою шею, удерживая меня на месте. Он так близко, что его присутствие затмевает всё. Я машинально поддаюсь его прикосновениям, и вдох замирает у меня в груди.

— Не вынуждай меня самому разбираться с тобой, *Виктория*, — то, как он называет меня по имени, заставляет что-то сжаться внутри меня. Что за чертовщина со мной происходит? Он проводит большим пальцем по моему горлу. — Я, правда, не хочу больше оставлять отметины на этой прекрасной коже, — его голос гортанный и резкий, но прикосновение нежное. Моё сердце стучит в груди, словно бешеное. Что он, чёрт возьми, делает со мной? Я боюсь его, но часть меня хочет, чтобы он не убирал руку. Его прикосновения такие нежные, и осмелюсь сказать, утешительные.

О, Боже. Думаю, у меня какой-то психический срыв! Возможно, то, что я заперта в этой комнате, сводит меня с ума. Я хмурюсь и дёргаюсь в сторону от его прикосновения. Его

фырканье напоминает короткий смешок, пока он явно забавляется моим извращённым состоянием ума.

Отстраняясь от меня, он идёт в сторону двери. Хватается за ручку, но затем разворачивается к своему брату и тычет указательным пальцем ему в лоб.

— Присматривай за ней. Даже, если потребуется связать её, жевать грёбаную еду как мама-птица и класть ей в рот, чтобы заставить съесть, сделай это!

— Ты — чёртов больной придурок! — выпаливаю я, шурясь.

Он поворачивает голову в мою сторону.

— Ты и понятия не имеешь какой, малышка.

Указывая на Калеба в последний раз, он открывает дверь.

— Будь паинькой, — он отворачивается от меня и покидает комнату. Дверь захлопывается, заставляя картину на стене дрожать. Щелчок замка становится финалом картины.

Я съедаю половину этого чёртового бутерброда, потому что последнее, чего хочу, это чтобы Мистер Умник вернулся сюда. Присаживаясь на кровать, я прислоняюсь к её изголовью и упираюсь локтями в колени.

— Я же предупреждал, — говорит Кaleb, падая на кровать рядом со мной.

— Знаю, — тихо отвечаю я.

Мои руки начинают дрожать, а на глазах появляются слёзы. Чёрт побери. До меня наконец доходит безнадежность всей этой ситуации. Я знаю слишком много. Чтобы не произошло дальше, они не выпустят меня отсюда, зная, что я догадалась об их преступной деятельности.

— Я никогда уже не выберусь отсюда, да? — спрашиваю я. — Он собирается убить меня.

— Нет, он не станет тебя убивать, — Кaleb качает головой в знак протеста.

Несколько слезинок скатываются вниз по моей щеке, когда и я опускаю голову на колени, чтобы спрятать лицо. Я не собираюсь рыдать, ведь слезами горю не поможешь.

— Вот дерьмо, — стонет он. Я чувствую его руку на моих плечах, и он притягивает меня к себе. Ничего не говоря, он просто сидит рядом со мной.

— Я думала, что ты классный, — фыркаю я, пытаясь сменить тему и остановить жалкие слёзы. — Но ты предал меня.

Он закатывает глаза.

— Больше не заставляй меня так поступать. Ты должна есть, знаешь об этом?

— Ты рассказал обо мне Мистеру Чёртовому Умнику? — Я немного отстраняюсь от него.

Мне нравится Кaleb, и странно, но я верю ему, но не могу себе позволить привязываться к нему. Может, он и самый дружелюбный из всей этой шайки, но я, по-прежнему, остаюсь его заложницей.

Он пожимает плечами.

— Если ты заболеешь, прибьют именно мою задницу.

— Хорошо. Я собираюсь заключить с тобой сделку, — говорю я.

Он прищуривается.

— Ох, а-а, нет, никаких сделок.

— Но ведь ты даже не выслушал.

Он приподнимает бровь.

— Я не *должен* заключать с тобой сделки, ты — заложница. Это я должен предлагать тебе варианты, а не наоборот.

— Вот так, значит. Ну, спасибо, что напомнил мне. Словно я не знала об этом, — ворчу я.

Мы молча сидим какое-то время. Я слышу, как он вздыхает, а издаёт краткий стон.

— Что за сделка?

— Если ты хочешь, чтобы я что-то делала, просто попроси меня. Я сделаю всё — *всё* — чтобы избежать его.

— Он пугает тебя? — карие глаза Калеба изучают мои.

Я киваю.

— Ага.

— Хорошо. Но просто, чтобы ты знала, мы не заключаем сделок с женщинами. Мы не берём заложников, потому что на самом деле никто из нас не знает, что с этим делать. Это не похоже на него. Обычно он более... терпелив с женщинами, — поясняет Калеб. — Я попытаюсь держать тебя от него как можно дальше.

Я награждаю его кроткой улыбкой.

— Спасибо, Калеб.

Я не испытываю большой надежды по этому поводу. Но Джуд относится к Калебу намного лучше, нежели ко мне.

— Заноза в моей заднице, — бормочет он, смеясь.

— Пожалуйста, мы можем покинуть эту комнату? — скулю я.

Четыре дня. Мы уже торчим в этой комнате четыре дня. Тут есть ванная с туалетом и раковинной, но нет душа. Вчера Калеб дал мне одну из своих рубашек и баскетбольные шорты, потому что ему стало меня жаль, но я реально плохо пахну. Видимо, заложникам не положено мыться. Но есть и приятная новость — я не видела Джуда после того нашего маленького инцидента с бутербродом.

Калеб вздыхает, бросая на меня сердитый взгляд.

— Пожалуйста, — я хлопаю своими ресницами перед ним.

— Прекрати. Ты ставишь себя в неловкое положение.

— Калеб! Я тут к чёрту с ума сойду, если ты не выпустишь меня из этих четырёх стен.

— Святой грёбанный Христос. Ты ещё та заноза в заднице, девчонка, — он потирает свой затылок. Могу сказать, что он рассматривает просьбу. Он отрывает свой взгляд от пола и смотрит на меня, прищурившись. Очевидно, он пытается казаться грозным и жёстким, глядя на меня вот так, но я провела с ним слишком много времени наедине, чтобы чувствовать себя под угрозой. — Я выведу тебя отсюда, — говорит он, — но ты должна всё время быть рядом со мной. Джуд порежет меня на кусочки, если прознает об этом, хорошо?

Я киваю с энтузиазмом.

— Хорошо.

Он бросает на меня запугивающий взгляд и жестом зовёт следовать за ним к выходу. Мы идём по коридору и спускаемся по лестнице. Я не имею понятия, куда. Осматривая всё, я пытаюсь сохранить в памяти схему дома.

Калев приводит меня на кухню.

— Хочешь что-нибудь *поесть*?

Я не могу упустить то, с какой ухмылкой на губах он это говорит. Придурок.

— Очень, блядь, смешно.

— Просто проверяю, — он улыбается и хватается за пакет чипсов из шкафа, прежде чем выводит меня из кухни. — Пойдём.

Мы проходим по коридору, пока не оказываемся в прихожей с большой витражной входной дверью. Той самой, через которую я попала сюда. Он продолжает идти, пересекая ещё один коридор, и заходит в зал. Здесь несколько телевизоров, но все выключены. Калев поднимает пульт и включает один из них. У меня появляется шанс, и я его использую. Не раздумывая ни минуты, я тупо слеую своим инстинктам. Я не собираюсь умирать в этом чёртовом доме. Хватая лампу с рядом стоящей тумбочки, я ударяю ею по его затылку.

Хрупкие осколки разлетаются по всей комнате в то время, как Калев хватается за затылок.

— Блядь! — рычит он.

Прежде, чем он может оклематься, я ударяю его по яйцам. Его рука тут же накрывает пах, и он кашляет, падая на колени с глухим звуком.

— Прости. Мне так жаль! — кричу я, уже выбегая из комнаты.

Я мчусь в прихожую и распахиваю входную дверь. Не останавливаясь, я просто продолжаю бежать. Боковым зрением замечаю двух мужчин слева от двери. К чёрту это. Я скорее умру, чем сдамся им. Гравий подъездной дорожки впивается в мои голые стопы, но я не обращаю на это внимания. Нужно продолжать бежать!

— Блядь, не стреляйте в неё! — слышу я голос Калеба позади себя. — Не стрелять! — Такое чувство, что он в панике, но я не знаю почему. Может, из-за того, что Джуд надерёт ему задницу, или потому что два крупных парня держат меня на мушке. Но мне плевать. Всё, о чём я могу думать, — как поскорей выбраться из этого ада.

Я слышу гремящие шаги позади меня. Мне хочется закричать от отчаяния, когда я ускоряю свой бег. Слышу, как они становятся всё ближе и ближе ко мне, пока не ощущаю вес на своей спине, из-за которого спотыкаюсь и падаю на землю. Мой лоб встречается с высушенной солнцем травой, а зубы кладают при столкновении. Следующее, что я ощущаю, это как какой-то мужчина усаживается на меня, и заламывает руки мне за спину. Он держит оба моих запястья в своей руке и дёргает вверх, натягивая мои плечи настолько, что их вот-вот выдернет.

— Это... — мужчина тяжело дышит из-за погони за мной, — самая глупая вещь, которую ты совершила, — рычит он мне в ухо. Хватая меня за волосы, он дёргает голову назад. — Шагай, блядь.

Он толкает меня в сторону дома. Калев стоит на крыльце вместе с другим парнем, который качает головой. Лицо Калеба почти белого цвета, и он стоит, сторбившись. Чувство вины мгновенно овладевает мной.

Парень заводит меня наверх по ступенькам, и всё это время Калев смотрит на меня. Я шевелю губами «прости», когда меня тащат в гостиную и толкают на диван.

— Кто-нибудь принесите мне верёвку, — рявкает парень, который удерживает меня.

Спустя несколько минут я уже сижу связанная и с кляпом во рту. Снова.

Калев вышагивает передо мной, грызя свои ногти и покачивая головой. Дерьмо. Это не к добру.

Глава 9.

ДЖУД

Кровь с моих рук стекает в умывальник вместе с водой.

— Тупой ублюдок, — говорю я, вытирая свои ладони об рубашку. — Тебе стоило бы хорошенько подумать, прежде чем приводить эту чёртову девушку в качестве залога.

Я смотрю в зеркало, чтобы убедиться, что на моей одежде нет крови. Мне не хочется появляться в баре, выглядя как психопат. Разглаживая складки на своей рубашке, я выхожу из туалета. По пути наталкиваюсь на Ричардом, который валяется на полу и стонет. Всё его лицо покрыто кровью. Остановившись возле него, я пинаю его ногой.

— Ты ещё повторишь подобную глупость? — Низкий стон срывается с окровавленных губ Ричарда, от чего от них отскакивают пузырьки. — Отвечай!

— Нет.

Я киваю и направляюсь к двери.

— Тебе повезло, что ты — мой двоюродный брат. Кому-то другому такой трюк стоял бы жизни. Когда вытацишь свой язык из глотки, вали и выполняй свою грёбаную работу так, как положено.

Временное успокоение, которое навеивает бар, сейчас отходит на задний план. В моей голове полнейшая каша от того, что только что сказал Марни.

— Что? — я делаю паузу, когда осмысливаю сказанное. — Что?

— Я сказал, — он наклоняется над своим пивом и водит взглядом со стороны в сторону, словно боится, что нас могут услышать. — Думаю, тебя подставили.

Глядя на почти пустой стакан в своей руке, я поворачиваю напиток и вытираю конденсат с гладкой стороны.

— Эта работа не настолько трудная, как люди представляют её себе. Не доверяй никому.

Мне реально хочется, чтобы он заткнулся. Я облажался. Каким-то образом я кое-что упустил, когда проверял чист ли Эван, прежде чем принимать его ставку.

— Ты уверен, что он связан с ним? — спрашиваю я.

Марни кивает и подносит стакан к своим тонким губам. Хватая горсть коктейльных орешков, он засовывает их себе за щёку, и хрустит в течение нескольких секунд. Он постукивает пальцем по бумаге, которую принёс с собой.

— Записи не врут.

Опуская взгляд на лист бумаги, я начинаю читать имена. Как, мать его, я пропустил факт, что Эван — племянник Джо Кэмпбелла? Из всех чёртовых людей я пропустил именно того, кто связан с Джо.

— А, — говорит Марни, сгребая бумагу со стола и убирая её в карман пиджака. — Теперь ты понимаешь, сколько мне потребовалось времени, чтобы откопать это дерьмо? Эта семья меняет фамилии и биографию, словно шляха мужиков. Анонимность — лучший

способ оставаться в деле. Ты найдёшь это только, если станешь искать, и тебе всё равно понадобится неделя, чтобы разобраться.

Я опускаю голову и провожу по ней пальцами, устремляя взгляд на потёртую барную стойку. Меня накрывает осознание того, что возможно, эта девушка меня подставила. Она пересекла черту, за которой лишила меня выбора, кроме как отнять её жизнь.

Марни прочищает горло и ставит свой напиток обратно, хлопнув им по прилавку.

— Теперь другой вопрос — как выяснить, *знает* ли что-то девушка, ведь Джо очень умен. Я не сомневаюсь, что это он подговорил придурка сделать тебе плохую ставку, и предложил отдать девушку как залог, обещая отдать деньги, — он кладёт ещё одну горсть орехов в рот. — Но много осторожности не помешает. Так или иначе за тобой охотятся.

Мне так противно от всего этого, что всё, что я делаю, это киваю. Я смотрю поверх головы Марни, и теряюсь на мгновение.

— Ага, я знаю. Думаю, лучше бы я убил Джо вместо того, чтоб пытаться заставить его страдать.

Марни пожимает плечами.

— Дьявол, никто и не говорит, что ты не можешь убить его.

Я знаю, что мог убить его. Мог попытаться, но Джо слишком подлый, и кажется, он уже приставил кого-то ко мне. Знаю, он усилил личную охрану после ситуации с его женой, поэтому у меня нет возможности достаточно близко подобраться к нему, кроме как получить пулю в собственную голову. И он уже подослал кого-то в *мой* чёртов дом.

Марни вздыхает.

— Позволь мне получить больше информации об этом ублюдке. Посмотрим, смогу ли я понять, владеет ли девушка информацией, хорошо?

Прежде, чем я отвечаю Марни, мой телефон вибрирует от входящего сообщения:

«Она пыталась сбежать. Эта чёртова маленькая злющая сучка».

— Ох, блядь! — стону я, закатывая глаза и ударяя кулаком по столу.

— Что?

— Эта чёртова девушка, — я качаю головой.

— Пока мы не нароем больше, *не верь* ей.

Поднимаясь, я снимаю своё пальто со спинки стула и выхожу из бара.

На обратном пути к своему дому я всё обдумываю. Подъезжая к воротам, ввожу код доступа, глядя на камеру безопасности, которая сканирует периметр участка на въезде.

Я паркую машину и поднимаюсь по ступенькам, задаваясь вопросом, что, чёрт побери, можно доверить моему брату, кроме зашивания ран от ножевых ранений? Иногда, он приятный до тошноты. Мне хочется ненавидеть его за это, но эта приятная сторона, которая досталась ему от нашей матери, всё осложняет.

Войдя в дом, я нахожу в гостиной только одного из моих дядей. Рядом с ним связанная девушка с заткнутым ртом.

— Боб, какого чёрта? — спрашиваю я, бросая ключи на кофейный столик.

Он пожимает плечами.

— Твой младший братик — слабак, вот какого. Он выпустил её из чёртовой комнаты, а

она при первой же возможности ударила его и решила сбежать, — он смотрит на неё и снова на меня. — Также у неё чертовски грязный рот.

— Ага, знаю.

Она смотрит в пол. В её волосах торчат сухие сосновые иголки. Одежда на ней испачкана травой, а на лице грязь. Она боролась, в этом я чертовски уверен.

Я подхожу к дивану, и приседаю перед ней.

— Вот, скажи мне, насколько ты дура? А?

Её грудь поднимается и опускается от неровного дыхания. Она дрожит. Её глаза расширяются, и она изо всех старается избавиться от кляпа.

— Клянусь Богом, если я выясню, что ты — некто больший, чем просто несчастливая девушка... — я не могу закончить своё предложение, потому что перспектива последствий выводит меня из себя.

Она хмурит брови и пялится на меня.

— Да что с тобой не так? Почему ты, блядь, просто не можешь послушать и посидеть на месте до тех пор, пока твой придурочный парень не заплатит?

А что потом? Отпустить её? Чтоб Джо, мог прийти в мой дом? Блядь, я здесь больше, чем просто в заднице.

Я выпрямляюсь и запускаю руки в волосы, не в силах смотреть на неё сейчас.

— Где этот чёртов Калев? — спрашиваю я Боба.

— А мне откуда знать? Дерьмо, я вожусь с ней вот уже как полчаса.

Я срываюсь с места, и выкрикиваю его имя, шагая по коридорам.

— Калев? — Тишина. — Калев! — громче кричу я, и когда заворачиваю за угол и обнаруживаю его, сидящим у изножья лестницы.

— Ты, блядь, позволил ей сбежать? — рывкаю я. Он — мой брат, но его тупость выводит меня из себя. Запуская руку в волосы, он не поднимает на меня взгляд.

— Я облажался. Мне жаль.

— Иисус, блядь... Какого чёрта мне верить тебе, если ты не можешь уследить за этой чёртовой девушкой? Просто одна девчонка и без оружия! — кричу я, смахивая вазу со стола. Звук разбитого стекла привлекает внимание Калеба.

Хватая его за рубашку, я поднимаю его на ноги. Я замечаю вспышку страха в его глазах, ведь он знает, что его ждёт.

— Что я, блядь, тебе говорил? — спрашиваю я.

Он опускает свой взгляд в пол.

— Не выпускать её из комнаты.

— А ты что, блядь, сделал? — Я усиливаю хватку на рубашке, притягивая его к своему лицу.

— Я выпустил её, — еле слышно говорит он.

Наверное, у меня это врождённое: когда ты злишься, ты дерёшься. Я отвожу локоть назад, и бью его просто в челюсть. Его голова дёргается в сторону, и он поднимает свой кулак, чтобы ударить меня в ответ, но останавливается и опускает руку.

— Чёрт тебя побери, Калев! — отпуская его рубашку, я отталкиваю брата от себя.

Он сжимает челюсть. Я знаю эту боль. Мне не стоило бить его, но к чёрту всё.

— Прости. Ты облажался, — пожимаю я плечами. Не ожидая его ответа, я просто разворачиваюсь и иду в сторону коридора. — Как я и сказал, если ей нужно в туалет, просто привяжи её задницу. Уяснил? У меня встреча. Думаю, ты сможешь присмотреть за ней

несколько часов, пока я не вернусь?

Я направляюсь в переднюю часть дома, злой как ад, ещё и опаздываю на встречу. Когда я прохожу мимо Боба и этой проклятой девушки, всё, что я могу, — это рычать.

— Думаю, лучше оставить этот сраный кляп у неё во рту, — ворчу я, выходя за дверь.

Глава 10.

ВИКТОРИЯ

Как только Джуд захлопывает за собой дверь, Боб хватается меня за плечи и толкает вперёд.

— Возвращайся обратно в ту ебаную комнату.

Через несколько шагов он снова подталкивает меня, и я спотыкаюсь. Подойдя к двери, мы видим Калеба, стоящего в конце коридора. Боб толкает меня, и я падаю на комод.

Калеб заходит за мной, и я слышу, как закрывается замок. Он просто смотрит на меня, и между нами возникает неловкое молчание.

Мне так хочется попросить у него прощения, но я не могу этого сделать из-за этого дурацкого кляпа во рту. От падения на землю у меня болит голова. Мои ноги все в ранах, а кожа на коленях содрана. Но хуже всего то, что это было впустую. Я едва пробежала пятьдесят метров прежде, чем они схватили меня.

Поднимая взгляд на меня, Калеб вздыхает и проводит рукой по затылку. Я замечаю, что он и его брат делают этот жест, когда злятся.

Жду его крика, но он не делает этого.

— Это моя вина, — бубнит он. — Я знал, что тебе нельзя доверять.

Качая головой, я пытаюсь сказать ему что-то сквозь кляп. Выражение его лица почти убивает меня. Ему больно. Он злится и смущён, потому что он прекрасно осознаёт, что не должен жалеть меня.

Калеб не такой, как его брат. Он добрый и очень хороший для этого дерьма, а я ударила по яйцам за его доброту. В буквальном смысле.

Испытывая ко мне жалость, он делает несколько шагов вперёд. У него взгляд как у щенка. Он вздыхает, качая головой, и принимается развязывать кляп.

Чувство вины поедает меня живьём.

— Мне так жаль, Калеб! — выпаливаю я в ту же секунду, как только могу говорить.

— Я *поверил* тебе, Рия, потому что чувствовал, что плохо с тобой обращался.

О, мой чёртов Бог, разве можно заставить меня чувствовать себя ещё хуже? Его большие карие глаза прожигают меня. Он хмурится, и боль искажает его лицо.

— Прости! — я ощущаю, как мои глаза начинают покалывать. Дерьмо, это смешно. Я чувствую себя виноватой за то, что пыталась сбежать. Серьёзно, что-то явно не так с этой ситуацией.

Он трёт свою челюсть, и я замечаю красный отёк.

— Что случилось с твоим лицом? — быстро спрашиваю я.

Он вздыхает.

— А как ты думаешь? Я же говорил, что он выбьет из меня дерьмо, если ты покинешь комнату.

— Чёрт, — плотину прорывает, и я начинаю плакать, теряя контроль над своими

эмоциями.

— О, блядь! — Его глаза расширяются, и он начинает осматривать меня, словно мне больно, приподнимая мой подбородок, будто выскивает следы удушения или что-то подобное. — Что, чёрт возьми, Боб сделал с тобой?

— Я не могу... я просто... — плачу я, тяжело всхлипывая. — Я скучаю по своей сестре, работе и чёртовой жизни, Калев! Я не хочу умереть здесь!

Его плечи немного расслабляются, а глаза веселеют.

— Послушай, я знаю, это не идеальные слова, но обещаю, ты скоро вернёшься домой, — он затихает на секунду. — Ты не умрёшь. Я имею виду... чёрт, это *не нормально*. В этом нет ничего нормального. Джуд не связывается с заложниками. Так что ты... — Калев изучает меня, сканируя взглядом и качая головой, словно сожалеет о чём-то. — Ты не должна быть здесь. Верь мне.

— Ты не видишь того, как он смотрит на меня, Калев. Он собирается убить меня к чертям! — всхлипываю я сквозь слёзы.

Он прикрывает глаза и прикусывает губу.

— Нет, он этого не сделает. Знаю, ты в это не веришь, но он хороший человек. Тут все конкретно облажались. Мы росли в этом дерьме, поэтому... — он делает паузу и смотрит на меня. — Но он не убьёт тебя.

— Боже, Калев, проснись уже, наконец. Он — убийца. Это то, чем он занимается! Я умру в этом долбаном месте. Моя сестра никогда не узнает, что со мной случилось. И я никогда не стану доктором... — на этом мой голос срывается в громкий плач.

— Он — букмекер, а не киллер. Это просто бизнес, — он поглаживает меня по спине, но выражение его лица говорит, насколько неудобно он себя чувствует. — Не плачь, — произносит Калев, стараясь успокоить, но я слышу лёгкую дрожь в его голосе. — Я... это... дерьмо. Что ты хочешь, чтобы я сделал, Рия?

— Ничего, — ною я. — Нет ничего, чем ты мог бы помочь.

Бедный парень выглядит так, словно готов застрелиться, лишь бы не иметь дело со мной.

— Рия, я обещаю, что не дам тебя в обиду, ты меня поняла?

Я всматриваюсь в его большие карие глаза. Несмотря на моё внутреннее смятение и страх к Джуду, на самом деле я верю Калебу. Только проблема в том, что, если Джуд захочет причинить мне боль, его ничего не остановит. И точно не его младший брат.

Глава 11.

ДЖУД

Прошло сорок минут после того, как я покинул свой дом. Я въезжаю на стоянку из гравия возле сторожки у ворот. Пока я иду ко входу, замечаю несколько пьяных стариков, которые, спотыкаясь, выходят из дверей и направляются к своим машинам.

— Ох, чёрт, Фрэнк, — ворчит один из них со светлыми волосами. — Тебе же чертовски хорошо известно, что эта страна погрязла в демократии.

Другой мужчина запускает руку в волосы и теряет равновесие, падая и опираясь на стену здания.

Я толкаю дверь, и густой дым от курева ударяет мне в лицо. Мой взгляд мечется по

тускло освещённой комнате и задерживается на парне, который склоняется над баром.

Кивая другим мужчинам, я пересекаю комнату, слегка похлопываю своей рукой по его плечу, и он стонет в ответ.

— Эй, Джим. Ты же помнишь, что сегодня последняя пятница месяца, да?

Он склоняет голову в сторону, глядя на меня только одним открытым глазом.

— Ага, Джей-Пи, знаю.

Он садится, опираясь на спинку стула, и копается в заднем кармане. Достав оттуда конверт, он протягивает его мне.

— Я должен прекратить делать ставки у твоего босса. Он очень влиятелен для этого старого бизнеса.

Улыбаясь, я забираю конверт. Большинство людей думают, что я — «борода» — посредник между ними и букмекером. Но они не имеют понятия, что я — тот самый человек, которого на самом деле они не хотят злить.

— Ах, прекрати, Джим. Ты повторяешь это каждый раз, — похлопывая его по плечу, я открываю конверт, чтобы посмотреть, что внутри. — Это же ради веселья, я прав?

Фыркая, он поднимает свой бокал и взбалтывает пиво на дне перед тем, как отправить его в рот.

— Ага, чертовски весело для слива моего счёта в банке, но в один из таких дней, — говорит он, тыча своим трясущимся пальцем в меня, — я выиграю чертовски крупную сумму. И тогда я остановлюсь.

— Увидимся через несколько недель, Джим, — отвечаю я, направляясь к двери.

Я залезаю в машину и едва выезжаю обратно на дорогу, как у меня звонит телефон. Беру трубку и всё, что слышу — это безумный смех.

— Я занят. Какого чёрта там происходит? — спрашиваю я и перестраиваюсь в соседнюю проезжую линию.

— Оу, — удаётся ответить Бобу через кашель, — ты просто должен вернуться домой и увидеть, что твой младший киска-братик делает.

— Что? О, чёрт возьми. Только не говори мне, что он снова напортачил с той малышкой?

Кто-то гудит и кричит на заднем плане — остальные парни.

— Давай, Браун. Вперёд! Забей этот чёртов мяч! — гремят звонкие голоса. — Выглядит так, будто тебе будет что собрать. Флорида только что проиграла.

— Хорошо, — стону я, больше волнуясь о том, что, чёрт возьми, сделала та женщина, чем о деньгах, которые я только что срубил. — А теперь, какого хрена там случилось с Калобом?

— Ты просто должен приехать и увидеть это собственными глазами, Джуд. Честно я не знаю, почему именно он попал в наш семейный бизнес. Думаю, он прячет вагину между ног.

Я вешаю трубку и бросаю телефон на пассажирское сиденье.

— Чёртов Калоб! — ударяя кулаком по рулю, я виляю в трафике и еду к выезду.

Как только я попадаю внутрь, то нахожу группу моих верзил, собравшихся вокруг кухонного стола, попивающих пиво и играющих в покер.

— Мне нужно пнуть его под зад? — спрашиваю я.

Боб улыбается, пожимая плечами.

— Если ты спрашиваешь меня, то думаю, он, вероятнее всего, был бы травмирован, только услышав это.

Качая головой, я иду вниз по коридору. Калёб всего лишь чёртов ребёнок. Ему двадцать один, и мне иногда становится стыдно, что я позволил ему связаться с этим дерьмом. Конечно же, это наше наследие, но в какой-то момент всегда находится тот, кто говорит: «Они слишком хороши для этой чёртовой жизни». Я пытался. Пытался выйти из этого, но я взросление среди угроз, грязных денег и мести несомненно оставило свой след. Это моя обязанность — продолжать наследие моей семьи, но Калёб... Здесь у него нет никаких дел. У него до сих пор есть мораль, и надеюсь однажды меня станет слишком много для него, и он уйдёт, забыв в какой мы заднице.

Остановившись перед дверью, я отпираю замок и вдруг слышу всхлипы.

Открыв дверь, я вижу, что он опустил голову на её плечо, и плачет. А она обнимает его рукой, успокаивая, и поднимает взгляд, метая взглядом молнии, когда я вхожу внутрь.

— Что за... — я перевожу взгляд на телевизор и вижу финальные титры кинофильма. — Что за нафиг? Калёб?

Он смотрит на меня, вытирая соплю своим рукавом.

— Чувак, Джуд, это такое грустное дерьмо. Эта правдивая чёртова любовь... и птички в конце улетели, — он делает вдох, — это было так, словно их души улетают в небеса, чтобы провести вечность вместе. Насколько же это чертовски глубоко и грустно!

Мои глаза лезут на лоб, а челюсть произвольно открывается. Я буквально теряю дар речи, а мой пристальный взгляд мечется между телевизором и этой парочкой, обнимающейся на кровати.

— «Дневник памяти», — говорит Виктория. — Могу принять удар ножом в темноте, поклявшись, что ты его ещё ни разу не смотрел.

— Ты издеваешься надо мной? — я качаю головой, запуская свои пальцы в волосы и пытаюсь понять, что именно только что произошло.

Эта женщина превратила моего брата в долбаную киску. Много раз он наблюдал за тем, как люди теряли свои жизни в жестоких условиях. И вот теперь он сидит, пуская нюни от какого-то фильма, и нежится в утешительных объятиях девчонки.

— Блядь, Калёб! — я иду к ним, дёргая его верх. — Просто... съебись отсюда, — я открываю дверь, намереваясь вытолкнуть его в коридор, но замираю.

— Ты же знаешь, что относишься к виду засранцев, — огрызается она.

Она сейчас действительно открыла свой рот на меня? Когда эта девушка успела отрастить себя яйца? Я должен это исправить прямо сейчас. В момент, когда она перестанет меня бояться, моя жизнь превратится в ад.

— Что с тобой не так? — я поворачиваюсь к ней лицом. — Смерти ищешь? Ты двигаешься в нужном направлении, куколка.

— Ну да, ну да, — она отмахивается рукой в воздухе. — Опять эти угрозы о смерти.

Что, блядь, рассказал ей Калёб?

Указывая на Калёба, она морщит лоб.

— Ты ударил его!

— Он выпустил тебя! Конечно же, я его ударил, — я хватаю Калёба за плечи, толкая к двери.

— Ты — кусок дерьма! — выкрикивает она, и её лицо становится красного цвета.

— Рия... — начинает Калёб, но тут же затыкается, когда я сжимаю его плечи.

— *Рия?* Теперь ты её так называешь?

Калёб игнорирует этот вопрос, и она снова тычет в его сторону.

— Он — твой брат! Ты даже не заботишься о своей семье!

Ох, сейчас она коснулась больного места. Я чувствую, как жар охватывает моё тело, и в результате, впиваюсь пальцами в плечи моего младшего брата.

— Я прекрасно знаю, что он — мой чёртов брат! Мне также известно, что это не твоего ума дело. Если бы ты беспокоилась о нём, то, наверное, не пнула его по яйцам.

Она смотрит на Калеба, и её взгляд смягчается. О, блядь, это означает, что эта сучка плохо влияет на моего брата. Я никогда не должен был оставлять его с ней.

— Мне пришлось! Прости, Калеб, — она направляет своё внимание на меня. — Я была *похищена*, и конечно же, мне хотелось убежать. Ты думал, я буду сидеть и ждать пока ты меня убьёшь? У меня ещё остался инстинкт выживания, знаешь? С другой стороны, ты просто подлый. Ты не заслуживаешь такого брата, как он.

Стиснув зубы, я открываю дверь и выталкиваю Калеба наружу. Я закрываю дверь на замок и снова поворачиваюсь к ней.

— Ты ничего о нас не знаешь, поэтому надеюсь, ты заткнёшь свой прелестный ротик, если на самом деле хочешь жить.

— Я знаю, что он милый, а ты — нет, — говорит она, скрещивая руки на груди.

— Милый? — смеюсь я. — Что ты имеешь виду под этим? Мы что, в долбанном летнем лагере? Он присматривает за тобой, а не твой новый друг. Что дальше? Плетение друг другу косичек на голове?

Она сердито смотрит на меня, и я подхожу к ней ближе, заставляя её пятиться назад. Я продолжаю наступать, пока она не врежется в стену.

— Очевидно, ты как-то влияешь на моего брата и помыкаешь им, как только пожелаешь. Ты заставляешь его рыдать как девчонку над тупым девичьим дерьмом, и очевидно, он слишком *милый*, чтобы удержать тебя от побега. Итак, с этого дня ты будешь находиться в *моей* комнате или со *мною* двадцать четыре часа в сутки, пока долг не будет выплачен, или я не найду другое местечко, куда тебя можно будет запрятать. Ты меня слышишь?

Она смотрит мне в глаза, стискивая зубы, и, похоже, собирается бросить мне вызов.

— Ох, ещё как слышу, — рычит она. — Я уже услышала тринадцать угроз смерти и ещё, что меня должны были забрать из этой дерьмовой дыры через три дня. Ты хочешь меня убить, так сделай уже это наконец. Если ты хочешь провести каждую минуту со мной, — скалится она, — я превращу твою жизнь в ад.

Злющая, словно фурия! Она потеряла свой сраный рассудок, или у неё ебаные месячные, потому что она превратилась в абсолютную суку. Сжимая челюсти, я тяну её за руку, отрывая от стены, от чего её лицо оказывается слишком близко к моему и наши носы соприкасаются. Она тяжело дышит, но каждый раз, когда она так делает, я осознаю, насколько её грудь прижимается к моей.

— Без моего наблюдения ты даже пописать нормально не сможешь. Как тебе такой вариант?

— Знаешь, что я тебе скажу? Почему бы тебе не сесть задницей на огонь? И, *возможно*, тогда ты увидишь меня писающей!

Склоняя голову, я быстро вздыхаю и пытаюсь скрыть кривую усмешку, которая играет на моих губах. Я должен быть очень сердитым за то, что сейчас она дерзит мне таким образом, но этот хитрожопый умный ротик с британским акцентом лучше эффекта любой Виагры.

— Мне даже не хочется дышать с тобой одним воздухом, — кричит она. — Поэтому можешь пристрелить меня прямо сейчас.

— О, поверь мне, я бы с преобладающим удовольствием избавил себя от этой чёртовой нервогрёпки, но у меня сегодня нет желания чистить ковёр от крови.

Рывком я притягиваю её к себе, и в итоге, её лоб оказывается на уровне моего подбородка. Я кривлю губы от её внезапного запаха. Она пахнет как дерьмо.

— Блядь, — кашляю я от вони. — Неудивительно, что Калёб хотел выпустить тебя из этой комнаты, ведь от тебя несёт как от задницы!

Я тяну её за собой в сторону двери.

— Вот, что происходит, когда ты запираешь девушку в комнате на четыре долбаные дня! — говорит она, вырывая руку из моей хватки.

На данный момент обращение с ней как с ребёнком может стать моей лучшей ставкой. Открывая дверь, я хватаю её за запястье и тащу по коридору. Очевидно, что её словесный фильтр опускается, самоконтроль отключается, а инстинкт выживания дохнет. Возможно, она просто вышла из себя.

— Отпусти меня, — прыскает она. — Ты — мерзкий преступник.

— Ни шанса, куколка, — добавляю я, смеясь, — и ты серьёзно назвала меня преступником? Это уже слишком, не считаешь? — ничего не могу поделать со своей ухмылкой.

— Ты, блядь, пытался убить меня несколько дней назад! Если это не делает тебя преступником, тогда что? — она делает вдох, пока я тяну её за собой, и продолжает трещать о том, какой я жестокий.

В конце коридора я сворачиваю и направляюсь в ванную.

— И ты, безусловно, определённо, полный... — она изо всех сил пытается освободиться, — чёртов мудака.

— Всё сказала?

В ответ она показывает средний палец.

— О, серьёзно?

Я наклоняюсь, хватаю её и перебрасываю через плечо. Моя рука покоится на её упругой попке. Я бы, конечно, мог переместить её, но поскольку я мудака, я этого не делаю.

Она кричит и бьёт меня своими кулачками по спине.

— Что за нахрен? — снова вскрикивает она, а в ответ я впиваюсь пальцами в её попку, заставляя её напрячься. — Ты!

Чувствую, как она цепляется пальцами за низ моей рубашки и тянет её вверх. В следующее мгновение я понимаю, что мои грёбанные яйца находятся по разные стороны от шва на боксёрах. Стерва фактически натянула их, и они, чёрт побери, врезались между ними!

— Ах ты чёртова сука, — рычу я.

Она тянет сильнее, и я сглатываю, ведь это дерьмо реально вызывает боль.

— Опустить меня вниз! — командует она, и этот громкий крик пронзает мой слух.

— Ох, я поставлю тебя тогда, когда сам этого захочу, — я поправляю её на своём плече, сильнее прижимая рукой её бёдра, пока открываю двери в душевую кабинку. — Теперь ты будешь ходить со мной, или будешь заперта в моей чёртовой комнате, а это значит, нам придётся вместе проводить время. Проблема в том, что от тебя несёт как от чёртового бомжа.

Я тянусь к крану, и открывая воду, опускаю девушку на пол душевой кабинки.

— Как насчёт сейчас? Теперь довольна, что стоишь на полу, мм?

Наблюдая, как с неё течёт холодная вода, я борюсь с улыбкой. Она выглядит такой чертовски жалкой.

— Ты — конченный придурок! — кричит она мне, и каждый мускул её тела вздрагивает от холодной воды.

Ухмыляясь, я опираюсь о дверной косяк душевой и таким способом блокирую ей проход. Она вскакивает и толкает меня в грудь. Капельки воды брызгают мне в лицо с каждым новым её ударом о мою грудь. Забавно, что она думает, будто эти слабенькие удары помогут ей оттолкнуть меня.

Мой взгляд скользит по её телу. Большая белая рубашка Калеба полностью намочила, и сквозь неё выпирают дерзкие маленькие соски, которые невозможно игнорировать. Чёрт бы меня побрал! У неё отличное тело и этого трудно не заметить. Я сглатываю, и против воли мой член тут же набухает, упираясь в молнию джинсов. *Блядь, просто отлично!*

Она застаёт меня врасплох ударом в живот.

— Оу, твою мать! — говорит она, махая своей рукой.

Я смеюсь, пока она скачет вокруг, придерживая свою повреждённую руку.

— Ты закончила?

Хватаясь за свою промежность, беззаботно поправляю стояк. Замечая его, она сглатывает, после чего её лицо отображает чистое презрение. Наверное, думает, что я собираюсь её изнасиловать. Я поворачиваю кран, открывая горячую воду, и мой взгляд падает на её дерзкие сиськи перед тем, как останавливается на её лице.

— Ты можешь бороться сколько влезет, но пойми, что в итоге проиграешь, — ей очень понравится следующая команда. — А теперь снимай чёртову одежду.

Её ноздри раздуваются, а в глазах полыхает огонь.

— Иди и подрочи, ты — извращённая пизда, — шипит она. Выражение её лица становится злым, и она вся краснеет.

Я смеюсь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Пизда? — переспрашиваю я в шоке от того, что способен выжать этот маленький миленький ротик, и беспомощно пожимая плечами, дарю ей дерзкую ухмылку. — Будь, по-твоему.

Обеими руками я хватаюсь за рубашку и разрываю её прямо посередине, обнажая полные груди.

— Да какого чёрта с тобой не так? — кричит она, пытаясь прикрыться порванной рубашкой.

— Блядь, я заколебался прыгать вокруг тебя, поэтому снимай одежду и вперёд мыть свою задницу! — отвечаю я, выгибая бровь.

Она смотрит на меня с ненавистью и злостью.

— Выполняй. Быстро!

— Я приму душ... если ты выйдешь.

Она сердито смотрит на меня сквозь мокрые пряди волос. Качая головой, я ухмыляюсь.

— Я так не считаю. Если я выйду отсюда, то какие последствия получу от тебя взамен?

Прислонившись к стене душа, я нагло шарю по ней взглядом. Мне нужно, чтобы она чувствовала себя некомфортно и уязвимо. Я должен её сломать.

— Тут нет окон. Я никуда не сбегу, разве что через двери, с другой стороны которой ты

можешь постоять.

Пар из душа поднимается к потолку. Она изо всех сил старается прикрыть себя, но всё, что у неё получается — это держать свои чёртовы груди сжатыми вместе, поднимая их, будто корсетом. Я наблюдаю за струйкой воды, которая исчезает в ложбинке между ними, а затем спускается вниз по остальному телу. Обнажённый бледный участок кожи на её животе краснеет. Её спутанные медово-светлые волосы прилипли к шее и плечам. Она выглядит чертовски сексуальной. Я не должен возбуждаться от этого, но чёрт, мой член не имеет морали.

— Просто делай, то что тебе сказано с первого раза, чёрт побери! — с меня хватит. Но я не могу перестать думать, как хорошо она будет чувствоваться прижатой к стене, пока я буду вытрахивать из неё всё дерьмо. Это нужно прекратить. Мне нужно отсюда выбираться.

Я качаю головой, закрывая глаза на секунду.

— Просто сними эту долбаную одежду и прими душ.

Хватаю её за рваную рубашку, разрывая по швам ещё больше, и сдёргиваю тряпку с её плеч. Мокрый материал падает на пол душевой, и я приступаю к шортам. Она отбивается от меня и кричит, но это на меня не действует.

— Не то, что бы я не видел прежде голую женщину, или делаю это ради удовольствия. Просто не могу тебе доверять, — объясняю я ей.

Она бьёт меня кулаками, и я теряю равновесие. Инстинктивно хватаюсь за неё скользя по мокрым упругим бёдрам. Она замолкает, полностью замирая на месте. В мгновение ока она хватается за шорты и тянет их вниз по своим ногам.

Обнимая себя руками, она немного ссутулится. Она пытается спрятать от меня своё лицо, но я вижу её уязвимость до того, как наши взгляды снова встречаются. Какое-то мгновение мы смотрим друг на друга, а затем она их закрывает.

Чувствую себя немного виноватым, но она должна научиться не испытывать меня. Я тянусь в душ и кладу руку на заднюю часть её скользкой шеи. Она вздрагивает. Размещая губы возле её уха, я рычу:

— Не заставляй меня повторять.

Я чувствую, как она дрожит от моего прикосновения.

— Пожалуйста, — умоляет она дрожащим голосом.

Скольжу пальцами по её коже, но убираю руку, когда встречаюсь с оглушительным молчанием.

Брызги воды летят на плитку, и звук её учащённого дыхания кажется таким громким в этот момент. Я смотрю на неё. Её глаза остаются по-прежнему закрытыми, и она пытается прикрыть себя руками. Не буду врать, она борется с желанием заплакать. Я наблюдаю, как капли воды катятся по её щекам, опускаясь на шею. Её пульс колотится на шее.

Могла ли эта женщина попытаться наебать меня? Она превратилась из бешеной в абсолютно неконтролируемую, а теперь, напугана, снова прячется в углу. Она не имеет понятия, что делает.

Тогда какого чёрта делаю я?

Спотыкаясь, я отхожу назад и смотрю на эту малышку, которая забилась в угол, пытаюсь скрыться от больного психа, оставившего её там. Мне нужно оставить её в покое, так что я могу пойти и пробить стену кулаком.

— Просто прими этот чёртов душ. Я буду снаружи, — я указываю на длинную гранитную столешницу. — Я не буду на тебя смотреть, но и не оставлю одну.

Она смотрит в пол, когда я отхожу назад, аккуратно прикрывая за собой стеклянную дверь.

Я беру полотенце из шкафа, кладу его на коврик и прислоняюсь к раковине, как и обещал. Она права, я мог бы просто подождать снаружи, но зато теперь мне известно, что не стоит её недооценивать. Либо её достоинство, либо моё.

Почему дерьмо, подобное этому, должно случаться? Мельком я вижу отражение душа в зеркале. Не могу разглядеть её из-за запотевшего стекла, но зато мне хорошо видно очертание её тела, поэтому заставляю себя отвести взгляд в сторону. Двумя минутами ранее она смотрела на меня как на чёртового насильника, а теперь я возбуждаюсь от её грёбанного силуэта. Первобытный инстинкт — то ещё блядство.

Через несколько минут душ затихает и открывается дверь. Я рассматриваю свою обувь, используя каждую унцию силы воли, чтобы не поднять на неё взгляд.

— Ты увидела полотенце? — спрашиваю я.

— Да.

Когда я поднимаю взгляд, она уже стоит, обёрнутая в огромное полотенце, и её волосы спадают вниз по спине. Вода с них капает на пол.

В секунду, когда я прохожу мимо неё, она отскакивает от меня. Хватая другое полотенце из шкафа, я показываю пальцем в воздухе.

— Повернись.

Она выполняет команду. Но её тело напряжено, и она нервно поглядывает через плечо. Собрав её густые волосы в хвост, я помещаю на них полотенце, чтобы оно впитало воду. Я исследую её открытую спину, заостря своё внимание на изгибе её попки.

— Что ты делаешь? — шепчет она.

Я с трудом сглатываю. *Какого чёрта я творю?*

— Ты капаешь на пол, — говорю я ей, оборачивая полотенцем её мокрые волосы и набрасывая его на её плечо. — Держи. Не хочу луж по всему этому чёртовому месту, — я пытаюсь говорить настолько раздражённо, насколько это возможно.

Она ведёт себя тихо, когда я веду её по коридору к своей комнате. Я замираю в дверях, указывая на комод.

— Найди во что одеться.

Я начинаю уходить, но ловлю себя на мысли. *Эта девушка перероет всю мою комнату вверх дном, выискивая, чем можно меня убить.* Я посмеиваюсь от этой мысли и иду в сторону своего шкафа, достаю с верхней полки пистолет и прячу его под руку. Подойдя к тумбочке, я забираю пистолет и оттуда, а затем иду к кровати и достаю ещё один из-под матраса. Я наблюдаю за ней, когда уже точно иду к выходу и ухмыляюсь:

— Пока тебя не посетила гениальная идея, и ты не застрелилась, — говорю я, выходя за дверь, и закрываю её на ключ.

— Засранец! — я едва слышу её крик, когда спускаюсь по лестнице.

Глава 12.

ВИКТОРИЯ

Он хлопает дверью перед моим носом с ухмылкой на губах.

— Засранец! — кричу я ему вслед.

Я хожу по комнате. Последнее место, где бы мне хотелось быть, это комната Джуда. Клянусь Богом, этот парень биполярен. В одно мгновение он кричит на меня и унижает, а в следующее — вытирает мне волосы. Я получаю нагоняи, просто находясь рядом с ним. Откровенно говоря, я бы предпочла, чтобы он и дальше оставался засранцем. Мне намного легче принять его характер, чем доброту, которую я вижу не так часто.

Я обыскиваю его комнату просто из любопытства. Подойдя к комоду, я выдвигаю один из ящиков, наполовину надеясь увидеть целый арсенал оружия. Но, ох, нет, он всё почистил, потому как не доверяет мне, и думает, что я могу застрелиться. Мерзавец. Я беру футболку из ящика и натягиваю на себя, сбрасывая полотенце. Она пахнет им без запаха табачного дыма, чистая и свежая, не оскверненная извращённостью, от которой веет дурным зловонием.

Не могу найти какие-нибудь шорты, поэтому соглашаюсь на боксёры. Это в диковинку для меня, потому что в последний раз, когда я одевала боксёры парня, у меня был секс с их владельцем.

Я обследую комнату, ища подсказки о человеке, который здесь живёт. Их очень мало. Картина двух женщин стоит на тумбочке, и помимо этого, комната голая, безликая и почти нежилая.

Подойдя к окну, я отодвигаю занавеску, чтобы пролить свет на скупую пещеру этого человека, и нахожу решётку на стекле. Да ты реально издеваешься? Долбанные решётки! Это место в буквальном смысле тюрьма. Вдруг меня накрывает чувство клаустрофобии, словно я в ловушке и замкнута. Я застряла в этой комнате. Его комнате. Что случится дальше, когда он вернётся? Я была в комнате с этим парнем три раза. В первый — он меня душил, во второй — запихивал еду в плотку, и в третий — раздел меня догола, словно грёбанный извращенец, каким он и есть. Я думала, что в тот момент он собирался подрошить передо мной. Этот мужчина — животное. Грязное отвратительное животное. О, Боже, где я буду спать? Я не лягу с ним в одну постель. Что, если он попытается прикоснуться ко мне? Я видела его лицо — он собирался коснуться. У меня сдавливают в груди от такой перспективы. Если он меня хочет, то получит, и нет никакого чёртового способа, с помощью которого я смогу его остановить. Он в три раза меня больше, а я беззащитна.

Мой взгляд мечется по комнате, выискивая хоть что-нибудь. Но что-то же должно тут быть? У этого парня оружия больше, чем у военного полка. Я с безумием начинаю открывать ящики. Тут должен быть пистолет, нож, хоть что-нибудь. Мой взгляд падает на дверь ванной, и я замечаю зеркало на стене. Могла ли я его разбить? Воспользоваться осколком? Нет, слишком очевидно. Я не хочу нападать на него, пока этого не потребует. Будет у меня оружие или нет, вероятность того, что я проиграю, слишком высока.

Я несусь в ванную и начинаю обыскивать шкафы, пока — бинго! — не замечаю одноразовую бритву. Улыбаясь, я поднимаю её и пробегаюсь по ней пальчиком. Не слишком острая, но сойдёт. Я использую туалетный столик, чтобы отделить пластиковый корпус и достать лезвие. Это немного, но, если он попытается напасть на меня, оно вполне может мне помочь. За неимением ничего, это лучший вариант.

Глава 13.

ДЖУД

Прошёл час после того, как я оставил её в своей комнате и засел в офисе с Марни.

Пыхтя своей сигаретой, он покручивает её между пальцами и о чём-то рассказывает мне. Я теряюсь в мыслях и не могу понять, о чём идёт речь, но приблизительно догадываюсь. Марни наклоняется над столом и беспокойно всматривается в меня.

— Знаю, ты не хочешь верить в это, Джуд, потому что, знаю, что не хочешь убивать ещё одну женщину...

— Я и первую не убивал. Это сделал ты!

Он закатывает глаза.

— Хорошо, но удача не на её стороне. Тебе нужно понять, что, чёрт возьми, ты будешь делать дальше, сынок.

Я складываю руки за головой и опираюсь локтями на колени.

Марни фыркает. Слышу, как скрипит его стул, и ощущаю его руку на своём плече.

— Я знаю, Джуд. Знаю. Это не та ситуация, в которой ты хотел бы застрять, но застрял. Если бы она была мужиком, ты бы убил её, не задавая никаких вопросов и не волнуясь, допустил ли ошибку или нет, а просто убил бы убудка. Жизнь есть жизнь независимо от того, что находится между ног человека, — он несколько раз хлопает меня по плечу, и начинает покашливать.

Я выдыхаю и поднимаю свой взгляд на него.

— Дэвид покопался и нарыл кое-что на ребёнка, и он спрашивал у Джо, когда он сможет отдать тебе деньги. Джо ответил, что хочет, чтобы она навсегда запомнила твоё лицо. Правда это или нет, но эта девчонка станет твоей погибелью, — он качает головой, и его тонкие серые волосы начинают колыхаться в воздухе, а затем он быстро приглаживает их обратно. — Ты должен убрать её отсюда. И как мне не печально это говорить, но если ты уберёшь её отсюда живой, то... — он идёт к двери, останавливаясь, чтобы послать мне ещё один жалкий взгляд. — Думаю, если она уйдёт отсюда живой, Джо убьёт тебя через несколько часов.

Дверь за ним закрывается, и я остаюсь один. Это в первый раз за долгое время, когда я чувствую, что контроль уплывает из моих рук. Думаю, это паника. Мой пульс падает от девяноста ударов до нуля. Мысли в полнейшем хаосе. Я даже не могу понять их, так как всё моё тело покрыто толстым слоем пота, и всё, что мне хочется сделать — это что-то сломать.

Что, если Эван и вправду племянник Джо? И Марни нарыл правильную информацию о том, что Джо упоминал Викторию при нём. Но это ещё не значит, что она знает, почему она здесь... разве не так? Не хочу, чтобы она, мягко говоря, была связана с этим, это факт, но с чем я на самом деле не могу смириться, это с тем, что меня подставляют. Это чертовски кристально ясно. У меня больше нет власти над этой ситуацией, и мне это не нравится.

Соскочив со стула и расхаживаю, запустив руки в волосы. Всё, о чём я могу думать, это какая же это полная задница. Меня подставляет человек, который убил мою мать и сестру. Но мне никогда не перехитрить его, как это получается у Джо. Однажды этот человек уже разрушил мою жизнь, и теперь снова пытается сделать это.

Но это закончится прямо здесь. Мне нужно знать, связана ли она с Джо. Знаю, если я расскажу об этом дерьме другим парням, развернется ад. Я должен быть уверен, что она работает на Джо. Определённо, без тени сомнения. Но это задача не из лёгких.

Я всматриваюсь сквозь густую пелену сигаретного дыма. Каждый из моих верзил смотрит на меня с широко открытыми глазами из-за того, что я сейчас рассказал.

Боб потирает своё лицо руками, проводя пальцами по небольшой щетине.

— Подстава? — он подлетает с кресла и шагает по гостиной. — Долбаной женщиной? — кричит он.

Я качаю головой и поясняю.

— Нет. Джо.

— Ага, чёртовой женщиной! — он указывает в сторону коридора.

Калев прочищает горло.

— Думаешь, она знает, Джуд?

Вздыхнув, я смотрю на него. Что за тупой вопрос?

— Блядь, как я могу это знать, а? Я не имею понятия.

Вот теперь я расхаживаю, и чем больше об этом думаю, тем жарче мне становится.

Боб блокирует мне путь, его челюсти сжаты.

— Каждый чёртов человек знает, что твоё слабое место — женщины, — он тычет в мою грудь. — Ты облажался, разрешив этому дерьму выйти наружу. Что может быть лучше для Джо, чтобы убрать тебя с помощью чёртовой женщины?

Я замахииваюсь рукой для удара, но вместо этого разворачиваюсь, впечатывая её в кирпичный камин, и мои костяшки разбиваются о камни.

— Прикоснись ко мне ещё раз, и я сломаю тебе чёртову руку, старик.

Достав пистолет, Боб пульей вылетает из гостиной и бубнит что-то про себя.

— Эй! — кричу я. — Эй! — я догоняю его, хватая за плечо и дёргая обратно. — Что за нахер ты надумал сделать?

— Я собираюсь убить её к чёртовой матери, так как ты слишком слаб, чтобы сделать это. Джо Кэмпбелл никого не пожалеет из этой семьи... моей сестры и племянницы было достаточно!

Я вырываю оружие из его рук. Металл скользит в мою влажную ладонь, когда я приставляю дуло к его виску.

— Я лично разберусь с девушкой, понятно? — кричу я.

Взгляд Боба становится угрожающим. Я дёргаю пистолетом, сильнее прижимая оружие к его черепу.

— Усомнись во мне ещё раз, и я, блядь, прикончу тебя. С настоящего момента она принадлежит мне. Ты посягнёшь на моё, и я вынесу твои чёртовы мозги на эту долбаную стену. Не испытывай удачу!

Замечаю, как он сглатывает, прежде чем выпрямиться.

— Пока ты *убедись*, причастна ли она, Джо поимеет нас всех и зарежет во сне!

— Ты реально тупой? — мой палец дёргается над спусковым крючком, и я наклоняюсь к нему.

— Джуд! — перепугано кричит Калев. — Мы просто встревожены. Не смей, чёрт побери, в него стрелять.

Я смотрю на Боба, и мои ноздри раздуваются от злости.

— Ещё раз проявишь неуважение ко мне и узнаешь, что случится дальше.

Отпустив, я толкаю его спиной к стене, и он спотыкается. Вокруг полная тишина и его взгляд прикован ко мне. Знаю, он хочет что-то сказать мне, но думаю, понимает, что для него лучше.

— Не играй со мной! У меня нет проблем с тем, чтобы смыть с рук кровь, и неважно семья мы или нет! — кричу я, выходя в коридор. Сейчас под угрозой находятся моя честность, мой источник дохода и моя жизнь.

Петли спальни двери скрипят, когда я отрываю её. Она сидит на кровати, одетая в одну из моих рубашек и пару боксёров. Мой взгляд инстинктивно путешествует по её голым ногам, и я с трудом сплываю. Чёрт, она выглядит горячо. Я пытаюсь не смотреть на её тело, а сосредоточиться на лице. Эти глубокие синие глаза такие чертовски невинные, а её пухлые надутые губки, словно мечта любого мужчины, который хочет увидеть их обёрнутыми вокруг своего члена. Инстинкт берёт своё, и на долю секунды всё, что я могу делать — представлять её, стоящей на коленях, а эти чёртовы глазки смотрят на меня. Чёрт. Закрыв глаза, пытаюсь не думать, но в голову всё равно лезет картина того, как я трахаю её ротик.

Стараясь сосредоточить своё внимание на поставленной задаче, я уже хочу окликнуть её по имени, но останавливаюсь. Я не стану использовать его только потому, что это сделает её реальной. Это заставит меня посмотреть на неё, как на личность, а я не стану этого делать, так как есть большая вероятность того, что я убью её, независимо от того, нравится мне это или нет. Бизнес на первом месте. Семья прежде всего. Мне нужно понять, что она знает. Я шагаю к ней, и она быстро отползает дальше по кровати. Запугивание в данной ситуации явно не поможет, тогда что мне, мать вашу, делать? Она должна думать, что может доверять мне. Если она на самом деле работает на Джо, то мне нужно заставить её почувствовать опасность рядом с ним, и увидеть меня в роли своего защитника. Мне нужно, чтобы она увидела в нём плохого парня. Я киваю и прочищаю горло, стоя на месте возле двери. Как, чёрт возьми, мне это сделать?

— Эй...

Её взгляд встречается с моим, и она хмурится.

— Привет, — бросает она. Её голос звучит беспокойно, когда она быстро опускает взгляд на свои колени.

— Послушай, — я скольжу рукой по своей шее и вздыхаю, чтобы сделать тон немного мягче, — возможно душ был слишком...

Молчание. Я наблюдаю, как она теребит свои ногти, отказываясь смотреть на меня.

— Я ожидала худшего от тебя, Джуд. Не волнуйся насчёт этого, — бубнит она.

От упоминания моего имени меня передёргивает. Мне не нравится, когда она произносит его. Совсем.

— Тогда не стоит бороться со мной. Мне больше твоего не нравится эта ситуация.

Она поднимает голову, и её взгляд впивается в мой.

— Тот момент, когда я прекращу бороться, я стану жертвой, а ты перестанешь быть врагом.

Я качаю головой. Она заблуждается, ведь уже является жертвой. Чёрт возьми, думаю, она просто отказывается верить в это.

— Хорошо, ну, я не хочу делать тебя жертвой.

Я делаю несколько шагов к кровати, я останавливаюсь у изножья.

— Этого ты и *добиваешься*, — говорит она. — Я знала таких мужчин, как ты. Ты процветаешь во власти.

— Эй, ты совсем меня не знаешь, поэтому прекрати этот психоанализ. Ты хочешь, чтобы я тебя отсюда выпустил? Тогда мне нужно, чтобы ты рассказала мне, почему твой парень отдал тебя в качестве залога.

Её грудь вздымается, и она стреляет в меня уничтожающим взглядом.

— Очевидно, потому что он — чёртов ублюдок, — и она снова рьяно тербит свои ногти.

— Ага, — бросаю я. Я не могу не думать о том, насколько она молодо выглядит. Она слишком молода, чтобы вот так быть брошенной стае волков. Она как Даниил, брошенный в логово льва за исключением, что ни один ангел не ступит в этот дом, чтобы спасти её.

Я провожу пальцами по одеялу.

— Всё, что мне известно о тебе, тебя зовут Виктория.

— Рия, — исправляет она меня.

Я смеюсь.

— Я не буду называть тебя Рия. Это звучит как долбаное имя для птицы. Думаю, я буду звать тебя Тор.

— Это звучит так, словно я — чёртовая стриптизёрша. Просто никак меня не называй, — она с подозрением прищуривает глаза и меняет тему. — Мы оба знаем, что ты не собираешься меня отпускать, пока Эван не заплатит, чего может и не случиться, — она вздёргивает бровью, ожидая от меня другого ответа.

Медленно опускаясь на кровать, я соблюдаю дистанцию между нами, но она сильнее прижимается к спинке кровати, чтобы сохранить между нами как можно больше пространства.

— Мне бы хотелось этого, но сначала я должен убедиться, что могу тебе доверять.

Чёрт, я не собираюсь её отпускать. Я говорю ей, что нуждаюсь в её доверии, и знаю, чёрт побери, она никуда не денется.

— Конечно же, ты, преступник, должен доверять мне, нормальной законопослушной девушке, которую ты похитил. Думаю, смысл здесь идеален.

Этот комментарий заставляет моё кровавое давление ударить в грёбаную голову.

— Я *не* похищал тебя! — кричу я в ответ, и мой голос разносится эхом по комнате, а её глаза расширяются от внезапной смены тона моего голоса. — Я не торгую людьми и не принимаю их в качестве выкупа. Перестань *меня* обвинять. Твой тупорылый парень отдал тебя в качестве залога, а мой глупый подчинённый забрал тебя. Я и понятия не имел. Твоё появление здесь стало для меня такой же неожиданностью, как и для тебя.

Она встаёт и переходит на другую сторону комнаты, скреживая руки на груди и глядя на меня.

— Возможно, ты и не похищал меня, но я не припомню, чтобы ты извинился за то, что сделал, и отправил меня домой, разве не так?

— На данный момент, у меня нет другого выбора, — говорю я, давая понять, что начинаю злиться.

Её взгляд встречается с моим, и она почти умоляет меня.

— Всегда есть выбор, — мягкость в её глазах превращается в жёсткость, и она вздёргивает бровью, глядя на меня. — Только слабый человек отказывается от этого пути.

Она смело называет *меня* слабым. Облизывая губы кончиком языка, я чувствую, как мой

взгляд становится жёстче.

— Только слабый мужчина толкнет свою невинную женщину в руки чёртовым преступникам, чтобы прикрыть свою собственную задницу, — я вздёргиваю бровью. — *Не* оскорбляй меня. Не слишком мудрое решение с твоей стороны, поверь мне, — предупреждаю я.

— И ежу понятно, что у Эвана нет яиц. Мне ли не знать, что не стоит испытывать тебя, — бубнит она, потирая своё горло.

Стараясь отвлечься от воспоминания, в котором мои руки были на её горле, я опираюсь на спинку кровати.

— Как насчёт того, чтобы ты рассказала мне о себе, и возможно, я *подумаю*, чтобы отпустить тебя, или ты можешь и дальше болтать своим чёртовым ртом и гнить здесь. Я просто пытаюсь поговорить с тобой.

Она вздыхает и смотрит на меня. Осторожно ступая на носочках, она подходит к кровати и проводит пальцами по изножью. Её тело по-прежнему в напряжении, но, по крайней мере, она не жмётся в дальнем углу грёбаной стены.

— Ладно. Что ты хочешь знать?

— Чем ты занимаешься по жизни?

Она приподнимает свои брови в удивлении.

— Я — доктор. Я... ну, это *был* последний год моей аспирантуры, — она наклоняет голову и снова начинает теревить свои руки.

— Доктор, значит, да? Ты — одна из тех девушек, кто хочет спасти мир? — спрашиваю я отчасти из-за чистого интереса. Мне не нужно ничего о ней знать, но опять же очень интересно, и это не совсем, блин, хорошо.

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Полагаю, я всегда хотела стать доктором. Что может быть лучше, чем спасать жизни?

Типичный ответ. Хорошо отрепетировала. Уголок моих губ приподнимается, и я прищуриваюсь, глядя на неё.

— Да ты что? Это довольно стандартный ответ, который годится для поступления в медицинскую школу. Что на самом деле заставило тебя стать доктором? Тебе и правда не насрать, или вопрос в деньгах?

Её ноздри начинают раздуваться от моего вопроса. Похоже, я зацепил её больную тему.

— Ох, ну, простите, мистер Чёртов Терапевт. Каждый человек нуждается в работе. Я тяжело работала и училась семь сраных лет, чтобы стать доктором. И да, теперь я хочу заработать чёртову кучу денег! Проблема?

Прижимая указательный палец к нижней губе, я стараюсь скрыть ухмылку.

— Нет, никаких проблем, — я наклоняюсь к ней, и одна сторона моего рта изогнута в намёке на улыбку. — Зарабатывание чёртовой кучи денег — это та причина, по которой я делаю то, что я делаю.

— За исключением того, что я зарабатываю деньги, спасая человеческие жизни, а ты зарабатываешь, угрожая им, — говорит она, и её лицо не выражает никаких эмоций.

Я пожимаю плечами.

— Каждому своё. Не осуждай, куколка.

Она смотрит на меня, и эффект полностью пропадает. Вместо этого она хмурит свои бровки и выглядит при этом как чёртов ангел. Если она и работает на Джо, то я должен

отдать ему должное. Она — идеальный Троянский конь: привлекательна, умна и этот дерзкий ротик, который возбуждает так, что мне хочется его трахнуть.

— Как ты познакомился с Эваном? — спрашивает она, меняя тему. — Имею виду, очевидно, он сделал тебе ставку, значит, ты должен был знать его.

— Милая, я никогда не встречался с твоим грёбаным бойфрендом. Я не встречаюсь с людьми, которые заключают со мной сделки.

Внимательно наблюдая за ней, я выискиваю хоть какие-нибудь изменения в её поведении. Лёгкое расширение её зрачков, учащённость дыхание.

— Ты — одна из немногих, кто видел моё лицо, и кто может связать меня с любым из моих парней, которые выполняют мою грязную работёнку, — я прищуриваю глаза. — Уверен, ты понимаешь, какие это может создать проблемы?

На секунду мой пульс учащается, ведь возможно, мне не стоило говорить ей об этом, но с другой стороны, в ближайшее время она отсюда никуда не выйдет. Если она представляет угрозу... ну, мне придётся разобраться с этим, когда я разберусь во всём до конца. Но сейчас мне следует волноваться о том, как, чёрт побери, я собираюсь это выяснить?

Она хмурится.

— Но почему ты решил взять двадцать штук с парня, которого не знаешь?

— Это часть работы. *Большинство* людей не настолько глупы, чтоб выёбываться и делать гиблые ставки. Ведь это не чёртова лотерея. Азартные игры, которыми я занимаюсь, незаконны, и единственный способ соблюсти правила нелегального бизнеса — это жестокость, — я выдавливаю извращённую улыбку. — Убийство. Люди воспринимают это слово *достаточно* серьёзно.

— Ты говоришь, что это бизнес, но почему ты управляешь таким бизнесом, как этот? — задаёт она вопрос. — Всегда живешь на краю. Это, наверное, тянет тебя вниз.

Она внимательно наблюдает за мной, и её лицо выражает любопытство. Если она с Джо, то должна знать об этом.

— Это семейный бизнес. Мой дедушка вёл его, мой отец вёл его, а теперь всё перешло в мои руки.

— Разве они не хотели лучшего для тебя? — нет никакого скрытого подтекста в её голосе, она просто спрашивает из любопытства.

— Я хотел лучшего, — я смотрю на неё и знаю, это следующий кусочек немного пошатнёт её чёртовы мозги. — Я получил докторскую степень в области биостатистики... но мой отец умер, и что мне оставалось делать? Я должен был продолжать его дело. Плюс, это приносит огромные деньги.

Я ловлю вспышку сожаления в её взгляде.

— Жизнь не заключается только в деньгах, Джуд, — говорит она.

Мне хочется сказать ей, чтобы она прекратила называть меня по имени. Оно заставляет меня чувствовать себя так, как мне не нравится. Интересно, что как это — обладать такой же невинностью, какой обладает она. Я закалён насилием, которое меня окружает, и для меня это не только деньги, но она никогда этого не поймет. Власть — та сука, которая вызывает привыкание. Эта работа даёт мне власть. Но очевидно, одно она точно поняла — я люблю власть.

— И как долго ты уже состоишь в отношениях со своим рыцарем в сияющих доспехах? — ухмыляюсь я.

— Год или около того.

— Наверное, у него есть семья, которой стоит гордиться.

— Его отец является главным хирургом Вандербильта. Давай просто скажем, что жизнь Эвана преподнесена ему на блюдечке с золотой каёмочкой, — язвит она. — Представь моё удивление, когда я узнала, что он играет в азартные игры, просаживая деньги своего папочки.

— Ты была близка с ними?

Она хмурится.

— С семьёй Эвана?

Я киваю.

— Каждое воскресенье он ездил к своим родителям. Иногда я ездила с ним. Полагаю, они нормальные, но немного показушные, на мой взгляд.

— Хмм. У него большая семья?

Её брови приподнимаются в знак удивления. Думаю, она не понимает, почему я спрашиваю об этом.

— Не очень. А что?

— Ты встречалась со всей его семьёй? — я выгибаю бровь. — С дядей, например?

— Эм, однажды я встречалась с его дядей.

— Как его звали?

Она качает головой, и на её лице появляется хмурое выражение.

— Как его звали? — требую я.

— Эм, Джо, думаю. Точно не уверена, так как я даже не разговаривала с ним. Он меня игнорировал, и всё время разговаривал с Эваном. Очевидно, они очень близки, — она скрещивает руки на своей груди. — Почему ты спрашиваешь меня об этом? Вся семья связана с этим дерьмом?

— Не твоё дело, — отрезаю я, сдерживая челюсть от подёргивания. Она снова опускает взгляд на свои колени. К чёрту это. Как только я повышаю голос, она замыкается в себе. Мне нужно контролировать своё настроение.

Устремив взгляд к её шее, я замираю, когда замечаю прикреплённую на цепочке крошечную птичку. Долбаная колибри? Я ненавижу этих чёртовых птиц, потому что они напоминают мне о моей матери. На этой мысли мой взгляд опускается на фото в рамке, стоящее на комод.

— Это дал тебе твой парень? — спрашиваю я, поднимая крошечный предмет.

Она перестаёт дышать, когда мои пальцы прикасаются к её коже у основания горла.

— Нет, — выдыхает она, отказываясь смотреть на меня. — Моя сестра.

Я оставляю подвеску и сглатываю.

— У тебя есть сестра?

Чёрт! Это делает её личностью, Джуд. Просто перестань с ней разговаривать.

Она медленно поднимает свой взгляд, и на какое-то мгновение её большие круглые глаза встречаются с моими. Я вижу в них нерешительность, но затем она говорит:

— Ага, Лизи. Я так скучаю по ней, — говорит она скорее себе, чем мне.

— Это моя сестра на фото с моей матерью, — указываю я на рамку. Мой пульс ускоряется, а к лицу приливает тепло. *Какого чёрта я это сказал?*

Она смотрит на фотографию, прежде чем подойти к комоду и взять её.

— Такие красивые. Ты больше похож на свою сестру, чем Калев, — бубнит она.

Обычно я не говорю о них, но слова сами скатываются с моих уст, прежде чем я могу

остановить их.

— Она умерла пятнадцать лет назад вместе с моей мамой. Калебу было тогда только пять, — я сжимаю кулаки и вдыхаю, когда неприятное чувство появляется у меня в груди.

— Мне жаль, — шепчет она. — Моя мама умерла три года назад, и я почувствовала, словно весь мой мир взорвался. Никому такого не пожелаешь.

Я не хочу ничего чувствовать, но её слова такие искренние, что трудно ничего не почувствовать. Мне нужно отвести взгляд в сторону, потому что то, как она смотрит на меня своими бездонными глазами, заставляет меня чувствовать себя незащищённым. Словно она знает мою слабость, которая гноится внутри меня. Только она не воспринимает это за слабость, так как в её мире она таковой не является. В её мире иметь грёбаное сердце считается нормальным, а в моём за это тебя могут убить.

— Моя была убита. И это место, — я обвожу рукой комнату, — это всё, что у меня осталось. Ты спросила, хочу ли я лучшего для себя. Да, хочу. Хочу быть тем парнем, который заставит заплатить этого грёбаного мудака за всё, что он у меня отнял. Называй меня преступником, если хочешь.

Впервые она не смотрит на меня с абсолютным отвращением, а кивает.

— Я могу это понять, — её голос переходит в шёпот. — Если бы кто-то был виновен в смерти моей матери, я бы тоже хотела отомстить.

Я напряжённо выдыхаю. Не могу этого сделать, ведь это по-настоящему. И совсем не та ситуация, в которой я должен быть. Мне чертовски жаль её. Чёрт! Это последнее, что я должен делать — налаживать с ней связь, разговаривать с ней о наших чёртовых мёртвых матерях.

Её глаза встречаются с моими. Они источают боль, и мой природный инстинкт толкает меня защитить её. Неудивительно, почему Калек к ней привязался. Что-то есть в ней такое, что заставляет инстинктивно защищать её и заботиться. Чем больше я узнаю её, тем более реальной она становится. Знаю, у неё есть семья, которая переживает за неё, есть жизнь, на которую она тяжело работала. У неё есть мечты, и я разрушу каждую из них. У меня нет выбора. Я могу заработать на азартных играх, но, когда дело доходит до моей жизни, я не рискую. Мой пульс отдаётся в шее, а во рту пересыхает. Я должен сплотиться и отвести от неё взгляд. Дерьмо. Я должен убраться подальше от неё, пока она не заставила меня жалеть её ещё больше, или хуже — она начнёт жалеть меня.

— Хорошо, полагаю. Посмотрю, что смогу сделать, чтобы вернуть тебя твоему парню, как только он заплатит чёртовы деньги.

Сжимая губы, она снова закрывает рот. Без единого слова я поднимаюсь и иду через комнату. Это дерьмо начинает давить на меня.

Я стою на крыльце, обдумывая всё, когда останавливается грузовик Марни. Он открывает дверь, хватается бумажный пакет для продуктов из кабины грузовика, и посвистывая, не спеша поднимается по лестнице.

— Деньги Смита, — говорит он, протягивая мне пакет. Он тяжёлый, примерно двадцать тысяч. Я бросаю пакет на крыльцо и наклоняюсь над перилами. Он смотрит на меня, склоняя голову на бок.

— Маленький ублюдок не заплатил, я прав?

— Конечно, нет, — я вожу ногтем вдоль выемки на деревянных перилах.

— Ммм, — он потирает щетину большим пальцем. — Уже прошло четыре дня, Джуд.

Чего ты ждёшь?

Покачивая головой, я стону.

— Не знаю, блядь.

Уже несколько часов я думал, как это разгрести. Знаю, в тот момент, когда я кого-то пошлю к Эвану, ребята Джо будут там. И знаю, что, как только я её отдам, меня убьют. Работает она на него или нет, он *вытянет* из неё информацию, а она уже и так много знает. И узнала слишком много в тот самый момент, как ступила на порог.

Марни опирается на перила рядом со мной. Он щурится от солнца, когда поднимает брови.

— Ты не можешь относиться иначе, нежели к какой-либо другой ситуации. Знаю, тебе это не *нравится*. Никому из нас это не нравится, но она не принадлежит этому месту, и как только она вернётся к Джо, нас накроют, — он вздыхает и наклоняется ко мне. — Если даже она не имеет понятия, почему она здесь, Джо сделает всё, чтобы получить то, что он хочет. Чтобы узнать, как выглядит твоё лицо, он будет готов выпотрошить её.

Мы молчаливо стоим и смотрим в лес.

— Джуд, она в любом случае умрёт. Подумай об этом. Если ты её не убьёшь, это сделает Джо. По крайней мере, я полагаю, ты будешь намного гуманнее.

Я сплываю, так как знаю, что он прав, но мысль об её убийстве убивает меня самого. Чувствую неистовое желание защищать её, и только Бог знает этому причину. Если замысел Джо рассчитан на то, чтобы использовать её, а затем убить, разве я не должен спасти её? Это изрядно подпортит его планы.

Отталкиваясь от перил, я достаю свой телефон из кармана и сразу набираю номер Эвана. Слышится несколько гудков перед тем, как он нарушает тишину.

— Алло?

— Где мои грёбаные деньги? — рычу я сквозь стиснутые зубы.

— Я... я достал только пять тысяч, но не могу... я не могу собрать остальную сумму, но я найду деньги. Мне нужно ещё несколько дней, пожалуйста, просто...

— Видимо ты плохо старался! — я делаю паузу, и мой разум затуманен мыслями о Джо, моей маме и сестре... и Тор. — У тебя было три дня, и, к сожалению, ближе всего ко мне находится девушка, которую ты мне послал.

— Не делай ей больно, пожалуйста! — умоляет он как жалкий кусок дерьма, которым он и является. Чёрт, он реально умоляет *меня* не трогать девушку, которую сам же ко мне послал, зная, на что я способен?

— За каждый день, который ты мне не заплатишь, я буду калечить какую-нибудь часть её прекрасного тельца. Если у меня не будет всей суммы плюс ещё сверху десять тысяч, я убью её через три дня. Ясно?

На том конце трубки нет ни единого слова, кроме сопения и заикания на слове «пожалуйста».

К настоящему времени мой гнев только усиливается. Меня подставляют, я в заднице, а это мелкое дерьмо думает, что я сжалюсь над ним. Челюсть дёргается, а дыхание учащается.

— И скажи своему долбаному дядюшке, что он принял очень плохое решение таскаться за мной, — сбросив звонок, я сжимаю в руке телефон.

Я ощущаю, как пылает моё лицо, когда обращаюсь к Марни:

— Слушай, я знаю, что меня подставляют. Но суть сейчас не в этом. Вопрос в том, замешана она в это подставе или нет? Потому что, если это нет, получается, она всего лишь жертва. А я *не стану* убивать невинную девушку.

— Твоя работа в том, чтобы защитить это, — Марни указывает в сторону дома, — а не переживать за «невинные жертвы». Ты не рыцарь в сияющих доспехах. Ты — букмекер, — фыркает он и резко выдыхает. — *Это* ты защищаешь на первом месте, и не имеет значения, какой ценой.

А в какой момент цена становится слишком высокой? Где та черта, которую нельзя пересекать? Даже человек без морали должен иметь грань, которую он не переступит.

Я смотрю на него, но на его лице нет и унции раскаяния. Если бы решать было ему, она уже давным-давно была бы мертва. Эта жизнь — всё, что у него когда-либо было, и она сделала его бездушным и озлобленным. Неужели она тоже видит меня таким? Бессердечным и кровожадным ублюдком?

Он качает головой, словно не может понять, почему я умолк.

— Ты думаешь, что она невиновна, но не можешь точно этого гарантировать. Ты готов поставить на кон свою жизнь? Или жизнь Калеба? Для этого ты должен быть уверен на все сто процентов. Если ты не можешь сказать этого, держа руку на сердце, значит, значит ты сделаешь то, что нужно сделать.

— Блядь! — Я ударяю рукой по деревянным перилам. Она, правда, стоит этого риска? Какого чёрта я не могу просто выполнить необходимую работу?

Есть только один способ убедиться в том, что кто-то говорит правду, но морально я не готов снова вернуться туда. Если бы это был парень, вытянуть информацию из него пытками не составило бы проблем. Дьявол, я бы сделал это лично. Так что теперь у меня осталось слишком мало вариантов: пристрелить её, если она работает на Джо, или сделать всё возможное, чтобы вытащить из неё правду в надежде доказать её невиновность. Блядь, она может предпочесть пулю.

— Я позабочусь об этом, — говорю я, не глядя на него.

Он хлопает меня по плечу, когда проходит мимо.

— Я знаю, что ты сделаешь то, что должен сделать, — нотка сомнения проскальзывает в его голосе. Он останавливается на лестнице, глядя на меня вверх. — Ты убил долбаную жену Джо. Её жизнь или твоя, помни об этом.

Я сглатываю, не в силах даже сказать что-нибудь в ответ. Мой пульс сильно колотится в груди, и всё, что я вижу — это жестокие образы Тор, где она истекает кровью, плачет и молит меня остановиться, и от этого мой желудок стягивает в тугой узел.

Наблюдая, как он залезает в свой грузовик и заводит его. Я поднимаю пакет.

— Чёрт! — кричу я, когда открываю двери в дом. Я иду в гостиную. Калёб сидит на диване, откинув свою голову на спинку, и смотрит на меня.

— Что с тобой не так?

Стрельнув в него злым взглядом, я бросаю пакет на стол.

— О, даже понятия не имею, Калёб. Возможно, я чертовски зол, потому что меня подставляют, и возможный жук сейчас заперт в моей сраной спальне?

Я наблюдаю, как его взгляд тускнеет, а лицо становится бледным.

— Она — не жук... — сглатывает он.

— Ты не знаешь этого наверняка. Мы должны удостовериться.

Его челюсть напрягается.

— Она всего лишь девушка. Клянусь, она не имеет ничего общего с Джо. Ты что с ума сошёл? У тебя уже паранойя?

— Ты провёл с ней всего лишь три дня в комнате, а теперь думаешь, что знаешь её. Ты не знаешь ни одной грёбаной вещи о ней, — рычу я, разочаровываясь сложившейся ситуацией. — Она вьёт из тебя верёвки. Похлопала ресничками, а ты уже поверил каждому её слову, которое вылетело из её прелестного ротика. Слишком много совпадений. Она — большой риск.

Калев слетает с дивана и рвётся ко мне. Его лицо чертовски кроваво-красного оттенка, а глаза прищурены. Он зол как чёрт.

— Ты не убьёшь её!

Я провожу рукой по волосам, выгибая бровь.

— У меня заканчиваются варианты, Калев. Если она работает на Джо, и я отпущу её, — мы в полной заднице. Так что, либо сейчас я её убью на всякий случай, либо докажу без тени сомнения, что она невиновна.

Калев падает на диван, пряча лицо в руках.

— И что ты собираешься с ней сделать? — по его тону заметно, что от мысли, что ей сделают больно, ему тоже становится плохо.

Я делаю вдох.

— То, что заставит меня поверить в её невиновность... или виновность. Она или мы.

— Чёрт, Джуд, — голова Калеба всё ещё опущена. Думаю, он не может посмотреть на меня прямо сейчас.

— И ты мне в этом поможешь.

— Нет.

— Это не вопрос. Ты мне *поможешь*. Ты — единственный, кто не является чёртовым монстром.

Он впивается в меня взглядом, и в нём плещется злость.

— Я не стану причинять ей боль.

— Я знаю. Поэтому ты мне нужен. Твоя работа — следить, чтобы я её не убил.

Глава 14.

ВИКТОРИЯ

Я просыпаюсь от щелчка дверного замка. Открываю глаза и вижу, как открывается дверь, проливая дорожку света в комнату.

Огромная фигура Джуда появляется в двери, прежде чем он закрывает, и свет исчезает. Я слышу, как он снимает сапоги и шуршит одеждой, когда начинает раздеваться. Затем я ощущаю, как прогибается матрас под его весом, и напрягаюсь, когда чувствую жар его тела. Чувствую запах виски и табака, которые ассоциируются у меня с ним. Это не должно мне нравиться, но как ни странно, нравится. Он едва замечает моё присутствие, когда переворачивается. Его дыхание выравнивается в течение нескольких минут, и он засыпает. Я лежу там, впиваясь взглядом в потолок, и все мышцы моего тела напрягаются.

Засунув руку под подушку, я сжимаю пальцами бритву, и смотрю на дверь. Я не слышала, чтобы он закрывал её на замок. Это должно быть легко. Просто перерезать ему

горло и убежать. Чёрт! Если бы. Смогу ли я хладнокровно убить парня? Он сам предоставил мне этот шанс, но что, если меня поймают? Что, если я не смогу убить его, а только причиню боль? Грудь сжимает, а пульс начинает сильнее стучать в моих венах, когда уровень адреналина повышается. Если он поймает меня, то убьёт. Честно говоря, я бы предпочла умереть в бою, чем просто принять это, как какая-то бедная жертва. Я должна попробовать.

Вытягиваю бритву из-под подушки и медленно сажусь, пытаюсь создавать так мало шума, как только возможно. Кровать немного скрипит, пока я двигаюсь. Я плююсь на Джуда, который лежит на спине, закинув одну руку над головой. Я могу просто справиться с ним в темноте. Его грудь — обнажённая, вздымается и опадает размеренным темпом. Я пробегаюсь взглядом по линиям татуировок, которые переплетаются на его груди и переходят на руку. Он воплощает власть, но также пугает меня. Я бы солгала, если бы сказала, что часть меня не восхищается этой властью. Он источает её с каждым дыханием, с каждым маленьким движением. Он дышит и живёт ею.

Я глубоко вздыхаю, собираясь с силами, когда встаю на колени рядом с ним. Если я собираюсь сделать это, мне придётся использовать весь небольшой вес моего тела.

Моя рука дрожит, когда я подношу лезвие к нему. Представляю, как будет выглядеть линия на горле, когда я перережу его яремную вену. Лезвие уже у в миллиметрах его горла, когда я начинаю колебаться. *Чёрт, да просто сделай это!* Мой разум кричит, чтобы я собралась и спасла себя. Это всё, что нужно сделать, но я снова сомневаюсь. Я смотрю на лезвие в своей руке, желая начать действовать, когда ощущаю, как его пальцы не спеша накрывают моё запястье. Мне хочется заплакать. Я даже недостаточно сильна, чтобы убить парня, который собирается убить меня. Я не шевелюсь и даже не пытаюсь с ним бороться. Он убьёт меня, и в этом будет только моя вина, ведь я засомневалась перед убийством бессердечного ублюдка, преступника и убийцу.

Он подставляет бритву ближе к своему горлу.

— Чего ты ждёшь, Тор? Сделай это, — мои глаза встречаются с его, сверкающими в темноте. — Ну же, — настойчиво повторяет он, прижимая лезвие к коже.

— Я...

Не могу... я не могу этого сделать. Да что со мной не так?

Внезапно он хватается меня за бёдра и переворачивает на спину. Его огромное тело нависает надо мной, вжимая в матрас.

— Ты хочешь убить меня? — шепчет он, и его лицо так близко, что я могу ощутить его дыхание на своих губах, а запах виски и сигарет поглощает меня. — Ну, это твой шанс, Тор. Перережь моё чёртово горло.

Я до сих пор держу бритву у его гортани, и могу это сделать. Его взгляд по-прежнему удерживает мой, изучая меня, бросая мне вызов. В этом оглушительном молчании мы оба ждём того, смогу ли я это сделать — убить человека.

Медленно скользя рукой вокруг моего запястья, он поднимает её над моей головой и вжимает в подушку. Он зарывается носом в мою шею, и вдыхает вдоль горла.

— Ты не можешь сделать этого, потому что не такая как я, — шепчет он. Температура моего тела начинает подниматься, когда его губы еле-еле касаются моей шеи. — Ты спасаешь жизни, а я их забираю. — Я не хочу, чтоб он на меня влиял. Я ненавижу его и хочу убить, но то, как его тело прижимается к моему, как он прикасается ко мне, словно владея мной — от этого лёгкие сражаются за воздух, а моё сердце так бешено бьётся в груди, будто

хочет сбежать. В этот момент я ненавижу себя больше, чем думала.

— Ты убьёшь меня? — мне удаётся набрать воздуха.

Убирая лицо от моей шеи, он освобождает запястье и запускает пальцы мне в волосы, тяня их так, что это почти причиняет мне боль.

— Я ещё не решил, — бормочет он так близко у моих губ, что я чувствую, как они почти касаются моих. Моё дыхание ускоряется, а он выдыхает с усмешкой. — Страшно?

— А должно быть? — выдыхаю я, и мой голос дрожит. Да, должно быть, и так оно и есть, потому что я нахожусь здесь с психопатом, который прижимается ко мне между бёдер и с лезвием в нескольких сантиметрах от моей головы.

Он крепче сжимает мои волосы, поворачивая голову в сторону. Его губы двигаются у моего уха, заставляя меня дрожать под ним.

— Определённо, — рычит он.

О, мой Бог. Я не могу дышать и говорить. Всё, что я чувствую — это он. Я не хочу его чувствовать, и мой разум взрывается тысячами вопросов, а именно: «*Какого хрена ты творишь?*» Думаю, моё тело предало меня и ведёт себя, как шлюха.

Его зубы мягко впиваются в мочку моего уха, и я теряю контроль. Я бросаю лезвие, и зарываюсь рукой в его волосы, притягивая за короткие пряди. Не знаю, пытаюсь ли я этим движением оттолкнуть его от себя или притянуть ещё ближе. Но он смеётся, и его горячее дыхание опалает мою шею.

— Не так уж и невинно, да? — бурчит он, когда толкается своими бёдрами в мои, дразня.

Он перемещает свою руку от моих волос к челюсти и грубо сжимает её. Его губы так близко, и каждый гормон в моём теле кричит ему поцеловать меня. Я совершенно потеряна. И когда я думаю, что его губы уже касаются моих, Джуд отстраняется и встаёт с кровати.

Я слышу шорох одежды, прежде чем он открывает дверь.

— Ты играешь со мной, значит, я сыграю с тобой, — отвечает он, захлопывая дверь за собой.

Чёртов мерзавец. Всё, что я могу слышать — это пульс в моих ушах, когда пытаюсь осмыслить суть произошедшего. Да что со мной не так? Если бы он меня поцеловал, я бы не сопротивлялась. Чёрт, я даже могла бы раздеться и раздвинуть перед ним ноги. Мне точно нужно вылить на себя ведро с отбеливателем, чтобы смыть с себя эту шлюшку. Есть моменты в жизни, когда ты должен серьёзно задуматься о своём здравомыслии. И это один из них.

Глава 15.

ДЖУД

Я захопываю за собой дверь. Мой чёртов член пульсирует. Он твёрд и налит кровью. Эта сука пыталась перерезать мне горло, и это, блядь, завело меня. То, как она ощущалась подо мной... Моя нога была вжата между её тёплыми бёдрами, а моя голая грудь прижималась к её полным сиськам... *Чёрт!* Остановившись на вершине лестницы, я провожу руками по своим волосам и оглядываюсь на дверь. Она была чертовски готова, и, если бы я попытался её трахнуть, она бы, блядь, мне разрешила. Что это за ебаное дерьмо? *Чёрт!* Она пытается соблазнить меня. Заставить хотеть её, почувствовать,

будто я могу доверять ей, чтобы потом сдать меня в руки Джо...

Я качаю головой, продолжая спускаться по лестнице. Прямо сейчас я не могу думать об этом. Всё, что я знаю — это то, что мне нужно убраться нахрен подальше от неё. Проходя мимо гостиной, я замечаю Калеба, развалившегося на диване перед телевизором.

— Я собираюсь в стрип-бар.

Посмотрев на меня, его губы кривятся в улыбке. Он хватается пульт и выключает телевизор.

— Я еду с тобой.

Двери «Элизиума» распахиваются, и громкий бас грохотом отдаётся в моей груди. Мы виляем в толпе, направляясь в сторону бара.

Бармен поднимает свой взгляд, кивая.

— Винсент звонил. Я устал от этого дерьма.

Подойдя к бару, я кладу руку на его плечо.

— Я — владелец чёртового клуба. Поной Крису об этом дерьме, ладно?

Я хватаю бутылку виски «Maker's Mark», и наливаю в два больших стакана. Протягивая один Калебу, я обхожу бар и иду мимо сцены. Одна из полураздетых официанток проходит мимо, и я шлёпаю её по попке. Но она не обращает никакого внимания на это. Я поднимаю стакан, делая несколько глотков прохладного напитка, когда мы пропихиваемся сквозь толпу мужчин, собравшихся у сцены и протягивающих деньги танцовщице. Музыка исчезает, когда мы идём по коридору. Я останавливаюсь перед дверью, на которой написано «Только для персонала». Сделав ещё один глоток, я тянусь к ручке. Как только дверь открывается, нас встречают писком.

— Джей-Пи!

— Калев!

Кристалл отрывает взгляд от своего туалетного столика, и её полные губы расплываются в улыбке. Она откладывает кисточку для макияжа, встаёт и не спеша идёт в мою сторону. На ней чёрное прозрачное бельё и шёлковые трусики. Её идеально круглые сиськи подпрыгивают с каждым уверенным шагом, и от этого мой член начинает пульсировать как бешеный. Остановившись напротив меня, она жадно пробегается взглядом по моему телу.

— Я скучала по тебе, — мурлычет она, лаская пальцами мою промежность. Остальные девочки уходят, посылая мне кокетливые улыбочки. Я выгибаю бровь с удивлением.

— Разве? — спрашиваю я, делая ещё один большой глоток виски.

— Похоже, ты тоже по мне соскучился.

Прикусив губу, она расстёгивает ширинку и достаёт мой член, проводя ногтями по натянутой коже.

Краем глаза я замечаю, что Тара приближается к Калебу, и толкает его на диван. Я снова делаю глоток, наблюдая за тем, как Кристалл опускается на колени. Вот, за что я её люблю — никаких хождений вокруг да около, а только секс. Она медленно проводит языком по головке моего члена, прежде чем берёт его полностью в свой тёплый рот. Я делаю вдох и кладу руку на её голову, направляя её. Её пальцы скользят по мне, когда она направляет меня

в своё горло, упирая член в заднюю стенку горла. Дёргая её за волосы, я стону и делаю ещё один глоток виски. Она хорошо работает, но этого недостаточно. Я скольжу вниз рукой по её затылку, накручивая волосы на кулак, пока заставляю её заглатывать так много, сколько только возможно. Она давится и пытается вырваться.

— Нахер это! — смеюсь я. — Ты можешь и лучше, разве нет?

Она стонет и делает вдох, когда заглатывает меня ещё больше. Схватившись за пояс моих джинсов, она дёргает их вниз вместе с боксёрами, пока трахает меня глазами. Она агрессивно сжимает мои яйца и закрывает глаза, когда толкает меня ещё глубже в горло. Я чувствую, как прижимается её язык к головке моего члена, а затем она обволакивает им его. Она нежно царапает меня зубками и стонет, сжимая мои яйца своей ладонью, перекатывая их... и... я не могу кончить.

Шире расставляю ноги, я выдыхаю. Я даже, блядь, не близко. Она стонет разочарованно, стараясь сильнее, глубже, грубее. Чувствую её палец под яйцами на точке между ними и анусом, и она надавливает на неё. Я стискиваю зубы, сильнее впиваясь в её волосы, и запрокидываю голову. Тара стонет, пока Калев трахает её, но шлёпающий звук мне только мешает. Я закрываю глаза, представляя, что это Тор берёт меня в свой тёплый ротик, и начинаю двигать бёдрами навстречу, сжимая пальцами её волосы. Её ногти впиваются в мои бёдра. Чем больше я думаю о Тор, тем сильнее трахаю её рот, и с каждой секундой она всё больше давится и пытается отстраниться, но я не позволяю ей этого.

— Чёрт, прими это, Кристалл, — выдыхаю я, представляя синие глаза Тор, смотрящие вверх на меня.

Кристалл заглатывает меня ещё сильнее, надавливая пальцем на нужную точку, когда тепло проходит по всему моему телу. Я держу её на месте. Чувствую, как мои яйца подтягиваются, а мышцы напрягаются, и я достаю член изо рта Кристалл, бурно изливаясь на её лицо.

— Чёрт! Джей-Пи! — кричит она, вытирая рукой щеку.

Я падаю на диван, и виски немного выплёскивается из стакана на меня, но я всё ещё крепко держу его. Делаю последний глоток. Сидя со спущенными до лодыжек штанами, я думаю, насколько же это по-конченому: как одна из моих стриптизёрш глубоко глотала мой член, пока я мечтал о девушке, запертой в моей комнате в качестве залога.

Женщины не должны так влиять на меня. Они никогда не добиваются до меня... но она смогла. В моём мире нет места для сентиментальности. Она работает на Джо, и конечно же, я хочу её. Я должен хотеть её, что злит меня ещё больше. Джо — ублюдок. Трудно убить что-то, что ты хочешь, и подонок знает это. Я не могу ему позволить добраться до меня, и я разрушу все его планы. У меня фактически нет другого выбора. Мои руки буквально связаны за спиной. Мне следует либо убить её, либо спасти ту часть, которая от неё останется, как только я с ней закончу.

Глава 16.

ВИКТОРИЯ

Проснувшись на следующее утро, я замечаю двух массивных мужчин, которые стоят возле моей кровати и смотрят на меня.

— Что за чёрт? — хриплю я. — Кто вы?

Ничего не сказав в ответ, один из них без каких-либо объяснений хватает меня за ноги и тянет с кровати. Я падаю на пол, ударяясь локтем.

— Да какого хера? Кто вы? Где Джуд? — я пытаюсь отползти от него, пока сердце сильно колотится в моей груди. Никогда не думала, что буду так нуждаться в Джуде, но сейчас я бы не возражала против его присутствия здесь. Он пугает меня до жути, но я верю в то, что он бы точно не причинил мне боли. Думаю, эти парни... эти парни выглядят, словно готовы изнасиловать и убить меня всего лишь смеха ради.

Двое мужчин подкалывают друг друга.

— Ох, он должен был уйти по делам, — один из них хватает меня за плечо и поднимает меня на ноги. — Он попросил нас *присмотреть* за тобой, пока он отсутствует, и подготовить к его возвращению, — он толкает меня к двери. — Теперь шевелись.

Спотыкаясь, я пытаюсь ухватиться за что-нибудь и остаться подальше от этих людоедов.

— Я хочу писать, — выпаливаю я, а он хмуро смотрит на меня. — Пожалуйста.

— Хорошо. Только, блядь, поторопись.

Он стоит в дверях, повернувшись ко мне спиной. Дерьмо, что мне делать? Это оно, я это знаю. Только не знаю, причастен Джуд к этому или нет. Конечно же, он — придурок, но я всегда считала его парнем, который сам делает свою грязную работу. Если он хочет убить меня, то, по крайней мере, мог бы собственноручно спустить курок.

Когда я мою руки, то опускаю взгляд, пытаюсь не смотреть на парня. Даже отсюда я могу учуять его запах. От него разит потом и дешёвым виски.

— Время вышло. Шевели задницей.

Схватив меня за руку, он вытягивает меня из ванной в спальню. Он настолько сильно сжимает мою руку, что пальцы начинает покалывать от недостающего кровотока. Не останавливаясь, он идёт через дом. Я могу слышать другого парня позади себя, но он не пытается помочь мне. Мы проходим комнату, напоминающую гостиную, с четырьмя телевизорами, показывающими четыре разные игры.

Меня подводят к двери. Один из них открывает её, и я смотрю на ступеньки, которые ведут вниз.

— Шагай, — шипит парень, толкая меня вперёд.

Спускаясь по деревянной лестнице, я спотыкаюсь, и мой пульс ускоряется с каждым шагом. Внизу своими босыми ступнями я ощущаю грубый холодный бетон.

Слышу щелчок от выключателя света, и флуоресцентная лампа оживает над моей головой. Я оказываюсь в простой комнате с бетонным полом и стенами, отделанными кафелем. На них висят разные шкафчики, а посередине комнаты стоит тележка. Могу предположить, что эта комната является криминальной версией медицинской палаты.

Это животное толкает меня через всю комнату к двери на противоположной стороне, и открывает её. Сверху начинает гудеть ещё одна такая же лампа. Я непроизвольно пячусь на него, но он снова толкает меня вперёд. Мне не хочется идти дальше. В следующей комнате везде висят пистолеты и ножи. Иисус, это выглядит, как картинка из фильма про мафию.

Деревянные стеллажи заполнены боевыми винтовками. Патронташ висит на стенах. Здесь стоят коробки с маркировкой взрывчатых веществ. Дерьмо, что они собираются с этим делать? Начать чёртову войну?

— Продолжай идти, — огрызается он, толкая меня в затылок.

Я продолжаю шагать в сторону двери. Всё во мне кричит бежать, но я не могу этого сделать, или по крайней мере, я не смогу убежать далеко.

У меня трясутся руки, а сердце колотится о рёбра. На мгновение я не перестаю дышать, так как мою грудь сдавливает. Прямо сейчас в моей голове только одна мысль — куда, чёрт возьми, я сейчас войду? Почему я здесь? Что они собираются со мной сделать? Я просто надеюсь, что они сделают это быстро.

Открыв дверь, он толкает меня внутрь. Моё тело деревенеет, и я не могу пошевелиться. Не могу сделать вдох. Я умру.

Здесь так холодно, что я вижу пар от своего дыхания. Все стены в комнате укрыты пластиковой пленкой, и нет ничего, кроме алюминиевого стула и металлической тележки, стоящей у дальней стены. Я не могу видеть, что лежит на ней, и уверена, что не хочу. Под стулом в бетонном полу установлен водосток.

Это именно тот момент, когда я напугана до полусмерти. Развернувшись на пятках, я пытаюсь убежать. Но прежде, чем достигаю двери, меня хватают за волосы.

Я борюсь.

Борюсь из последних сил, что остались во мне. Вонзаюсь в его лицо ногтями и кусаю за грязную руку. Я кричу, умоляя, чтобы кто-то спас меня, хотя и понимаю, что никто не станет этого делать. Я снова кусаю его. В этот раз металлический привкус крови чувствуется на языке, и мужчина неистово рычит в ответ. Затем он замахивается, ударяя меня по лицу. Когда я падаю на пол, кровь заполняет мой рот.

— Долбаная сука, — вопит он, тряся кровоточащей рукой.

Мне не хватает сил даже спасти себя. За всю свою жизнь я ещё никогда не чувствовала себя настолько беспомощной. Когда у меня начинает вздыматься грудь от отчаяния, слёзы текут по моему лицу.

— Вставай, блядь, шлюха! — кричит он на меня.

Я не шевелюсь, и он снова бьёт меня. Чувствую, как лопается моя губа, всё лицо пронзает боль, а кровь стекает вниз к моему подбородку. Голова начинает кружиться и меня вот-вот вырвет.

— Я сказал, встать, блядь, — говорит он угрожающим голосом.

Но я не могу встать, так как почти ничего не вижу. Думаю, я на грани потери сознания. Я стону, когда опираюсь на свои руки и колени. И в следующий момент чувствую, как меня окатывает холодной водой, и весь воздух покидает мои лёгкие. Когда я начинаю кричать, сердце чуть ли не выпрыгивает из груди. Дьявол!

— А теперь подъём. Живо! — он отбрасывает ведро в сторону.

Я не могу пошевелиться, так как мои конечности просто не реагируют. Когда я начинаю дрожать, мои зубы стучат друг о друга.

— Что за нахер, Боб! — от голоса Калеба у меня в груди расцветает надежда.

Он появляется в дверях, одетый в рубашку с длинными рукавами и костюмные брюки. Когда он подходит ко мне, то опускается на корточки и хватает меня за подбородок, опуская свой взгляд на мои опухшие кровоточащие губы.

— Рия, — тяжело выдыхает он. — Мне так жаль.

Я смотрю на него сквозь влажные пряди волос, прилипшие к моему лицу. Мой взгляд встречается с его, но я не вижу в его глазах ничего, кроме сожаления. Я верю Калебу, но прямо сейчас я понимаю, какой это было ошибкой — доверять хоть кому-то. Он помогает мне подняться и говорит мне сесть на стул. Холодный металл кусает меня за спину и голые ноги. Здесь так холодно, что я не могу перестать дрожать.

Калёб берёт меня за запястья и заводит их за спину, привязывая верёвкой к спинке

стула. Он нежно поглаживает большим пальцем моё запястье, и я слышу его мягкий вздох. Не могу справиться с этим. Я опускаю голову, когда слёзы начинают течь по моим щекам. Я не хочу умирать. В этот момент всё, на что я могу рассчитывать — это жалость.

— Пожалуйста, помоги мне, — бубню я.

— Мне жаль, — шепчет Калев в ответ, проводя своей рукой по моей спине, и обращается к другому парню.

— Он же велел, блядь, не трогать её, — шипит Калев грубым голосом. По сравнению с тем парнем Калев выглядит худощавым, но он под защитой своего брата.

— Что, чёрт возьми, это так важно? Она ведь и так не выберется отсюда, — рычит парень, осматривая укусы на руке.

Калев смотрит на меня, и мне хватает одного его взгляда, полного сожаления, чтобы понять, что слова этого парня — чистая правда. Теперь никто не может меня спасти. Я никогда не стану врачом. Никогда не выйду замуж и не рожу детей. Это моя сраная судьба — умереть в этой чёртовой холодной комнате с кучей вооруженных до зубов людей, которым на меня плевать. Я в логове монстров. Прижавшись подбородком к груди, я настолько сильно дрожу, что от этого болят мышцы.

Время идёт, но никто так и не говорит ни слова. Они просто стоят и смотрят на меня, словно чего-то ждут. Но чем больше я жду, тем тревожнее и холоднее мне становится. Дрожь тела превращается в судороги. Я с такой силой стискиваю зубы, что они могут треснуть.

Когда я думаю, что уже не могу больше терпеть, я слышу шаги. Подняв голову, я замечаю фигуру в двери. Джуд.

Его взгляд мгновенно встречается с моим. Он сжимает челюсти, пока скользит взглядом по моему телу. Таким холодным, бесчувственным и беспощадным взглядом. Если я думала, что он сможет мне помочь, то я ошибалась. Он выглядит, как настоящий хладнокровный убийца, которым он и является.

Глава 17.

ДЖУД

Полностью промокшая до нитки и с разбитой губой, она сидит на стуле посреди комнаты. По подбородку стекает кровь. Пытать чёртову женщину? На уровне с помешательством. Но какой у меня есть выбор? Какой нахер у меня есть выбор, когда на карту поставлено всё?

— Что это, чёрт побери, такое? — рычу я на Калеба. — Я же приказал тебе, чтобы никто не смел к ней прикасаться, пока меня здесь нет! — кричу я.

— Она уже была такой, когда я пришёл сюда. Видимо, Боб не сдержался за две чёртовы минуты, — он смотрит на Боба, и я перевожу взгляд вслед за ним.

— Эта чёртова сука укусила меня! — обижено говорит Боб, показывая свою окровавленную руку.

Я не могу смотреть на неё. Я сильнее сжимаю кулаки, задумываясь, смогу ли я пройти через это? Я делаю глубокий вдох. Чем дольше я смотрю на Боба, тем более поверхностным становится моё дыхание. Краем глаза я замечаю, как она дрожит.

Я шагаю в комнату, всё сильнее сжимая кулаки.

— Я сказал тебе... — не могу даже закончить предложение. Я бью кулаком по лицу Боба, затем хватаю его за плечи и бросаю на пол. — Поднимайся, мать твою! — кричу я, и мой голос эхом разносится по комнате. Он поднимается на ноги.

— Ты не можешь следовать простейшим указаниям? — на секунду я замолкаю, чтобы успокоиться. — Ты же прекрасно знаешь, о чём мы говорили. Ты отклоняешься от плана, и я, блядь, выпотрошу тебя.

Повернувшись, я мгновение смотрю на неё. Её зубы дико стучат, кожа бледная настолько, что кажется почти серой, а губы светло-голубого оттенка. Она выглядит почти как труп.

— Виктория, — еле сдерживая себя, строгим голосом я зову её по имени, но она не реагирует. — Виктория!

Я достаю пистолет из-за пояса и возвожу курок. Звук эхом отбивается от стен. Я сглатываю, так как знаю, что мне предстоит с ней сделать, и это выворачивает мои внутренности наизнанку и холодит сердце.

Закрыв глаза, я сильнее сжимаю рукой пистолет.

— Сука!

Этот комментарий заставляет её поднять глаза. Она моргает: когда она начинает медленно хлопать ресницами, я понимаю, что она едва соображает.

— Я знаю, почему ты здесь, и вот, что я скажу тебе. Это на самом деле, *на самом деле*, ужасно бесит меня.

Она приподнимает брови.

— Почему я здесь? — спрашивает она сквозь цокот зубов. — Ты приволок меня сюда, — её слова невнятны и еле слышны.

— Нет, ты сама сюда припёрлась, помнишь? Я вообще ничего общего с этим не имел, — подняв руку, собираюсь ударить её, по-прежнему сжимая оружие в кулаке. Она вздрагивает, когда я наклоняюсь ближе к ней. — Это была хорошая игра, должен признать, но пора снять маску. Ты допустила ошибку, приехав сюда, малышка, и теперь ты узнаешь, как дорого тебе будет стоять эта ошибка. Женщина ты или нет, ты приравниваешься к мужчине и к тебе будут относиться как к одному из них.

— О чём ты говоришь? — её голос дрожит, а слёзы катятся по щекам.

— Кто послал тебя сюда?

— Эван, — отвечает она, запинаясь, пока её тело содрогается. Я наблюдаю, как в один момент она смотрит перед собой, а в другой — теряет фокус.

— Если ты не скажешь мне, клянусь, я *заставлю* тебя силой, — я немного отвожу свою руку назад и резко хватаю её за подбородок. Её кожа обжигает мои пальцы холодом, я вздёргиваю его вверх, чтобы она посмотрела на меня. — У меня не будет иного выбора, как навредить тебе, если ты не ответишь мне честно, — я с трудом сглатывая, приставляя дуло пистолета под её подбородок, и ведя им по влажной коже. Честно говоря, это действие дается мне труднее, чем я думал. У меня дрожат руки, а нервы уже на чёртовом пределе. Она ничего не говорит, и я ещё сильнее сжимаю её челюсть. — Я сломаю тебя, а затем прикончу. Ты ведёшь игру не с теми людьми.

Я отпускаю её подбородок, выравниваюсь и ухожу в другую сторону комнаты, прислоняясь к стене. У меня бешено бьётся сердце, а живот стягивает в узел. Где-то глубоко внутри я думаю, что она не причастна к этому, но для уверенности мне придётся сломать её, как бы я сделал с любым другим врагом. Я должен полностью уничтожить её, но, если она

действительно окажется невиновной, не знаю, смогу ли я простить себя после того, что сделаю с ней.

Пожав плечами, я смотрю на своего дядю и брата.

— Она не собирается сотрудничать, и даже не понимает, что означает это слово.

Когда Калевб смотрит на меня, выражение его лица выдаёт напряжение, а ноздри раздуваются от гнева. Я качаю ему головой, и он тяжело вздыхает, молчаливо посылая мне слова «пошёл нахуй», когда подходит к ней. Боб хватается её за волосы и запрокидывает голову, пока Калевб освобождает её от оков и ставит на ноги.

— Рия, просто скажи нам. Это прекратится, как только ты нам всё расскажешь, — Калевб умоляет её, а не требует. Он просит её рассказать всё, чтобы он мог это прекратить.

— Я даже не знаю, о чём вы говорите, — у неё вздымается грудь, и следующий звук, который она издаёт, это громкий всхлип. — Я не знаю. Не знаю. Пожалуйста, Калевб, — умоляет она между резкими вздохами. — Ты же не монстр, — шепчет она. — Ты обещал.

Я вижу, как Калевб вздрагивает, словно она только что нанесла ему физический удар. Он устремляет свой взгляд на меня.

— Джуд...

— Делай свою чёртову работу, Калевб, — рычу я ему. — У меня нет времени на эти сраные сердечные штучки.

Вздыхнув, Калевб сжимает челюсти и жестом приказывает Бобу сдвинуться в сторону. Он берёт её за плечи и вскидывает голову к потолку, словно просит у Бога прощения перед тем, как толкнуть её на пол, от чего брызги воды на бетоне разлетаются в стороны. Он возвышается над ней, тяжело дыша. Знаю, он готов убить меня за то, что я заставляю его делать, но нельзя подружиться с врагом, и это будет для него уроком. Боб хватается её ноги, прижимая их своими разведёнными коленями.

Калевб смотрит на меня, молчаливо умоляя прекратить всё это, но я только киваю.

— Сделай это, — рычу я.

Схватив за ворот рубашки, он срывает её. Я жду, что она станет драться, кричать или хоть что-то делать... но она просто лежит и плачет, дико сотрясаясь. Её приглушенные звуки почти задевают меня.

Она — личность... На секунду я закрываю глаза, пытаюсь оградить себя от происходящего, но, когда открываю их, Боб уже срывает с неё боксеры. Она лежит голая на холодном бетонном полу в ледяной луже.

— Ты работаешь на Джо, или пришла сюда по просьбе Эвана? — спрашивает Боб.

Отвернувшись от Боба, она закрывает глаза и прикрывает грудь своими руками. Она сильно дрожит из-за низкой температуры в комнате, и её рваные выдохи, которые ей удаётся, выходят белыми облачками. Мне просто хочется, чтобы она ему ответила. Я хочу, чтобы это наконец закончилось. Мне нужно зайти так далеко, чтобы наверняка быть уверенным. Но я делал вещи и похуже.

Боб отползает от неё, проходит вдоль комнаты и попутно закуривает сигарету, а затем хватается за край металлической тележки. Ржавые колёса скрипят, когда он толкает её в сторону девушки. Я сглатываю. Сердце бешено стучит в груди, чуть ли не подпрыгивая к горлу, а ладони начинают потеть.

По ту сторону массивной двери раздаётся очень громкий стук, и я вздрагиваю, когда дверь с треском впечатывается в стену.

— Джуд у нас проблема. Там какие-то двое пробираются со стороны заднего двора.

— Что? Как они, блядь, смогли обойти охрану?

— А мне откуда, блядь, знать. Но они вооружены.

— Долбаный Джо! — я смотрю на Викторию. — Если я узнаю, что ты причастна к этому, поверь мне на слово, я не буду таким милосердным!

Я резко поворачиваю голову в сторону Калеба.

— Идём.

С беспокойным выражением лица Калеб смотрит на неё и снова на меня.

— Чего ты ждёшь!? — рычу я.

Когда выхожу из комнаты, я придерживаю дверь и поворачиваюсь к Бобу.

— Если ты, мудака, коснёшься её, я задушу тебя голыми руками.

Боб кивает и встаёт, делая ещё одну затяжку своей сигареты и снова опирается на стену.

— Ты меня, блядь, слышишь? — я указываю в его сторону пистолетом. — Не прикасайся к ней, пока я не приду!

— Ага, ага. Не буду. Вот тебе крест на моём ебаном сердце.

Дверь захлопывается в момент, когда я слышу ещё один её громкий всхлип. Я прохожу вдоль комнаты и поднимаюсь по лестнице, крепко сжимая пистолет в кулаке и следуя за остальными ребятами на террасу.

— Двое парней в лесу, вон там, — указывает Пол в сторону заднего двора.

Я не жду. Чувствую, как всё рушится вокруг меня. Она сейчас в подвале, а эти парни на моей территории. Словно меня окружают со всех сторон. Я бегу к линии деревьев. Калеб следует за мной, держась поближе. Остальные мои ребята рассредоточились с пушками наготове. Слышу, как один из нарушителей что-то кричит, и вижу, как они мчатся мимо тонких стволов сосен.

Когда один из них попадает в поле моего зрения, я нажимаю на спусковой крючок. Громкий звук выстрела пронзает мои уши, тут же заглушая шум вокруг меня. Через несколько секунд в меня стреляют в ответ, и начинается перестрелка. Пули рикошетят от стволов деревьев, и кора разлетается в воздухе.

Когда мужчины скрываются из виду, я набираю скорость, устремляя свой взгляд в густые заросли леса.

— Ты их видишь? — кричу я, держа оружие наготове.

— Нет, — кричит Калеб. — Я ничего не вижу. Дерьмо! Должно быть, они схлопотали пули.

Запустив руки в волосы, я ищу доказательства того, что они подстрелены. Я шагаю в том направлении, куда они уходили, и нахожу ярко-красную кровь на сухих листьях.

— Ну, тут кровь, — я приседаю на корточки, чтобы рассмотреть листья. — Не много. — Когда я осматриваю лес ещё раз, то ничего не вижу и не слышу. Я владею пятнадцатью акрами, и они могут быть, где угодно.

— Найди их! — командую я, разворачиваясь в сторону дома.

Глава 18.

ВИКТОРИЯ

Я наблюдаю, как Калеб покидает комнату, и надежда на спасение уходит вместе с ним. Дверь захлопывается, и мёртвая тишина окутывает комнату. Я слышу только звук воды,

стекающей в водосток.

Я замерзаю, и мои конечности пробирает сильной дрожью. Я не чувствую их. Не чувствую ничего, кроме страха и отчаяния.

Боб начинает кашлять в углу комнаты, но я отказываюсь смотреть в его сторону, поэтому просто лежу голая в луже ледяной воды и смотрю на флуоресцентную лампочку, мигающую над моей головой.

— Ты вскружила ему голову, — из-за стука своих зубов я едва слышу его бормотание. — Ты же знаешь, что ты — его слабое место, да?

Я снова ничего не отвечаю. Его лицо появляется в поле моего зрения, поэтому я вижу злобную улыбку на его губах. Он выпускает кольцо дыма мне в лицо, заставляя меня слабо закашляться. Его зубы покрыты пятнами от никотина, а дёсна посерели от курения. Всё в нём меня отталкивает, вызывая отвращение.

Снова зажав сигарету меж своих губ, он делает затяжку.

— Ты делаешь его уязвимым, — я слышу, как он идёт по комнате, от чего его сапоги скрипят.

Через несколько секунд он наклоняется ко мне, вытягивая лезвие. Отблеск света сверкает на поверхности стали. Мой разум начинает метаться в панике, но тело... моё тело не реагирует. Из моей груди вырывается всхлип разочарования. Одно дело, когда ты отказываешься бороться, а другое, когда ты не можешь этого сделать — это уничтожит меня не только физически, но и морально. Я могу надеяться только на то, что что бы он не сделал, он сделает всё быстро.

Боб проводит пальцем по острию ножа. Я закрываю глаза, и когда открываю их, он приседает напротив меня и хватается за мой подбородок. Его грубые пальцы воняют сигаретами.

Он тычет ножом мне в лицо и шепчет:

— Я делаю это с тобой для того, чтобы убедиться, что ты не его слабость. Трудно быть слабым для суки, из которой вываливаются её же кишки.

У меня перехватывает дыхание, и я трясусь головой. Лицо суровое, и только небольшой проблеск азарта мелькает в его чёрных глазах, когда он смотрит на свой чёртов нож.

— Дерьмо, — Боб делает затяжку и продолжает, зажимая сигарету между губами, — какая досада просрать такое роскошное тело, как твоё.

Он едва прикасается кончиком ножа к ложбинке между моих грудей.

Мне хочется закричать, но меня окутал холод. Чувствую, как у меня замедляется дыхание, а перед глазами всё размывается. Если Боб меня не убьёт, я умру от холода.

Он берёт сигарету и тушит горячий окурок об мою грудь. Когда меня пронзает разъедающий ожог, я пытаюсь откатиться в сторону, но он хватается за меня, сильнее прижимая к полу. Я скольжу голой спиной по холодному влажному бетону.

— Он уже трахнул тебя? — прикусив зубами свою нижнюю губу, он хихикает. Хватая мою грудь, он и щипает пальцами мой твёрдый сосок. — Он трахал тебя так, как должны трахать грязных шлюх, которой ты и являешься?

Я качаю головой в знак протеста, и с моих губ срывается жалобный стон. Он сильнее прижимает лезвие к моей коже.

— Я сделаю ему одолжение, убив тебя, потому что не уверен, что он сделает это сам.

Моя грудь начинает вздыматься, и я не могу дышать. Ощущаю, как острый край ножа разрезает кожу и боль поднимается по груди, когда он тянет ножом вниз дюйм за дюймом

по моему телу, пока не достигает пупка. Я закрываю глаза, чувствуя, как слёзы стекают по моим вискам.

Схватив меня за горло, он наваливается на меня сверху, и его лицо находится в нескольких дюймов от моего, когда он рычит:

— Я порежу каждый... — он подставляет лезвие мне под горло, — долбаный дюйм твоего тела, и буду наслаждаться каждой секундой.

Он убирает нож от моей шеи, и следующее, что я понимаю, он сжимает пальцами внутреннюю сторону моего бедра. Я чувствую лёгкое царапание лезвия, когда он тянет его по моей коже, слегка прикасаясь им. Он поднимается выше, пока не оказывается почти у самого основания бедра. Перед глазами всё плывет, и я борюсь с желанием отключиться. *Я не могу потерять сознание и позволить этому произойти*, — отчаянно думаю я.

— Как насчёт того, чтобы я трахнул тебя этим ножом? — он проводит лезвием около соединения бедра и паха, смеясь, пока я хнычу.

Я не могу остановить рыдания, которые вырываются из меня. Я хочу умереть. *Пожалуйста, убей меня. Пожалуйста, убей*. Я молчаливо молюсь про себя снова и снова.

Он проводит пальцем по моему лицу, прежде чем надавить кончиком ножа на мою щеку, но меня это больше не волнует.

— Убей меня, — это всё, что я могу выдавить из себя. С меня хватит. Я недостаточно сильна для этого кошмара. Я среди чудовищ, которых боятся другие чудовища. Они сломают меня настолько, что я никогда не смогу восстановиться. Чёрные точки мелькают перед глазами. Я так устала. Мне так холодно. И всё, чего мне хочется — это уснуть.

Его улыбка превращается в маниакальную усмешку, когда лезвие снова скользит по моему горлу.

— Ещё нет, милая зверушка, — его взгляд скользит по моему голому телу, и он смеётся. — Нет, пока я не получу *именно* то, что хочу.

Он снова сжимает мою грудь ладонью. Его резкие движение натягивают надрез на ней, от чего я содрогаюсь. Он начинает поглаживать мой живот.

— Как насчёт того, чтобы я трахнул твою милую киску этими пальчиками?

Когда он передвигает свои пальцы между моих ног, задевая меня, я сжимаю их и пытаюсь заблокировать ему путь, но я слишком слаба. К горлу поднимается желчь, несмотря на то, что я собираюсь свалиться в обморок. Она поднимается к моему горлу, даже когда мой рассудок пытается ускользнуть. Всё во мне трепещет от ужаса при мысли об этом, пытаюсь проникнуть сквозь туман в моей голове и заставить меня бороться. Этот мужчина раздел, избил и порезал меня, но он, чёрт возьми, не изнасиловал меня. Лучше тысячу раз умереть, чем вытерпеть такое.

Я хватаю его за запястья, из последних сил пытаюсь оттолкнуться от пола. Острый край ножа впивается в мою шею. Тут же я чувствую поток горячей крови, хлынувший по моей шее, и улыбаюсь, снова падая на бетон. Мне так холодно. Моё тело сломлено, а душа разрушена. Я приветствую темноту, когда она поглощает меня.

Глава 19.

ДЖУД

Приоткрывая дверь, я слышу грубый голос Боба:

— Как насчёт того, чтобы я трахнул твою милую киску этими пальчиками?

Чувствую, как рык вырывается из моего горла, и я быстро открываю дверь в холодную комнату.

Гнев поглощает меня. Она по-прежнему лежит на полу вся голая, но только теперь её голая кожа полностью покрыта кровью. Боб держит нож у её горла, а его мерзкая рука погружена между её бёдер.

Красный. Это всё, что, блядь, стоит перед моими глазами. Я оторву его чёртову голову голыми руками.

Я наблюдаю, как её пальцы оборачиваются вокруг запястья Боба, и в этот момент всё происходит, словно в замедленной съёмке. Яростно отрывая свои плечи от пола, она заставляет лезвие ножа встретиться с её горлом. Кровь прыскает из раны. Её веки начинают трепетать, а затем она и вовсе закрывает глаза, опускаясь на бетонный пол.

— Блядь! — кричу я, хватая Боба за плечи и толкая его подальше от неё. — Уёбывай от неё, мразь!

Я смотрю на рану на её горле. Здесь так много чёртовой крови. Она стекает по шее, образуя лужу под ней. От адреналина, пронесившегося по моему телу начинает кружиться голова. Я прижимаю руку к ране, пытаюсь замедлить кровотечение, но красная жидкость поглощает мои пальцы.

— Тор! — в панике кричу я ей, хлопая свободной рукой по её лицу. — Виктория?

Стянув свою рубашку через голову, я прикладываю её к ране, и вскоре она пропитывается кровью. Я провожу взглядом по длинному кривому порезу на её животе. Если бы я мог убрать руку от её раны, зная, что она не умрет, то я бы взял нож и прямо сейчас перерезал Бобу горло. Он просто стоит у меня за спиной, наблюдая, как она умирает, и это выводит меня из себя. Он прекрасно знает, что я не так это планировал. Не это должно было произойти.

— Дай мне какие-нибудь грёбанные покрывала, ты, никчёмное дерьмо! — кричу я, и он спокойно выходит из комнаты.

Я скольжу рукой ей под спину и беру её обмякшее тело на руки.

Её губы тёмно-синего оттенка, а кожа бледно-серого цвета, и она чертовски холодная. *Дерьмо.*

Чувство вины поглощает меня. *Что, чёрт меня подери, я сделал?*

Я заносу её в медицинскую комнату и укладываю на каталку. Слышу шаги, устремлённые вниз по лестнице. Появляется Боб с охапкой одеял, а за ним Калев.

— Какого хуя... — Калев широко раскрывает глаза, устремляя взгляд на меня, — ...ты с ней сделал? — подойдя к изножью каталки, он открывает аптечку. — Ты чёртов козёл, — рычит он, отпихивая мои руки от её шеи. — Кровавая рубашка падает на пол с характерным тошнотворным шлепком.

— Следи за тем, как разговариваешь со мной, — я тычу пальцем в его лицо. — Она ещё не мертва, блядь! — кричу я. — Зашей её!

Покачав головой, он бубнит себе что-то под нос.

— Держи это на её шее, — отвечает он, передавая мне стопку марли. — И укрой её одеялами!

Я беру марлю, и сильнее прижимаю ткань к её горлу. *Дерьмо. Она выглядит мёртвой.* Чувствую, как пульс бьётся в задней части моего горла, и понимаю, как тяжело я дышу.

— Чёрт! У неё переохлаждение! — расхаживает он, и в его голосе слышна злоба. Егс

дикий взгляд встречается с моим. — Нам нужно согреть её *прямо сейчас*, — он поднимает её на руки.

— Согреть её? И что же ты собираешься делать, бросить её в чёртову ванну?

— Нет, чёртов идиот! Ты довёл её сердце до замедления сердцебиения, и теперь ей нужно много одеял, которые согреют её тело, — он снова кладёт её на спину и нервно проводит руками по своей голове. — Блядь, Джуд! Просто... блядь!

Он ударяет кулаком в стену, а затем упирается руками в колени, качая головой. Судя по всему, он не знает, что делать, и это меня ужасно напрягает. Он выпрямляется и вздыхает.

— Хорошо. Мы должны согреть её и заштопать этот чёртов порез на её шее.

Я устремляю свой пристальный взгляд к сочащейся кровью ране на её животе. Кровь, чёрт возьми, повсюду. Раньше меня это никогда не беспокоило, но это... это заставляет мой желудок сжаться.

— И на её животе тоже? Ты должен зашить её! — кричу я ему.

— Заткнись и просто дай мне подумать, — он хватается за голову, и начинает вышагивать по комнате, снова устремляя свой взгляд на неё. — Это может подождать. Порез на животе не настолько серьёзный.

Смотрю на неё, и клянусь, с каждой секундой она становится всё бледнее.

— Мы должны вытащить её из этого чёртового подвала. Здесь слишком холодно.

Когда Калев берёт девушку на руки, я тут же вырываю её у него, закутываю в одеяла и киваю в сторону двери.

— Шевелись, блядь. Я не смогу её зашить.

Я делаю несколько шагов вперёд, прижимая тело девушки к своей груди. Я пинаю дверь так, что она распаивается. Ручка впечатывается в гипсокартонную стену.

— Это чёртова ошибка! — Калев отдёргивает одеяло. — Чёртова ошибка, Джуд, — кричит он.

Уложив её на кровать, я касаюсь щеки, надеюсь, что она хоть немного согрелась, но она кажется ещё холодней.

— Почему она не согревается? Почему она до сих такая чертовски холодная? — кричу я, указывая на девушку. — У неё же есть одеяла. Сейчас она намного холоднее, чем была без них.

Я больше не могу просто смотреть на неё. Я не хочу её долбаной смерти.

— Она не может нормализовать свою собственную температуру тела. Кто-то должен сделать это за неё, — Калев успокаивается немного, и начинает выкладывать нужные вещи из аптечки, которую принёс с собой. — Ты должен сделать это. Мне нужно заштопать её.

— Сделать что?

Он смотрит на меня и вытягивает нитку.

— Согреть её... это неплохая идея... не думаешь? — Калев вдевает нитку в иглу, но его взгляд по-прежнему направлен на меня. — Ты собираешься её согреть или как, Джуд? Я не стану зашивать раны, если ты всё равно позволишь ей умереть.

— Дерьмо, — дёргая одеяло, я взбираюсь на кровать рядом с ней.

— Кожа к коже, — говорит он. — Чтобы всё сработало, нужен контакт с кожей.

— Ты это серьёзно?

— Я не собираюсь смотреть, как она умирает, Джуд! Снимай свою чёртову одежду и грей её! — кричит он. Калев на грани, и я не могу его обвинять. Этого дерьма через верх даже для нас.

Я раздеваюсь до боксеров и натягиваю одеяло на нас обоих. Притянув её безжизненное тело к себе, я обнимаю её руками. Меня передёргивает от холода её кожи.

Опустившись на колени рядом с кроватью, Калёб стягивает марлю с шеи, бросает её на пол и качает головой.

— Ты должен лечь на спину и затащить её на себя. Я не смогу дотянуться до её горла, пока она лежит в таком положении.

Я делаю как он говорит, и затыгиваю её тело на себя. Он натягивает одеяло ей до плеч, чтобы прикрыть грудь.

— Это всё твоя вина!

— Закрой свой сраный рот и принимайся за дело.

Он убирает её влажные волосы в сторону, и они падают на моё плечо. Чувствую, как ледяная вода стекает по моему бицепсу.

— Я предупреждал тебя, Джуд. Это херня. Я же говорил, что она ничего не знает. — Когда он вонзает иглу в её кожу. Она не вздрагивает. Не двигается. Лицо Калеба краснеет с каждой секундой. — Она невиновна, и где-то глубоко внутри ты об этом прекрасно знал, — он водит иглой с тонкой чёрной нитью туда и обратно, быстро зашивая рану. Нахмутив брови, Калёб концентрируется на деле, но отвращение от сложившейся ситуации отражается на его лице. — Я провёл последнюю неделю с ней взаперти, помнишь? У меня бы сложилось впечатление! — кричит он, и его голос слегка дрожит.

Устроив её в удобной позиции на себе, я усиливаю хватку вокруг неё, чтобы обеспечить ей как можно больше тепла.

— Ты не можешь быть уверенным на все сто процентов. Тебе стоит знать это.

— Ну, похоже, ты добился, чего хотел.

— Я не хотел этого, Калёб. Она связана с чёртовым Джо! Джо! Был шанс того, что она была замешана в этом. Мне нужно было выяснить.

Он тянет нить и перерезает её. Затем приподнимает одеяло и штопает ей живот. Завершив работу, Калёб отталкивается от кровати, наклоняется ко мне и прищуривает глаза.

— Был шанс... малюсенький шанс. Чёрт возьми, ты, грёбаный гений по числам, насколько был мал этот шанс, а? — он выпрямляется и вытирает окровавленные руки о свою рубашку. — Думаешь, каждый является угрозой, но почему тогда просто не устроить кровавую массовую бойню? Ведь она *всего лишь* девушка, — он указывает на неё. — Девушка, которую похитили против её воли. И я говорил тебе об этом. Но посмотри, что из этого получилось — теперь она при смерти. А знаешь почему? Потому что ты — долбаный параноик. Она до конца своей жизни не сможет выбросить этого из головы, потому что тебе *нужно было выяснить!*

— Тебе лучше закрыть свой рот прямо сейчас, — медленно говорю я спокойным, хладнокровным и серьёзным тоном.

Он разворачивается и проходит по комнате, останавливаясь у изножья кровати.

— Я прекрасно знаю, что в нашей жизни полно дерьма, но у всего есть предел. *Это* должно было стать твоим! — он даже не может посмотреть на меня сейчас. Его взгляд устремляет на неё. — Ты — бездушная тварь.

Он прав. Закрыв глаза, я выдыхаю.

— Может, ты и мой брат, Калёб, но будь поосторожнее с такими высказываниями. Весь этот бизнес лежит на моих плечах, и это я содержу семью. Все, кто вне дома, являются угрозой.

— Прямо сейчас, — он указывает на неё, — я доверяю ей больше, чем тебе. Тебе лучше остаться с ней, пока она не придёт в себя. Я сделал всё, что от меня зависело, — открыв дверь, он покидает комнату, громко хлопнув ею.

Я смотрю на стену и понимаю, что тело девушки чертовски близко к моему, и кажется, будто холод переливается в меня.

— Принесите ей какую-нибудь одежду. Ты меня слышишь? — громко кричу я. Мне хочется кричать до тех пор, пока моё горло не начнет кровоточить.

Я переворачиваю её на бок, устраиваясь позади неё. Положив подбородок ей на плечо, я дышу на её горло и пытаюсь хоть немного согреть его. Она уже не такая холодная как раньше, и её вдохи уже не такие поверхностные и частые. Притянув её ближе к себе, я провожу ладонью по зашитой ране на животе, ощущая, как нить царапает мою ладонь. Я проглатываю кислоту, которая поднимается по моему горлу. Её кровь везде на моей руке.
Дерьмо.

Я вырос среди насилия. Такая жизнь была всем, что я знал. В детстве я наблюдал за жестокостью отца над кем-то, и этому не было конца. Насилие было повсюду. Только моя мать и сестра были самыми чистыми созданиями в жизни. В моей семье женщин уважали и даже почитали. Они были как милостивый свет, который пробивался через ад, окутывающий нас, а затем этот свет был уничтожен Джо.

Такая жизнь может навредить и разрушить любого, кого я втяну в неё. Это зло просачивается везде, и происходящее прямо сейчас лишний раз доказывает мне это. Я стал зрителем того, как она пыталась убить себя. Из всех людей, которые умирали на моих глазах, я ещё никогда не видел, как кто-то выпрашивал смерть. Они умоляли оставить их в живых или торговались, но она видела смерть как единственный выход. Что, чёрт возьми, я сотворил с ней?

Она шевелит рукой, и приглушенный всхлип срывается с её губ. Знаю, это от боли. Я никогда не испытывал подобного сожаления за то, что причинял кому-то боль, но прямо сейчас чувство вины полностью овладевает мной и кажется чертовски невыносимым. И прямо здесь и сейчас я облажался так, как никогда в своей жизни. Она была доброй и чистой. Она была всем, чем я не являюсь. Я отнял у неё эту невинность. Эта девушка пробуждает мою грёбаную душу, и я не могу позволить ей сделать этого.

Уже поздно. Я сижу, прислонившись к стене, и наблюдаю, как она спит в моей постели. Мне нужно защитить мою семью и бизнес, но по какой-то причине я также хочу защитить и её.

Боб бросил мне вызов, когда ослушался моих приказов и причинил ей боль. То, что он сделал, навсегда оставило след на её теле, и чёрт знает, как это повлияло на её рассудок. Он сделал меня ничем не лучше Джо. Каждый раз, когда он коснётся этого шрама, она будет представлять лицо Боба и ненавидеть меня за то, что я оставил её, позволив этому случиться.

Я покусываю губу, пока гнев медленно поглощает меня, словно чёрная дыра. Она переворачивается в постели и кричит от боли во сне. Этот звук подрывает что-то во мне, и покинув комнату, я мчусь через дом.

— Боб? — кричу я. — Где этот чёртов кусок дерьма?

С каждым шагом гнев во мне становится всё сильнее, застилая мой взгляд туманом. Я не могу выбросить из головы образ, где он издевается над ней, и это приводит меня в ярость.

— Боб! — кричу я, сжав кулаки.

Я захожу в гостиную, где он сидит на диване.

— Что я говорил тебе насчёт того, если ты проявишь ко мне неуважение? — мои пальцы впиваются в кожу, вызывая боль в мышцах.

Он встречается со мной взглядом, делая глоток пива.

— Если бы я тебя не знал, то подумал, что тебе нравится эта сука.

Чувствую, как у меня начинает подергиваться глаз, и делаю вдох. Стиснув зубы, я медленно пересекаю комнату. Без задней мысли я поднимаю руку, выбивая у него пиво. Пенистая белая жидкость разлетается в воздухе. Глаза Боба расширяются, когда он пытается встать, но я хватаю его за горло, поднимая на ноги.

— Ты не заслуживаешь жизни после того, что сделал, — я сжимаю руку на его горле. Жилы на его шее выпирают под моей хваткой, когда я сжимаю его потную плоть.

Он начинает цепляться пальцами за мои руки, требуя, чтобы я его отпустил, и вытянув шею в сторону, говорит:

— Ты не лучше.

Я трясую его, и моя хватка становится сильнее некуда. Он вырывается, пытаюсь бороться со мной, затем мгновенно хватает меня за плечи и толкает назад со всей силы. Я цепляюсь ногами за кофейный столик, и мы оба падаем на него. Слышу, как стекло трещит подо мной, и прежде, чем мне удаётся встать, стекло ломается, и мы оказываемся на полу.

Моя хватка слабеет, и он пытается откатиться в сторону, отползая на четвереньках и хватая воздух ртом.

Подойдя к нему, я дёргаю его за волосы.

— Семья или нет, но я покажу тебе, как выёбываться передо мной. Кровные узлы не имеют никакого смысла, если ты не доверяешь человеку.

Я поднимаю его на ноги и волоку по коридору к двери подвала. Всю дорогу он кричит, словно сука.

— Калев! Пол! Помогите! — вопит он. — Он собирается убить меня. На помощь! — умоляет он лицом вниз, и в его голосе слышна дрожь.

Открывая дверь к лестнице, я тащу его позади себя. Его тело ударяется о каждую ступеньку. Он царапает мои руки в попытках отпустить его. Когда мы уже спустились вниз, я слышу шаги.

— Что ты творишь, Джуд? — слышу я голос Калеба позади себя. — Джуд! — он ещё раз пытается привлечь моё внимание, но я просто продолжаю идти к двери той комнаты. — Джуд! — кричит Калев позади меня. Я открываю дверь в комнату, в которой Боб пытал Тор. Холод пронзает меня, когда мы входим. Я хватаюсь за тонкий потёртый шнур, свисающую над моей головой, и тусклый свет, сопровождаемый гудением, заполняет комнату. Пол до сих пор покрывает кровью, смешанной с водой.

— Снизь температуру до пятнадцати градусов, Калев.

Он ничего не отвечает, но я слышу, как он возится с цифровой панелью снаружи комнаты.

Посмотрев на Боба, я начинаю тяжело дышать.

— Дай мне какие-нибудь цепи.

— Джуд, мужик, ты же это не серьёзно.

— Разве, я запнулся где-то, Калевб? Дай мне их. Прямо сейчас! — рычу я.

Он поворачивается, и я бросаю взгляд на Боба.

— Ты пожалеешь о том, что сделал с ней. И пожалеешь о том, что послушался меня.

Боб изворачивается, пытаюсь освободиться от меня, поэтому я хватаю его за волосы, дёргая его голову назад.

— Не противься мне, блядь. Я всё равно выиграю. *Не играй* со мной.

Его тело обмякает, и он делает долгий вдох, означающий капитуляцию. Звон цепей нарушает тишину, когда Калевб бросает их на пол рядом со мной.

— Обмотай цепью его руки и подвесь, — команду я, указывая на потолок.

Калевб наблюдает за Бобом, когда подходит к нему и защелкивает наручники вокруг его запястий. Он разворачивает табурет, взбираясь на него и прикрепляя цепь к потолку, и старые металлические ножки царапают пол.

Мой взгляд сосредоточен на Бобе.

— Ты останешься здесь до тех пор, пока не осознаешь свою ошибку.

Боб смеётся, слегка приподнимаясь над полом.

— Ты единственный, кто тут ошибается. И единственный, кто облажался.

Я не могу себя контролировать. Мои глаза затмевает красная пелена от крови, которая пробегает по моему телу, и я ударяю кулаком по его носу. Тёплая кровь брызгает на моё предплечье и джинсы. Мне хочется убить его к чертям собачьим, но сейчас у меня на уме кое-что другое. Я стою, глядя на него, злой как ад, и вынуждаю себя развернуться и уйти.

— Пошли, — говорю я Калебу.

На выходе из комнаты, я замечаю кое-что на полу. *Цепочка Тор*. Я забираю её и выхожу.

— Он не должен был делать этого, — говорит Калевб.

Я киваю, запихивая цепочку в карман.

— Нам не нужно было делать этого. Я должен был отпустить её в ту же секунду, когда она появилась здесь, — бубню я, поднимаясь по лестнице, и меня затапливает чувство сожаления и вины.

Я несу ответственность за неё, и в этот самый момент в моей голове вспыхивают воспоминания о моей матери и сестре. Мне нужен мой грёбаный предел, и Тор является им. Я с трудом вдыхаю, когда мы выходим на лестничную площадку.

— Этот кусок дерьма, который запихнул её сюда, заплатит, а я за этим лично прослежу.

Вжимая ногой в педаль газа, от чего мою голову откидывает на кожаный подголовник. У меня был целый день, чтобы обдумать то, что случилось, и весь гнев превратился в сущую ярость.

Я знаю, что Тор здесь из-за Джо. Этот ублюдок никогда не должен был бросать невинную женщину в логово зверей, поэтому я не позволю ему использовать её, как он планировал. Она теперь моя, и я *убью* его к хренам собачьим. Я буду мучить его и убью самым жестоким образом, который только могу представить. Он заставил меня выбирать между моим бизнесом, моей жизнью и чувством собственного достоинства. Заставил понять, кто я на самом деле — он просто сделал очевидным то, что я такой как он. Что я похож именно на того человека, которого я, блядь, ненавижу. И я собираюсь убить его за

это.

Я гоню восемьдесят километров в час, превышая дозволенную скорость. Когда я обгоняю фуру, мои шины визжат, и я виляю на трассе.

— Проваливай к чёрту с моего пути! — кричу я, стиснув зубы, и сжимаю рычаг переключения передач.

Подъехав к жилому комплексу, я паркую свою машину у выхода. Земля покрыта тонким слоем снега, который хрустит под сапогами, пока я иду к квартире. С каждым тяжёлым шагом моё дыхание становится горячее, а жилы на мышцах натягиваются. Я проверяю своё оружие за поясом джинсов, и останавливаюсь перед квартирой 3С. Постучав в дверь, я жду.

Ничего.

Я стучу кулаком, но не слишком сильно. Мне не хочется выдавать то, что человек по эту сторону двери готов кого-то убить.

Слышу внутри шаги, и опустив маску на лицо, отхожу в сторону с поля обзора глазка.

Шаги затихают перед дверью, я слышу его нервное дыхание.

— Твой дядя прислал меня. Возникла проблема.

Он прочищает своё горло, но ничего не говорит.

— Ну же, Эван.

Тишина.

— Они убили её. Она мертва, и теперь они придут за тобой. Мы должны перевести тебя в безопасное место. Джо прислал меня за тобой.

За этим следует глубокий вздох и звук отрывающегося замка. Дверь едва скрипит, когда я за несколько шагов оказываюсь возле него, и хватаю этого ублюдка за горло, прижимая к полу.

— Ты ебанный бесполезный кусок дерьма, — шиплю я.

Его глаза расширяются, а кожа бледнеет.

— Кого ты думаешь наебать, а? — реву я, усиливая хватку на его шее и сжимая так сильно, что ощущаю хруст костей под своими пальцами.

Он задыхается, дёргает руками и впивается пальцами в мои руки, пытаюсь убрать их прочь от горла. По сравнению со мной, он мелковат, и я едва могу назвать его мужчиной.

— А, а, а, — качаю я головой. — Либо ты сейчас успокаиваешься, либо я прекращу твоё жалкое существование прямо здесь.

Его глаза расширяются ещё больше, и он борется подо мной, умудряясь кивнуть головой. Когда я ослабляю хватку, он начинает жадно глотать воздух.

— Ты ответишь на каждый вопрос, который я задам, или я медленно прикончу тебя. Ясно выражаюсь?

Он снова судорожно кивает.

Из всех вопросов, которые я могу ему задать, из всей информации, которую я могу использовать себе на руку, единственная вещь, о которой я хочу спросить его, это почему он отдал её?

— Почему? — сплываю я, пытаюсь восстановить своё дыхание. — Почему ты передал её? — Мысль об этом и произошедшем за то время, как она прибыла в мой дом, всплывает в моей голове. Жар злости начинает меня поглощать. Склонившись над ним, я кричу: — Зачем ты сделал это с ней?

Эван закрывает глаза, словно это может помочь ему уйти от ответа.

— Они на самом деле убили её? — всхлипывает он.

Я снова сдавливаю пальцами его горло.

— А ты что, блядь, думал? Ты отдал её отморожкам. Её больше нет.

Я наблюдаю, как слёзы стекают по его лицу, и не могу сдержаться, чтобы не дёрнуть его голову вверх и ударить его ею об пол.

— Хватит ныть, ты, бесполезное дерьмо. Это твоя вина, — я снова ударяю его головой об пол, и он скулит. — Ты — убийца, Эван, — шиплю я.

Вытащив пистолет из штанов, я приставляю к его виску, и моя рука дрожит от гнева.

— За это я просто должен вынести твой чёртов мозг. За то, что ты плачешь как маленькая сучка после того, что сделал. — Но он продолжает реветь. — Поднимайся! — придерживая дуло пистолета у его головы, я встаю и наклоняюсь, чтобы поднять его на ноги. — Давай! — снова кричу я ему. — Вставай.

Я перемещаю пистолет к его затылку, наблюдая, как конец дула исчезает в волосах, и толкаю его в сторону кухни.

— Лицом в угол, — я использую оружие и толкаю его к стене. — Положи обе руки за спину, и скрести их.

Он не двигается.

— Живо! — команда эхом отбивается от шкафчиков.

Скрещивая заметно дрожащие руки за спиной, он даже не протестует. Он даже не сопротивляется. Он настолько жалок, что даже не пытается бороться за свою жизнь.

Приблизившись лицом почти к его затылку, я рычу:

— Шевельнёшься, клянусь Богом, я заставлю тебя страдать, — выдыхаю я, облизывая свои губы языком. — Я хочу знать о каждом грёбаном человеке, который работает с твоим дядей.

— Эм, эм, я... не знаю их.

— Ладно, — киваю я, и хватаю его за тощий бицепс, впиваясь своими пальцами в его плоть. — Ты уверен в этом?

— Я не знаю, — ноет он. Страх действительно пускает свои корни в нём.

Держа его руку, я наваливаюсь на него всем весом своего тела, толкая в плечо, пока не слышу хруст. Эван визжит, когда кость выворачивается.

Окинув взглядом кухню, я замечаю большой нож шеф-повара, хватаю его с тумбочки и покручиваю им в воздухе.

— Может, мне нужно сделать то, что они сделали с ней?

Он не открывает глаза. Только повторяет одно слово «пожалуйста» снова и снова, продолжая плакать, как маленькая сучка.

— Хочешь, чтобы я продемонстрировал то, что они сделали с твоей маленькой подружкой? — Я беру нож, и крепко прижимая его, провожу им вдоль футболки, пока не замечаю, как ткань пропитывается красным, а затем не спеша вырезаю «К» на его груди. Он кричит, пытаясь отстраниться от меня. — Закрой рот!

Затем вырезаю «И».

Между воплями он кричит:

— Дэн... Дэниэл.

— Этого недостаточно, — отвечаю я, сосредотачиваясь на буквах, которые вырезаю на его груди. Кровь окрашивает его рубашку, стекая по рваным лохмотьям. Я вижу, как несколько капель падает на мой сапог, прежде чем я заканчиваю писать «А». Наклоняюсь и

приставляю нож к его подбородку.

— Знаешь, таких как ты называют «киска», — шепчу я ему на ухо.

— Дэниэл. Даниель Кэйпс, — кричит он.

— Оу, и тебе что-то *известно*?

— Да, Дэниэл — его киллер. Есть ещё Фишер. Я не знаю имени, но он коп Единственный, кого я хорошо знаю, это Саймон Де Лукас.

— Так, — говорю я, чувствуя, как холод пробирается внутрь меня, и встречаюсь с ним взглядом, — почему ты отдал Тор?

Он хмурит брови, не понимая, кто такая Тор.

— Виктория, ты, чёртов debil. Почему ты это сделал?

Он морщит лицо и качает головой.

— Джо сказал, что убьёт её, если я не сделаю этого.

Опуская голову, я бубню:

— Она бы умерла, независимо от того, что ты натворил, — я поднимаю взгляд на него. — Ты даже не пытался спасти её.

— Она страдала? — спрашивает он, и я мне приходится закрыть глаза от этого вопроса.

— А ты как, блядь, думаешь? — спрашиваю я его, вытирая окровавленный нож о свои джинсы.

Он закрывает глаза, и слёзы текут по его щекам.

— Я любил её.

Эта фраза приводит меня в ярость. Он любил её, и всё равно отдал её по велению своего дяди?

Я стискиваю зубы.

— Как сильно ты умолял за неё?

Когда он открывает глаза, я вижу в них сожаление. Он не умолял за неё. Он не боролся за неё. Он — трус. Эгоистичная киска.

Я трясу его.

— Как сильно ты умолял за неё?! — кричу я на него. Я в бешенстве. Мой пульс эхом отдаётся в висках, а лоб покрывается потом. Я чувствую, что схожу с ума.

Он опускает взгляд, и моя хватка становится сильнее.

— Давай-ка посмотрим, как сильно ты будешь умолять за *свою* жизнь, а потом скажешь мне, умолял ли так за неё, ты, мелкое дерьмо!

— Прошу, — жалобно начинает он.

Я посмеиваюсь, и хватаю его за руку. Взяв один палец, я резко дёргаю его назад, и моя улыбка становится шире, когда слышу треск костей и его душераздирающий вой. Я беру следующий палец и медленно сгибаю его, ожидая звука ломающихся косточек.

— Пожалуйста! — кричит он.

— И ты считаешь *это* мольбой? — рычу я, резко выгибая ещё два пальца вверх. — Жалко!

Когда я провожу ножом по его горлу, он рыдает и его губы дрожат. Ещё никогда я не хотел, чтобы кто-то страдал так сильно, как в эту минуту хочу, чтобы страдал этот кусок дерьма. Я размещаю лезвие за ухом и нажимаю на него большим пальцем, прикусывая свою губу. Затем я резко дёргаю нож. Эван вопит, сгибаясь от боли, когда лезвие отделяет его ухо от головы. Он сгибается пополам. Кровь стекает по его лицу на шею. Я отхожу, вышагивая перед ним. Он всё также кричит и рыдает, прижимая целую руку к кровавому обрезку на ухе.

Но чем громче он вопит, тем больше закипает моя кровь.

— Умоляю. Я сделаю всё, — задыхается он, — всё, что угодно, только, пожалуйста, не убивай меня.

— Выровняйся.

Он остаётся согнутым, и кровь продолжает течь.

— Я сказал, мать твою, выровняться!

Как только он не спеша поднимается на ноги, я со всей силы ударяю его в живот. Он ударяется спиной об стену и стонет, сползая по ней на пол. Я бью его снова и снова: в живот, по ногам, яйцам, по его лицу. Образы моей матери и сестры вспыхивают в голове: дом, сгоревший дотла, жена Джо, умоляющая о жизни. Клянусь, в это момент я всё вижу свысока, словно выпрыгиваю из своего чёртового тела. Я врезаюсь кулаком в его лицо, хватаю за голову и ударяю ею об пол. И теперь всё, что я вижу — это образ Тор, окровавленной и плачущей. *Эта мысль* заставляет меня бить его ещё сильнее. Всё, что я слышу, это пульс в моих ушах, моё рваное дыхание и слабые вопли Эвана, пока я обрушиваю на него свою агрессию. Когда мне кажется, он уже понимает, что он на пути к смерти, я отхожу в другой конец комнаты, скрещиваю руки на груди и прислоняюсь к стене.

— Иди! — рычу я.

Постанывая, он пытается опереться на руки и колени, но с каждым движением громкие рыдания сотрясают его тело. Скорее всего, в его теле не осталось не треснутой, сломленной или раздробленной кости.

— Я сказал, иди!

Он не может опереться, и каждый раз, пытаясь встать, падает на пол, словно жалкая куча мусора. Я наблюдаю, как, опираясь на локти, он пытается тащить своё бесполезное тело в сторону двери. Ярко-красный след размазывается по полу позади него. Когда он оказывается в полуметре от выхода, я отталкиваюсь от стены, и он застывает. С каждым моим громким шагом его дыхание становится прерывистым.

— Я передумал, — шепчу я, переворачивая его.

Усаживаюсь на его грудь, и мои джинсы быстро впитывают кровь, когда я придавливаю его плечи коленями. Насильно открывая его рот, мне удаётся ухватить за его язык. Затем я вонзаю острый нож в его плоть. Он кричит в истерике, дёргая головой из стороны в сторону.

— Не шевелись, твою мать, — говорю я, снова прикладывая нож к искромсанной плоти, и наконец, отрываю её.

Его гортанный крик искажен болью, но даже этого недостаточно, чтобы удовлетворить меня.

— Я хочу, чтобы ты лежал тут в агонии. Хочу, чтобы ты на себе прочувствовал, как грёбаная жизнь покидает твоё тело. Я оставлю тебя утопать в собственной грёбаной крови, и буду смотреть на твои ебанные страдания.

Открыв его рот, из уголков которого выплескивает кровь, я засовываю язык ему глубоко в глотку. Он давится, открывая и закрывая его, словно рыба, вытщенная из воды, а я просто наблюдаю за этим процессом, опираясь на дверь.

— Это как раз то, чего ты, блядь, заслуживаешь, — рычу я.

Он борется с неизбежным несколько секунд и замирает.

Перешагнув через него, я хватаюсь за дверную ручку. Слышу, как он давится собственной кровью, скопившейся в горле, и поворачиваю её.

— Ты ошибся, — говорю я, захлопывая дверь за собой.

Глава 20.

ВИКТОРИЯ

Даже в самых трудных ситуациях мне нравилось думать, что можно найти проблеск света.

Я не могу.

Не в этот раз.

Есть такие вещи, которые способны сломать человека и разрушить до такой степени, что он будет желать смерти всеми фибрами души.

Я никогда не понимала, как человек может добраться до такой грани, чтобы совершить самоубийство. Оказывается, эта самая грань приходит чертовски быстро, когда ты сталкиваешься лицом к лицу с чем-то настолько ужасающим, что готов сделать всё, лишь бы избежать этого.

Я могу принять боль. Могу принять страх и многое другое. Чего я не могу принять, так это похищения, изнасилования и унижения. Я предпочту смерть.

Но каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу лицо Боба, ощущаю его руки, бродящие по моему телу, и нож, пронзающий мою кожу. И всякий раз засыпая, я просыпаюсь с криком и слезами на глазах. Каждый звук, каждый щелчок замка заставляет меня подпрыгивать. Никогда не думала, что стану таким человеком. Они сделали меня такой.

Ещё никогда в своей жизни я не чувствовала себя настолько одинокой, преданной и испорченной. У меня нет ничего, ради чего стоит жить, и несмотря на то, что в этот раз я выжила, в следующий он меня *убьёт*. Он должен. Я знаю это, и он тоже знает. Возможно, в этот раз он нашёл какое-то милосердие, но он — бомба замедленного действия, которая только и ждёт, чтобы взорваться. Мои дни сочтены и я никогда не выберусь отсюда.

Я выскальзываю из кровати. Мои ноги трясутся под моим весом, когда я иду в ванную и закрываю за собой дверь. Я включаю душ, включая кран с горячей водой погорячее, а затем иду к туалетному столику, чтобы стянуть футболку через голову. Материал трётся о швы, заставляя меня шипеть от боли.

У меня уходит несколько минут на то, чтобы набраться храбрости и посмотреть в зеркало. Я сожалею об этом, как только решаюсь. Я не узнаю девушку, которая смотрит на меня. Мне нужно сделать вид, что это кто-то другой, кто-то чужой, кого я не знаю, потому что эта девушка сломана и больше не верит в спасение. Она худая и слабая. Её кожа землистого оттенка, похожая на карту из ушибов и порезов. Вдоль её груди к животу тянется уродливая красная линия в пару с пятидюймовым швом вдоль её шеи (прим. — десять сантиметров). Её губа рассечена, а лицо в синяках. Но часть, которая пугает меня больше всего — это её глаза. Они совершенно безжизненные. Она выглядит такой грустной, такой опустошённой.

Виктория Дэво умерла три дня назад, когда мужчина попытался изнасиловать её, подвергнув пыткам, и она охотно перерезала себе горло, умоляя о смерти. Она сделала это потому, что была сильным бойцом и сама управляла своей судьбой.

Девушка, на которую я пялюсь, больше не сильная. Я теперь ничто.

Я пачусь от зеркала, пока не ощущаю спиной холодную плитку стены. Скользя на пол, я прижимаю колени к груди. Засохшая корка на ране на моём животе трескается, и я морщусь

от внезапной боли, но не плачу.

Я больше не заплачу.

Я приняла свою судьбу в этом аду.

Не знаю, как долго я оставалась в таком положении. Возможно, несколько минут, а может, и несколько часов. Всё, что я могу слышать, так это льющуюся из душа воду, которая ударяется об пол и заполняет комнату паром. Трудно признать, что у меня украли мою жизнь, но если бы мне предоставили свободу, то в данный момент я бы её не захотела. Ведь у меня ничего не осталось.

Когда в дверь начинают стучать, я не шевелюсь, а просто продолжаю смотреть в точку на стене напротив меня.

Мой желудок сжимается от звука его голоса, а ногти впиваются в голени. Вкус желчи комом становится комом в моем горле.

Я слишком поздно понимаю, что не заперла дверь. Она скрипит, и я слышу его тяжёлые шаги.

Он проходит и роется в ящиках, бормоча себе что-то под нос.

— Как ты? — спрашивает он, и я слышу, как он останавливается около меня. Посмотрев вниз, я вижу его коричневые ботинки с засохшей кровью на мыске. Я не отвечаю ему, потому что не хочу с ним разговаривать, и мне нечего ему говорить. Всё хорошо, вполне понятно сказано и сделано. Некоторые вещи просто не передать словами.

Чувствую, как он смотрит на меня сверху и приседает передо. Осторожно приподняв мой подбородок, он осматривает рану на шее.

Я смотрю прямо на него. Между его бровей появляются складки, пока он изучает меня. Несколько секунд я решительно не отвожу от него взгляда, но затем выдёргиваю подбородок из его хватки.

Я медленно поднимаюсь на ноги, повернувшись к нему лицом. Будучи полностью обнажённой, я наблюдаю, как его взгляд скользит по длинному порезу на моём теле. Закрыв глаза, он запрокидывает голову, зарываясь рукой в волосы. Только сейчас я замечаю кровь, на его рубашке — свидетельство о его последней жертве. Чудовище во всей своей красе. Я даже не могу отыскать в себе страх. Я не боюсь его. Мне теперь плевать.

Его взгляд перемещается на пятна крови, и снова на меня.

— Ты не должна меня бояться. Есть много чего, что ты не знаешь.

— Я и не боюсь, — отвечаю я ему. — Ты можешь уйти? Пожалуйста.

Он смотрит на меня и кивает. Разворачивается, чтобы уйти, но останавливается.

— Я не должен был тебя оставлять. Прости.

Мне плевать на то, что он говорит. Слышу щелчок двери, которая зарывается за ним, и залезаю в душ. Открыв воду на максимум, я становлюсь под неё. Она обжигает мою кожу, но я смакую это ощущение.

Выйдя из душа, я замечаю свежее полотенце, джинсы и майку на туалетном столике. Я почти забыла, как выглядит настоящая одежда. Я вытираюсь насухо и одеваюсь.

Когда я вхожу в спальню, Джуд сидит на кровати. Упираясь локтями в колени, он придерживает голову руками.

Полуобнаженный, он держит в руках окровавленную рубашку. Его татуировки тянутся вокруг бицепсов, украшая оливковую кожу. Подняв взгляд, он замечает меня и проводит рукой по своим тёмным волосам.

— Я подумал, что ты бы хотела одежду, — тихо говорит он.

Всё, что я могу делать, это смотреть на него.

— Ты не собираешься со мной говорить?

— Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?

Покачивая головой, он пытается выколупать засохшую кровь из-под ногтей.

— Хоть что-то, — он поднимается с кровати, приближаясь ко мне настолько, что почти касается лицом моего. — Чёрт побери, ты пыталась убить себя, Тор. У кого-кого, а у тебя, мать твою, уж точно есть, что сказать.

Несколько секунд я наблюдаю за ним, пока он сжимает свои кулаки, и его челюсть подрагивает.

— Мне нечего тебе сказать, — тихо отвечаю я.

— Чёрт! — кричит он, отворачиваясь от меня и шагая в другую сторону комнаты. Хлопнув ладонью по стене, он поворачивается ко мне и тяжело дышит. После этого наступает долгое молчание. Я не шевелюсь, ведь не имею понятия, что он собирается сделать дальше.

— Человек, который убил мою маму и сестру, — говорит он так тихо, что я еле слышу его, — был дядей Эвана. Он хочет, чтобы я тоже умер, — повернувшись лицом ко мне, он прислоняется к стене и поднимает свой взгляд на меня. — Я не верю в совпадения. Думал, ты работаешь с ним.

Я хмурюсь. Я не должна жалеть его или проявлять чувства, но всё же моё сердце болит о его потере, ведь потеря матери — это очень трагично и душераздирающе.

— Мне жаль, — шепчу я.

Он качает головой и опускает взгляд в пол.

— Он и мой отец имели некое... разногласие, поэтому он сжёг наш дом вместе с ними внутри. На первую годовщину их смерти он прислал моему отцу видео, где он насильничал и пытал их до того, как поджечь дом. Я проходил мимо офиса моего отца, когда он смотрел его.

О, Господи. Он тяжело дышит и сжимает кулаки. Он не может посмотреть на меня.

— Каждый раз, когда я засыпал, то слышал эти ужасающие крики с видео, — он говорит эти слова, словно они являются какой-то грязной тайной и не желаемой слабостью.

Я прижимаю руку к своему рту, когда рыдания душат моё горло. Я должна ненавидеть Джуда. Не должна хотеть чего-либо, кроме как убить его, но не могу. Я отчаянно стараюсь цепляться за мою ярость, ненависть и боль, потому что внезапно я чувствую жалость к нему, а я не хочу. Мне не хочется плакать из-за этих двух чужих для меня женщин, но чувствую, будто мы как-то связаны. Мы жертвы этих монстров в человеческом обличье.

— Я убью любого, кто работает с ним, так как обещал своему отцу. Но ты... — он сглатывает, и его взгляд встречается с моим. — Я никогда *не хотел* убивать тебя, Тор. Просто... мне нужно было удостовериться. — Он тяжело вздыхает и отталкивается от стены, сокращая расстояние между нами. Я неуверенно шагаю назад, а он медленно протягивает ко мне руки, осторожно убирая прядь волос с моей шеи. Скользнув взглядом по уродливой ране вдоль моего горла, он закрывает глаза. — Мне не следовало оставлять тебя, — его голос надламывается. Он поглаживает пальцами моё лицо. — Джо пытается использовать тебя, знаешь ты это или нет, — я наблюдаю, как маска гнева появляется на его лице, а его зелёные глаза становятся беспокойными и взрывоопасными. — Я *не позволю* ему сделать это. Не с тобой.

Я отвожу взгляд, не в силах смотреть на него.

— Ты уже это сделал, — шепчу я ему.

Его рука пропадает с моей шеи, и он опускает голову, напрягая плечи.

— Я не такой, как он.

Не знаю, кого он пытается больше убедить — меня или себя.

— То, что случилось с твоей семьёй, ужасно, но это не оправдывает таких же действий с твоей стороны над кем-то другим. Око за око? Так это работает в твоём мире? — мой голос дрожит, когда я пытаюсь контролировать свои эмоции. Я думала, что больше не могу чувствовать. Я думала, что была сломлена и непригодна к восстановлению, но это не так. Я, чёрт возьми, до сих пор здесь, и всей его фигни, поясняющей его действия, недостаточно.

Он медленно делает шаг назад.

— Не смей сравнивать меня с этим конченым ублюдком! — вопит он, указывая на меня, а затем сжимает и расслабляет кулаки, пытаясь обуздать свой гнев. — Я даже не прикасался к тебе, чёрт побери! И никогда не изнасиловал бы женщину. Никогда, — он слишком громко дышит, и его грудь тяжело вздымается.

Моя холодная нечувствительность уступает место реальному и дикому гневу.

— Нет, ты ещё хуже, потому что приказал кому-то причинить мне боль, а затем бросил меня! — выпаливаю я. — Если ты хотел меня пытать, то, по крайней мере, должен был иметь яйца, чтобы сделать это самому. Ты — чёртов трус и слабак.

Он хищно шагает ко мне, не сводя с меня взгляда, хватая за плечи и толкает меня спиной к стене. Меня окутывает паника, когда я ощущаю хватку его пальцев на своём горле. Он неровно дышит, а его рука дрожит. Джуд зажмуривается, и его пальцы подёргиваются на моей шеи. Я отворачиваюсь от него и закрываю глаза, ожидая неизбежного. Возникает напряжённое молчание, прежде чем он убирается подальше от меня.

— Чёрт! — рычит он. Хватая первое, что попадает ему под руку — чем оказывается фотография его мамы и сестры — он швыряет её через всю комнату. Стекло разлетается по полу. После этого он сбрасывает на пол всё, что стоит на комод. — Чёрт! — он замирает и кладёт руки за голову, при этом тяжело дыша. Склонив голову, он опускает руки, медленно идя к разбитой фотографии. Он поднимает её и избавляется от остатков стекла.

Джуд помещает рамку на комод и покидает комнату. Впервые за всё моё пребывание здесь я остаюсь одна и дверь передо мной открыта, но побег уже не имеет никакого значения. Я подхожу к двери и тихо закрываю её.

Через некоторое время слышится мягкий стук в дверь, и скрипя, она открывается. Я лежу на боку, глядя в стену.

— Рия? — зовёт Калеб.

Чувствую, как прогибается матрас, когда он садится на другой стороне.

— Мне нужно проверить швы.

Это уже третий раз за два дня, когда он приходит проверить мои швы. Их не нужно проверять. Ради Бога, я тоже врач и не нуждаюсь в стажере-фельдшере, который скажет мне в порядке я или нет. Если бы это не волновало его или его брата, то меня бы никто и не проверял.

— С ними всё хорошо, — отвечаю я.

Стоит отдать ему должное, ведь он проделал хорошую работу, сшив моё горло. Хотя там останется шрам, как на моей груди и животе. Вечное напоминание этого кошмара.

Он вздыхает.

— Рия...

— Я — доктор. Всё в порядке.

— К чёрту это, пожалуйста, ты можешь со мной поговорить?

Я вздыхаю, перекатываюсь и сажусь, опираясь на спинку кровати. Притянув колени к груди, я обнимаю их руками.

— Говори и уходи, — бросаю я.

Он опускает голову на свои руки.

— Мне жаль. Ты же знаешь, я не хотел этого делать, — он уже говорил об этом, но я отказывалась принимать его, и поэтому он продолжает возвращаться.

— Былого не вернуть, Кaleb, — безучастно говорю я.

— Пожалуйста, ты же знаешь, я бы никогда...

— Только трусы прикрываются отговорками. Слабый человек обвиняет в своих бедах других. Ты позволил этому случиться, и если считал, что это было ошибкой, то должен был встать и доказать обратное.

Его взгляд встречается с моим, умоляя меня услышать его, понять, но я не хочу понимать. Я не понимаю, как можно связать девушку и наблюдать, как мужчина разрывает её одежду, заставляя её мёрзнуть до смерти и не пытаться этому помешать.

— Рия, — шепчет он.

— Нет! — шиплю я. — Ты отвратителен мне так же, как и твой брат, — он отшатывается, будто я физически ударила его. — Пожалуйста, просто уходи.

Он смотрит на меня, словно щенок, которого только что пнули. У меня сжимается сердце от потери единственного друга, но его предательство в сто раз больше, чем физическая боль, которую я пережила.

Он тяжело вздыхает.

— Ты должна пойти со мной.

— Куда?

Он пристально смотрит на меня.

— К Джуду. Он хочет тебе кое-что показать. То, что заставит тебя почувствовать себя лучше.

Я смотрю на него.

— Скажи своему придурочному братцу, что это нельзя исправить пустыми подарочками.

— Доверься мне, Рия. Думаю, ты захочешь этого.

— Я не стану верить ни тебе, ни ему.

— Пожалуйста, — умоляет он.

Можете назвать это любопытством или смертельной скукой от просиживания и созерцания на четыре стены, но я поднимаюсь и следую за ним, покидая комнату. Мы не говорим, пока спускаемся по лестнице. Думаю, Кaleb наконец-то понимает, что никакого количества извинений не будет достаточно, чтоб загладить случившееся.

ДЖУД

Я не мог спать. Чёрт, как только я закрываю глаза, то вижу её всю в крови и тут же открываю их. У меня заняло три дня, чтобы успокоиться и понять, как справиться с этим, потому что изначально всё, чего я хотел — это убить Боба, но это не дало бы мне ничего, кроме мимолётного удовольствия.

Постукивая пальцами по краю своего потёртого стола, я жду. В пепельнице тлеет сигарета. Я не выкурил её. Я просто смотрю на белые завитки дыма, плывущие перед моим лицом, когда пытаюсь выровнять своё дыхание. То, что он сделал с ней, было неоправданным, нездоровым и показывает полное неуважение ко мне и к ней.

Слышу звуки спускающихся вниз по лестнице ног, а затем следует стук в дверь. Пружина стула скрипит, когда я поднимаюсь, чтобы ответить, но дверь распахивается прежде, чем я успеваю достичь её. Я вижу хрупкую фигуру Тор позади Калеба. Её взгляд встречается с моим, но я едва ли могу смотреть в её глаза. Они совершенно пусты. Та искра, которой я восхищался так много раз, исчезла. Она на самом деле ушла.

— Идёмте, — хрипло говорю я, направляясь по коридору.

Она и Калёб следуют за мной, и когда я хватаюсь за ручку двери той самой комнаты, то буквально слышу, как она затаивает дыхание. Я знаю, что она думает, что я привёл её сюда для того, чтобы убить. Открыв дверь, я остаиваюсь, но даже не удосуживаюсь оглянуться.

— Тор, я больше никому не позволю снова причинить тебе боль. Это для тебя.

Я кладу руку на её спину и подталкиваю к двери. Чувствую, что её мышцы напрягаются, и она обнимает себя руками. Она обводит комнату взглядом и поворачивается лицом ко мне.

— Что это? — её голос тих, не громче шёпота.

На короткий момент я отвожу от неё взгляд. Свет от дверного проёма тускло освещает комнату. Боб висит на металлическом крюке, прикрепленном к потолку, и стонет, едва касаясь ногами пола. Засохшая кровь окрашивает его подбородок, а голый торс покрыт большими черными синяками.

Мне удаётся сохранить спокойствие, когда я смотрю на него. Мне нужно сохранить контроль над своим голосом.

— Ты не имел права трогать её, ты, больной кусок дерьма! — После я перевожу внимание на Тор. — Он был не прав, и у тебя есть право всё сделать правильно. Это единственный способ, который я знаю, чтобы помочь тебе.

Я дёргаю за тонкий шнур, включая лампу, которая начиная гудеть. Слышу каждый свой вдох вместе с рычанием, когда обхожу его. Пройдя в другую сторону комнаты, я открываю ящик небольшого металлического шкафчика. Смотрю на ассортимент оружия и хватаю охотничий нож. Сильно хлопаю ящиком, когда закрываю, от чего всё внутри него дребезжит. Через несколько секунд я хватаю руку Тор и кладу лезвие в её влажную ладонь. Она дрожит, а в её взгляде застывает замешательство, когда она мечется взглядом между мной, ножом и Бобом.

Она прожигает взглядом нож, а меж бровей появляется складка.

— Я не монстр, Джуд, не такая как ты, и не такая как он, — её голос мягок, неуверенный, и выражение отвращения расплывается по её лицу.

— Возможно, ты и *не была* им, — глядя на неё, я прищуриваюсь, — но ты уже *не та*, что раньше, когда тебя приволокли сюда через эти двери. Когда кто-то причиняет тебе боль,

единственный способ унять эту боль — мечь. Он не просто украл что-то денежной стоимости, Тор. — Я чувствую пульсацию в висках. Зубы скрипят от гнева, вырывающегося на поверхность. — В этом мире, когда кто-то имеет тебя, ты должна поиметь их в ответ или ты просто не выживешь, — я шагаю к ней и кладу свою ладонь поверх её крошечной руки, пытаюсь укрепить хватку на рукоятке. — Заставь его *почувствовать* то, что почувствовала ты, — рычу я, впиваясь в неё взглядом.

Я хочу помочь ей. Хочу, чтобы она почувствовала себя защищённой. Ведь после того, что с ней произошло, единственный способ заставить её почувствовать — это кровопролитие.

Глава 22.

ВИКТОРИЯ

Моё сердце, бьётся о ребра, словно сумасшедшее в то время, как я сжимаю рукоятку ножа влажной ладонью. Джуд сжимает мои пальцы своими, усиливая мою хватку. Подняв свой взгляд, я вижу, что он по-прежнему смотрит на меня. Часть меня чертовски ненавидит его и хочет загнать этот нож в его грудь, покончив с этим, а другая часть меня, ну, в её извращённом и ненормальном смысле, пытается всё исправить.

В его мире справедливость вершится именно так. Я чувствую, как он хочет этого, как жаждет вернуть мне то, что было отнято, но он не может. Всё, что осталось — это гнев и ненависть, которые гноятся внутри меня. Я не хочу быть таким человеком.

— Он заплатит за то, что сделал, — взгляд Джуда пугающий. — Ты меня слышишь, Тор?

Ещё никогда я не была в состоянии *почувствовать* чужой гнев, но в этот момент он исходит от него, словно пекло, и, если я не отойду от него, он меня поглотит.

Слышу звон цепей и слабый стон, эхом разносящийся по комнате. Я не могу посмотреть на Боба.

— Я думал только о тебе, Джуд, — хрипит Боб. — Она делает тебя слабым. Мы же семья!

Кажется, в комнате становится на пять градусов ниже, но это не имеет ничего общего с температурой. Джуд становится мертвенно неподвижным, а это намного страшней, чем любые слова, которые он может сказать. Он идёт в сторону Боба со смертоносной грацией, которой я изумляюсь в нём, и останавливается перед мужчиной, хватая его за челюсть.

— Ты ослушался меня, — его голос похож на рык, полный угрозы. — И относился ко мне неуважительно. Семья мы или нет, ты заплатишь.

— Она разрушит тебя! — шепчет Боб, и его цепи снова лязгают.

— Закрой свою пасть! — огрызается Джуд, сжимая и разжимая кулаки.

Он разворачивается, и я уже начинаю думать, что он собирается уходить, но Джуд резко замахивается, впечатывая кулаком в лицо Боба. Я инстинктивно отшатываюсь от проявления такого насилия и власти, но я бы солгала, сказав, что не хочу страданий для Боба. Я хочу.

Он поворачивается и шагает в мою сторону, останавливаясь напротив меня. Его огромное тело возвышается надо мной, и я могу видеть только его. Он слегка прикасается пальцами к моему подбородку, и среди всей его ярости это ощущается очень странно, ведь его прикосновение полно нежности.

— Иногда две ошибки дают правильное решение, — он прищуривает глаза, словно пытается убедить меня в этом. — Верь мне, ничто так не лечит, как причинение боли тому, кто заставил тебя истекать кровью. Справедливость не знает честной игры, — он скользит взглядом по лезвию в моей руке. — Это единственный способ, который я знаю, чтобы помочь тебе, Тор, — шепчет он, и я слышу раскаяние в этом заявлении.

Такая же уязвимость присутствует в его взгляде, и несмотря на отвращение от его методов, я всё же понимаю их. Он хочет помочь мне, просто не знает как. Даже я не знаю, сможет ли оказанная помощь помочь мне сейчас, но факт того, что он хочет помочь мне касается чего-то, чего на самом деле касаться не должно. Возможно, мой рассудок настолько разрушен, что я уже не могу отличить правильное от неправильного, врагов от друзей, потому что прямо сейчас Джуд не кажется врагом, и это опасно.

Низкий стон проносится в воздухе.

— Я бы оказал тебе услугу, убив её, — выдыхает Боб.

Любая мягкость во взгляде Джуда исчезает, и ледяная ярость охватывает черты его лица. Схватив меня за руку, он выхватывает из неё нож. Каждый его шаг эхом отбивается от стен пустой комнаты.

— Освободи его, — приказывает Джуд, и Калек в спешке выполняет приказ.

Я наблюдаю, как он расстёгивает оковы, и Боб падает на бетонный пол с глухим стуком. Джуд ходит кругами вокруг него, буквально вышагивая перед ним, как перед раненым оленем. Лезвие сверкает каждый раз, как только мигающий свет попадает на него.

— Вставай! — хрипло выкрикивает Джуд.

Но Боб лежит там.

— Поднимай, — Джуд опускается, дёргая Боба на ноги, — свою задницу!

Боб вяло пожимает плечами.

— Что ты собираешься сделать? Убить меня? Твой отец оценил бы мерзость такого жеста, — бросает он.

Должно быть, парень желает смерти. Думаю, возможно, он уже знает, что его время вышло, и нет смысла тянуть. Я чувствую это. Он заставил меня почувствовать это.

Покачивая головой, Джуд одним быстрым движением проводит ножом вдоль живота Боба. Кровь льётся из раны, и Боб кричит. Обычно я избегаю насилия, но так или иначе ловлю себя на мысли, что очарована видом крови и упиваюсь воплями Боба. Я хочу, чтоб он страдал. Хочу, чтоб он умер, потому что это единственный способ избавиться от его большого озлобленного оскала, пока он кромсал моё тело, и который я вижу каждый раз, как закрою глаза.

— Ты будешь драться со мной? — спрашивает Джуд. — Или осознаешь, что ты — бесполезный кусок дерьма?

Боб ничего не отвечает.

Джуд хватается за волосы, сильно дёргая голову назад, и волочит его ко мне. *О, Боже! Что он делает?*

— Скажи ей, что сожалеешь, — он указывает на меня, и Боб падает на колени, но рука Джуда по-прежнему в его волосах. — Скажи ей, что ты — никчёмный кусок дерьма!

Боб стонет от боли. Кровь стекает прямо к моим босым ногам, и я делаю шаг назад.

— Скажи ей! — кричит Джуд, и его голос эхом разносится по комнате.

— Мне... мне жаль, — унижается Боб.

— Скажи ей, насколько ты никчёмный.

Боб делает несколько вдохов.

— Я ничего не стою...

Джуд толкает его в спину, и Боб падает вперёд, ударяясь лицом о холодный бетон.

— Сделай это лучше!

— Джуд! — кричу я, и он смотрит на меня, а его губы сжаты в тонкую линию. —

Прекрати, — тихо говорю я.

Я качаю головой, но он слишком далеко зашёл. Речь больше не обо мне, а о нём и демоне, сидящем на его спине.

Он проводит рукой по лицу, шагая позади Боба, и кивает головой. Опустившись на корточки рядом с Бобом, он переворачивает его, и прижимает за горло к полу. Он сосредоточен и полон решимости, сдавливая шею Боба и наблюдая, как человек кашляет и борется с ним. Это именно то состояние, когда Джуд показывает свою самую страшную сторону не потому, что он сошёл с ума. С овсем наоборот, он держит всё под контролем, в полной мере осознавая свои поступки.

— Тор, — говорит он, и его голос заставляет подняться волоски на затылке. Он смотрит вверх на меня и подзывает жестом. Злая и оскорблённая девушка во мне хочет причинить Бобу боль. Но рациональная сторона говорит мне, что это не поможет, но я так чертовски устала ощущать себя слабой жертвой в этом месте, где монстры притворяются людьми. Поэтому делаю первый шаг к нему.

— Рия... — начинает Калев. Я смотрю на него, и выражение его лица наполняется жалостью, но я не хочу его жалости. — Ты не должна этого делать. Позволь мне сделать это для тебя.

— Калев, вон отсюда! — кричит он.

Я сосредотачиваюсь на лице Джуда и его тёмно-зелёных глазах, которые всегда кажутся бездонными. Что-то проскакивает между нами — понимание, похожая необходимость мести и избавления от гнева и ненависти. Я обвиняла его в том, что случилось, но теперь понимаю, что в этом нет его вины. Его преступление в том, что он оставил меня. Единственное животное здесь — это человек, который стонет и задыхается от нехватки воздуха.

Подойдя к Джуду, я опускаюсь на колени перед избитым телом Боба. Взгляд Джуда не покидает моих глаз, когда он бережно кладёт нож в мою ладонь и кивает. Возможно, он — жестокий, возможно, он преступник, но понимает, что мне нужно, и даёт мне средство, чтобы обрести свою силу. Он не может дать мне её, хотя я могу её взять.

Мой пульс ускоряется, когда я, дрожа, подношу лезвие к груди Боба. Рука не слушается, поэтому я закрываю глаза, пытаюсь успокоить свои нервы. Чувствую тёплые пальцы, которые оборачиваются вокруг моей руки, принося мне спокойствие. Открыв глаза, я вижу, что Джуд по-прежнему рядом со мной. Он направляет мою руку к груди Боба, прижимает кончик к его коже и проводит моей рукой вниз, впиваясь лезвием в кожу.

Боб кричит. В его криках я нахожу наслаждение, но они также пугают меня. Причиняя боль ему, я чувствую, как моя собственная утихает, и это почти даёт мне очищение.

Кровь пульсирует и струями стекает вниз по его бокам. Мне хочется ненавидеть себя за это, мне хочется ненавидеть Джуда за то, что он толкает меня к этому, но я не могу. Я не делаю этого, потому что я уже стала этим.

Когда Джуд отводит нож от кожи Боба, я понимаю, что выпускаю выдох, который даже не знала, что задержала. Он отпускает мою руку, и я ошеломлённо роняю нож, наблюдая за ним, пока он звенит на полу. Внезапно Джуд хватается Боба за горло, сжимая его до такой

степени, что мне кажется, его глаза вылезут на лоб в любой момент.

— Калев! — кричит он.

Дверь со скрипом открывается, и голова Калеба появляется в дверном проёме.

— Забери Тор отсюда, — бросает Джуд сквозь стиснутые зубы.

— Джуд, — начинает Калев.

— Забери её нахрен отсюда! — ревет он.

Я смотрю то на одного, то на другого брата, и тишина окутывает нас. Калев первый нарушает её, хватая меня за руку, и выводит из комнаты. Я оглядываюсь через плечо и смотрю на Джуда, полностью сосредоточенного на Бобе, который всё ещё пытается вырваться из хватки.

Дверь захлопывается за мной, и всё, что я могу слышать — это эхо от моих шагов. На полпути к следующей двери я слышу громкий выстрел позади меня, а затем ещё один. Я вздрагиваю, и мои руки начинают трясти. Знаю, что Джуд только что убил Боба. Мне хватило одного взгляда на его лицо, чтобы понять — Боб не выйдет из этой комнаты живым. Джуд не тот, кто станет обманывать. Боб сделал мне больно, и он убил его за это. Часть меня знает, что он не заслуживает моей благодарности, и всё же я не могу сдержать порыв чувств к нему. Я уже не просто отклонилась со своего пути, я разбилась и вспыхнула, и будто мазохистка, которую он сделал из меня, я упиваюсь этим пламенем.

Я больше не знаю, кем являюсь или во что превращаюсь. Я просто приставила нож к человеку, и мне *понравилось* его резать. Это чувствовалось словно очищение для меня, и это порочно во многих смыслах. К тому времени, как я достигаю комнаты, меня всю трясёт, а ноги еле меня держат. Я смотрю на свои руки, и они покрыты кровью. Впервые в моей жизни они покрыты кровью, потому что я навредила кому-то, а не спасла.

Еле слышный всхлип вырывается из моего горла, и слёзы начинают течь по моим щекам. Я стала той, кем всегда боялась стать, потому что с этого момента... смерть больше не влияет на меня. Не чувствую ничего, кроме потери себя. У меня подгибаются колени, и я падаю на пол.

— Рия! — Калев бросается в мою сторону, но я отталкиваю его.

— Нет, — шепчу я. Не хочу, чтобы Калев видел это. Он до сих пор видит во мне хорошее, а это так ошибочно. Я смотрю на него, встречаясь с его встревоженным взглядом.

— Прости меня. Ты не монстр, — и я плачу. Как я могла подумать, что он был монстром? Ведь он просто ребёнок.

Он ласкает моё лицо руками.

— Извини.

— Шшш, всё хорошо, — он улыбается. — Тебе не за что извиняться.

Я киваю и соплю, когда он вытирает слёзы с моего лица.

— Калев, уйди, — голос Джуда грохочет у меня за спиной. Калев поднимается на ноги, в последний раз окидывая меня взглядом, прежде чем разворачивается и уходит.

— Тор, — тихо произносит Джуд моё имя.

Я встречаюсь с его взглядом, и он долго изучает меня.

— Я... я не могу... — мой голос дрожит, в то время как я пытаюсь осмыслить произошедшее.

— Тор, — намного строже говорит он. — Посмотри на меня. — Но я не осмеливаюсь это сделать. — Посмотри. На. Меня, — требует он.

Я поднимаю глаза, встречаясь с ним взглядом и ожидая его гнева, но вместо этого там

царит понимание.

— Всё хорошо, — шепчет он.

Я киваю, и независимо от того, какой барьер я построила, он крошится, и сейчас я плачу. Я не знаю, что со мной происходит. Не знаю, теряю ли я себя или нахожу. Старая я никогда бы не взяла нож, чтобы навредить кому-то, она бы отпрянула в ужасе. Эта повреждённая версия меня хотела порезать Боба, отомстить ему, и Джуд мог помочь мне с этим. Я закрываю глаза, и тело содрогается от рыданий. В одну минуту я разваливаюсь на части, а в следующую сильные руки обнимают меня, удерживая мои разбитые осколки вместе.

Я не должна позволять ему держать меня, но позволяю.

Не должна наслаждаться его тёплой грудью, прижимающейся к моей щеке, но наслаждаюсь.

Это должно ощущаться ошибкой, но не ощущается.

Возможно, я сломлена намного больше, чем думала.

Глава 23.

ДЖУД

Сидя за своим столом, я принимаю ставки, но постоянно отвлекаюсь. Не могу выбросить её из своей грёбаной головы. Я подкуриваю сигарету, когда телефон начинает звонить, и я отвечаю.

— Валяй.

— Поступило заявление о пропаже той особы, — Дэвид делает паузу, и я могу услышать приглушённый шум от его полицейской радиосвязи на другом конце. — Я уже дважды его отклонял. Больше этого делать не могу. Ты должен что-то сделать, чтобы эта проблема исчезла.

Прокручивая сигарету между пальцами, я сцарапываю тонкий слой фильтровой бумаги. Это всё, о чём я могу думать. Что мне с ней делать. Я не могу отпустить её, потому что боюсь, что Джо убьёт её. Как по мне, есть только одно логическое решение. Я делаю вдох.

— Мне нужна твоя помощь.

— Слушаю?

Прижав телефон подбородком, я прячу лицо в ладонях. Я устал. Вымотан тем, что разгребаю всё это дерьмо, всей это чёртовой виной, которую ощущаю за то, что совершил с ней.

— Мне нужно тело, — говорю я.

Слышу, как Дэвид продолжительно выдыхает.

— Тело, значит? Какой у неё рост?

— Где-то пять футов и четыре дюйма. (прим. — 163 см)

— На ней есть что-то, что могло бы определить её личность?

— Цепочка, — я сгибаю скрепку, а затем тащусь в другой конец стола. — У нас ещё есть автомобиль её парня.

— Хорошо. Хотя ты мне поможешь. Для этого дерьма понадобится немало работы.

— Окей, без проблем.

— Я собираюсь прокатиться по заброшенным домам в северной части города. Дай мне

несколько дней, и я, вероятнее всего, смогу найти скрытую дорогу, которую мы сможем использовать, — я слышу треск радио, по которому запрашивают о подмоге, от чего Дэвид стонет. — Я займусь этим позже. Мне нужно ехать, — быстро говорит он, и вешает трубку.

Открыв ящик стола, я достаю её цепочку. В её крошечных трещинах ещё виднеется засохшая кровь. Она никогда не оценит того, что я делаю для неё, но это не имеет никакого значения.

Спустя три дня мы с Дэвидом везём труп через пустырь в кромешной темноте. Зажав ноги тела под руку, я открываю двери BMW Эвана, и мы усаживаем мёртвую девушку за руль. Дэвид нашёл её этим утром, когда был в патруле, но судя по внешнему виду и той вони, которая исходит от неё, она мертва уже несколько дней.

— Это слишком даже для меня, — бормочу я, дрожащими пальцами доставая цепочку Тор из кармана.

Я цепляю её на шею мёртвой женщины, стараясь нащупать замок. Дуновение лёгкого ветерка усиливает протухший запах гниющей плоти, ударяя им мне в нос, и я хочу блевануть. Мне приходится отойти, чтобы вдохнуть свежего воздуха, и я наконец застёгиваю этот замок.

Дэвид подбрасывает мне пару плоскогубцев.

— Вырви ей зубы.

— Ты серьёзно? — я морщю лоб, указывая на труп. — Блядь, я не собираюсь этого делать!

— Записи о зубах не будут совпадать. Если ты хочешь, чтобы они поверили, что это она, значит единственными уликами, которые укажут на неё, должна быть цепочка, — Дэвид поглаживает капот, прислоняясь к машине, — и этот автомобиль. Если хочешь заставить людей думать, что она мертва, то это то, что тебе нужно сделать.

Я снова слышу запах мёртвого тела, чувствуя, как мой желудок начинает мутить. Сглотнув желчь, разъедавшую моё горло, я наклоняюсь в машину и кладу свою ладонь на холодный лоб женщины. То, что находится под моей ладонью, больше не чувствуется как кожа. Оно влажная и похожа на воск. Я давлюсь и кашляю, выплёвываю полный рот слюны, а затем зажимаю плоскогубцами один из нескольких зубов. Мне приходится приложить больше силы, чем я думал, пока я распатываю его в десне. Каждый раз, когда я тяну его, слышится треск, от которого меня почти выворачивает наизнанку.

Вытянув последний зуб, я вылетаю из этой грёбаной машины так быстро, как только могу. *Это чертовски слишком!* Я расхаживаю из стороны в сторону, пока Дэвид обливает тело бензином. Слышу, как он чиркает спичкой, и, не оборачиваясь назад, просто иду к его патрульной машине. Всю дорогу к машине я борюсь с желанием блевануть. Чувствую эту дотошную вонь на себе и даже не знаю, поможет ли душ смыть это зловоние. Глядя в окно, я задумываюсь, как я мог опуститься до того уровня, где оскверняю тела. Но больше всего задаюсь вопросом почему, чёрт побери, она была послана в мою жизнь?

Свернув газету, я беру свой телефон.

Слышу, как на заднем плане затихает телевизор, прежде чем кто-то начинает говорить.

— Слушаю, — стонет Рич.

— Отправь Калеба вниз с девушкой.

— Сделаю.

Отложив телефон, я закуриваю сигарету. Я откидываюсь в кресле, и, выпуская большой клубок дыма, смотрю на дверь.

Через несколько минут слышу шаги на лестнице, и Калевб заходит вместе с Тор. Один взгляд на неё вызывает во мне ряд реакций: гнев, вина и потребность. Я не трахался, поэтому она заставляет меня чувствовать потребность, но стараюсь смотреть, куда угодно, только не на её лицо. Окидываю взглядом её джинсы и свободную футболку, открывающую одно плечо. Меня передёргивает, когда я замечаю длинную розовую рану на её горле.

— Присаживайся, — я указываю на стул, стоящий перед моим столом.

Она молча выполняет то, о чём я прошу. Её взгляд пуст. В нём нет борьбы и нет страха. Хрупкость в ней заставляет меня защитить её, а это просто-напросто какая-то извращённая хрень.

— Я должен рассказать тебе кое-что, — я делаю паузу и смотрю на неё. То, что я собираюсь сказать, отправит её в пропасть. Она выглядит такой хрупкой, что ей будет трудно принять это. Я практически стираю в порошок любой слабый намёк на надежду, оставшийся у неё, что заставит её возненавидеть меня ещё больше. Возможно, она и не поймёт, что единственная причина, почему я это делаю, это чтобы защитить её. Зачем ей верить в то, что человек, который держит её в плену, будет её защищать? — Если бы я мог, я бы защитил тебя от этого... — я замираю, ожидая её реакции, и когда она смотрит на меня, то её взгляд холодный и жёсткий.

— Думаю, что единственные, от кого меня надо защищать, это ты и твоя семья.

Я пытаюсь помочь ей единственным способом, который знаю, предполагая, что месть не работает одинаково для всех. Она до сих пор винит и ненавидит меня, и я прищуриваюсь.

— Думаешь? — я морщу лоб, покачивая головой. — Потому что могу уверить тебя, что Джо ещё большая угроза для тебя, чем я.

— Хорошо, просвети меня.

Я смотрю на Калеба.

— Пошёл вон, — говорю я ему.

Не хочу, чтобы ещё кто-то находился здесь, так как знаю, это будет ужасно.

Бросив нервный взгляд на Тор, он выходит из комнаты. Дверь за ним тихо закрывается, и, поднявшись, я обхожу вокруг стола.

— Ты знаешь... я проведал Эвана.

— Оу, повеселились? — кривая улыбка искажает её губы, и я не могу не ухмыльнуться блеску от лёгкой садистской нотки в её глазах. Даже в аду не найдётся столько ярости, как у оскорблённой женщины.

— Тор, — я наклоняюсь и сжимаю ручки кресла, пока не упруюсь взглядом в её холодные, бесчувственные, голубые глаза. Осторожно убрав выбившуюся прядь волос за ухо,

я провожу пальцами вниз по её подбородку. Её челюсти сжимаются, но она не отстраняется. Мой взгляд падает на её полные губы, но после я снова перевожу его к её глазам. — Поверь мне, если кто-то посягает на то, что принадлежит мне... Я. Становлюсь. Жестоким. — Эти последние три слова звучат так низко, почти хрипло, что даже я не узнаю свой собственный голос.

Она удерживает свой взгляд на мне. Знаю, она хочет спросить меня, убил ли я его, ведь ранее сказанный комментарий дал намёк на это, но она молчит. Незачем говорить ей о том, что Эван мёртв, потому что в данный момент это не имеет никакого значения.

— Просто хочу напомнить тебе, что я сделал это только для того, чтобы защитить тебя от Джо. Он убьёт тебя, если найдёт, потому что всё пошло не так, как он планировал, — я замираю и бросаю перед ней Вандербильтскую газету. — Я сделал то, что должен был сделать, чтобы обеспечить тебе защиту.

Она смотрит на меня, а затем опускает взгляд на статью. Между её бровей появляется складка замешательства, и она бледнеет.

— Что... это такое? — её голос едва ли напоминает шёпот.

— Насколько известно всему миру, ты мертва.

Она хватается бумагу со стола и лихорадочно читает заголовки, изучая причину своей страшной смерти.

— Моя сестра, — выдыхает она, и в этот момент я сочувствую ей.

— Прости. Это нужно было сделать. У меня не было выбора.

Она сидит, уставившись на бумагу, и я жду, когда она разобьётся на кусочки. Чем дольше она читает, тем тяжелее становится её дыхание. Она хмурится, и её губы сжимаются в тонкую линию.

— Ты даже не сказал мне, что собираешься сделать! — кричит она на меня.

— А должен был? — я пожимаю плечами. — Разве ты имела права голоса в этом вопросе?

— Знаешь, что? Пошёл на хуй, Джуд! — она встаёт, бросив газету на стол.

Она зла, как шершень, и имеет на это полное право. Облизав губы кончиком языка, я беру пачку сигарет, лежащую на моём столе, и достаю одну из пачки, но она выбивает её из моей руки.

— Пошёл ты! — снова рычит она, широко расставив ноги и сжав кулачки по бокам. Она выглядит так, словно собирается меня ударить. — Ты забрал у меня всё, а теперь ещё решил лишить меня жизни.

Я указываю на неё пальцем.

— Нет, я *спас* твою грёбаную жизнь! — моя злость растёт, но не из-за неё, а из-за того, что я нанёс ей ещё больше вреда.

Она дрожит всем телом.

— Ты забрал у меня всё, в том числе и мою свободу.

Я поднимаю с пола выпавшую сигарету, подкуриваю её. Делаю затяжку и держу дым в лёгких, пока смотрю на неё, а затем позволяю густому облаку сорваться с моих губ. У меня сжимается грудь, и я чувствую жалость к ней и свою вину, но это совсем не те эмоции, к которым я привык. Сделав ещё одну затяжку, я жду, пока она полностью сломается, ведь это уже близко.

Выражение её лица мгновенно меняется из отчаянного в яростное. С яростью я ещё могу справиться, но вот со слезами — нет.

— Почему ты это делаешь? Тебе не достаточно того, что отнял у меня? Ты — эгоистичный ублюдок! — кричит она на меня.

Положив сигарету в пепельницу, я прислоняюсь к столу и складываю руки. Она не понимает, почему я это сделал.

— Я говорил тебе...

— Я не заинтересована в твоих бредовых оправданиях! Ты разрушил мою жизнь. Из-за тебя моя сестра думает, что я мертва! Всё это было только для того, чтобы ты мог защитить себя, поэтому сделай мне одолжение — прекрати, блядь, врать.

— Если бы я не подделал твою смерть, и если ты думаешь, то, что я делаю граничит с помешательством, ты просто не захочешь узнать, что Джо приготовил для тебя! Если хочешь обвинить кого-то в этом грёбаном дерьме, то в первую очередь тебе стоит обвинить того, кто передал тебя преступникам. Это всё его грёбаная вина. *Он* разрушил твою жизнь! — кричу я. — И превратил *мою* в этот чёртов беспорядок.

— Да. Пошёл. Ты! — кричит она, замахиваясь рукой.

Она ударяет меня по лицу с громким хлопком, и моя голова дёргается в сторону. Жар заливает мою щеку там, где она меня ударила, и это место жжёт до охерения. Делая вдох, я закрываю глаза и пытаюсь дышать. Чёрт побереи, в этот раз я приму это.

— Тор, — рычу я в предупреждении, напрягая челюсти и сжимая кулаки.

— Как это могло превратить *твою* жизнь в чёртов беспорядок? Ты ведь не ходячая мёртвая девушка! — она хватается пепельницу со стола и бросает её в стену. Осколки летят повсюду. Мы пропускаем слёзы и крики, и, по-видимому, сразу переходим к иррациональным решениям.

Она топает через комнату.

— Это не *ты* будешь думать о том, что твоя сестра будет оплакивать закрытый гроб, — она срывает картину со стены и разбивает рамку о стол. Я отпрыгиваю в сторону, когда она швыряет её в меня. — Это не *ты* потерял карьеру, на которую горбатился восемь чёртовых лет! — она хватается хрустальный графин с виски и бросает его в стену. — И это не у тебя почти полуметровый шрам по всему телу и перерезанное горло! Я, блядь, тебя ненавижу! — маниакально кричит она, бросая в меня телефон.

Так бы реагировал я, но не такой реакции я ожидал от неё. Я ожидал, что она упадет на пол и будет биться в истерике вместо того, чтобы разрушать мой грёбанный дом. Я стою в дальнем углу комнаты, подкуривая ещё одну сигарету, и наблюдаю за ней. Если это именно то, что ей нужно, чтобы смириться с этим, то так тому и быть. В конечном итоге, у неё заканчиваются предметы, которые можно сломать, поэтому она хватается подушки с дивана и яростно бросает их в меня.

Наконец, у неё ничего не остаётся, что можно было бы бросить. Она стоит посередине полного хаоса, её грудь вздымается, а слёзы текут по лицу. У неё подгибаются колени, и она падает на пол, рыдая. Она выглядит такой крошечной и сломанной, заставляя что-то внутри меня пошевелиться. То, что я уже давным-давно считал утерянным. *Чёрт, я должен что-то сделать.* Буду честен, я понятия не имею, что делать. За последние десять лет я ничего не делал, кроме, как трахал женщин.

Я поднимаю руки вверх.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Уйти! — её грудь тяжело вздымается. — Просто позволь мне уйти, — она выглядит совершенно разбитой.

Запустив руки в волосы, я сжимаю их и смотрю на неё, пока слёзы текут по её лицу. Она не нужна мне здесь, потому что она — слабость. Если Джо найдёт её, пусть так и будет. Она не принадлежит мне, но часть меня чувствует, что почему-то должна. Выдохнув, я указываю на дверь.

— Значит, иди. Если это то, чего ты хочешь, ты свободна. Я не стану тебя останавливать.

Она смотрит на меня, и её лицо не выражает никаких эмоций.

— Просто поверь мне на слово. Ты можешь уйти, но Джо найдёт тебя, и что ты потом собираешься делать, а? Пойдёшь в полицию? — я смеюсь, пожимая плечами. — Ты не имеешь ни малейшего представления о том, насколько всё куплено. Если я плачу полиции, то поверь мне, чёртов Джо тоже. В секунду, когда ты пойдёшь к ним, и он найдёт тебя, — я замолкаю, вспоминая о том дерьме, которое он сделал с моей мамой и сестрой. — И то, что ты, к сожалению, испытала здесь, тебе покажется раем по сравнению с той хренью, которую он сделает с тобой. Так что, если это то, чего ты хочешь, просто уходи. Я не собираюсь больше держать тебя в плену. Чёртов долг выплачен. Уходи! — и тут я осознаю, что кричу.

Она кивает и осторожно проходит мимо меня, словно ожидая, что я в любую минуту схвачу её и прижму к стене. Как только она добирается до двери, то пускается в бег.

Я выдыхаю, опустив взгляд в пол. Если она на самом деле уйдёт, то умрёт.

Глава 24.

ВИКТОРИЯ

Уйти. Одно слово, а имеет такое большое значение. Свобода, побег, освобождение. Его глаза впиваются в меня, предлагая уйти.

Развернувшись на пятках, я выхожу за дверь, не оглядываясь. Я ускоряю темп, когда поднимаюсь по лестнице и бегу по коридору к входной двери. Я быстро открываю её, наполовину ожидая, что вооружённые охранники могут появиться в любую секунду. Ничего. Я наблюдаю за горстью опавших листьев, которые ветер гоняет вдоль дороги.

Спрыгиваю со ступенек и бегу, чувствуя, как гравий хрустит под моими ногами.

Я достигаю линии деревьев и продолжаю бежать. Бегу пока не понимаю, что не знаю, куда бежать. Остановившись на поляне, я пытаюсь поймать ртом воздух, чтобы перевести дыхание, моя грудь вздымается. Свобода у меня в руках, но зачем она мне, если мне некуда идти. Вы можете выпустить птицу из клетки, но если вы подрезали ей крылья, то её свобода является лишь каплей ложной доброты.

У меня ничего нет. Я верю Джуду, когда он говорит, что Джо убьёт меня. Человек, который убил семью Джуда и спровоцировал его гнев, не может быть нормальным, поэтому я не хочу попасться в эти лапы.

Я могла бы пойти в полицию и рассказать о том, что я не умерла, но в ту же секунду Джо узнает, что я жива, и тогда это будет только вопросом времени.

Я могла бы сбежать, но у меня нет ни денег, ни друзей, которые бы мне помогли. Я совершенно одна и чувствую себя такой одинокой, какой не чувствовала никогда в жизни. Одно дело быть одинокой, но совсем другое быть ходячей мёртвой девушкой. Я больше не существую. Меня не существует за пределами собственности Джуда. Джуд и Кaleb — единственные, кто у меня остался. Разве не драматично звучит?

Слёзы текут по моим щекам, когда я понимаю, в какой бардак на самом деле

превратилось моё существование. Моя прежняя жизнь кажется далёкой мечтой, сном, который можно едва вспомнить, и нет никакого способа вернуться к нему обратно.

Если я убегу сейчас, то вероятно, умру.

Я на секунду прислоняюсь к ближайшему дереву, слушая счастливое пение птиц на ветках. Помню, когда я была ребёнком, то всегда рано утром прокрадывалась к маме в кровать, и она говорила мне, чтобы я прислушалась к пению птиц. Я всегда воспринимала этот звук как само собой разумеющееся, но теперь не припомню, когда в последний раз останавливалась и слушала его. Иногда самые крошечные вещи в жизни заставляют тебя жить. Она хотела, чтобы я жила. Хотела, чтобы я сделала лучший выбор для своего выживания, потому что когда всё это закончится — а я должна верить в то, что это закончится — жизнь будет продолжаться.

Джуд — мой единственный вариант, потому что он защитит меня от Джо. По какой-то причине, я доверяю ему и верю во всё, что он делает и говорит. Если он говорит, что защитит меня, я знаю, что он выполнит это. У него нет причин лгать мне, и всё, что он сделал, он сделал из-за Джо. Джо отнял у меня всё и разрушил семью Джуда. В некотором смысле, нас объединил наш общий враг.

Мне нужна защита Джуда, но это только на данный момент, не навсегда.

Развернувшись, я иду обратно к дому. Топая через подлесок, уже представляю себе самодовольное выражение его лица.

Выйдя из посадки, я смотрю на фасад дома. Дома, который был моей тюрьмой последние две недели.

На крыльце находится длинная фигуру, и густой клуб дыма, который подхватывает бриз, витает вокруг её лица

Когда я подхожу к крыльцу, Джуд смотрит на меня, делая ещё одну затяжку сигаретой.

— Я... — я не знаю, что сказать. — Я не могу... мне некуда... — я давлюсь всхлипом, и слёзы наворачиваются на глаза.

Сделав ещё одну затяжку, он резким движением бросает сигарету на землю.

— Хммм, — он прижимает руки ко рту, поглаживая щетину пальцами, и смотрит на меня. — Ты не можешь что?

— Я не могу уйти, — тихо отвечаю я.

Он тяжело вздыхает.

— Так не уходи, — он прищуривает глаза, глядя на меня, и встаёт.

Опустив взгляд, я киваю больше себе, чем ему.

Поднявшись со своего места, он шагает в мою сторону.

— Ты можешь чертовски ненавидеть меня, — он протягивает руку и накрывает мою щёку, — но я *защиту* тебя от этого ублюдка, — он делает паузу и глубоко вздыхает. — До тех пор, пока ты будешь хотеть этого. Я обязан тебе.

Я взрываюсь слезами. Боже, я такая плакса. Джуд смотрит на меня, и ему явно не по себе, затем он подходит ко мне и обнимает. Замерев на мгновение, он опускается на ступеньку, притягивает меня к себе на колени, как ребёнка, и прижимает к своей огромной груди. Его присутствие заставляет меня чувствовать себя безопаснее, чем когда-либо.

ДЖУД

Я сижу с Тор, я не знаю, что, чёрт возьми, делать. Я пытаюсь отстраниться от неё, но она впивается пальцами в мою рубашку, прижимаясь ещё ближе.

Я знаю, как она чувствует себя в этот момент. Всё, что у неё было, разрушили и забрали. Именно так я себя чувствовал, когда убили мою маму и сестру. Это чувство беспомощности, ну а то, что съедает меня больше всего, это то, что я всё равно сделал это с ней, хоть и не намеревался. Я тяжело вздыхаю. Я не могу бросить её, и позволить жизни издеваться над ней так, как она поиздевалась надо мной. Её тело бьётся в конвульсиях, пока она оплакивает свою потерю. Прямо сейчас я не знаю, что ей сказать. Я не знаю, как ей помочь, и это меня бесит. Я — тот человек, который разрушил её, и ненавижу себя за это. Вздохнув, я вожу рукой по её густым волосам.

— Мне очень жаль, Тор, но я должен был это сделать, — шепчу я в её волосы, зарываясь пальцами в спутанные пряди.

Без предупреждения она прижимается лицом к моему плечу. Чувствую слёзы на моей коже и её бьющееся сердце напротив моей груди. Она цепляется за человека, который отнял у неё всё, потому что я — всё, что она имеет, и это просто чертовски трагично. Она сжимает пальцами мои плечи, пока громкие всхлипывая вырываются из неё. Я обнимаю её и прячу своё лицо в её волосах, обхватывая руками затылок. Знаю, это должно быть ошибкой, потому что так оно есть — это привносит совершенно новый смысл термину «облажаться», но часть этого ощущается слишком правильно. Рядом со мной она чувствует себя на своём месте, и зная, что это опасно, я ничего не могу поделать с собой. Я полностью отдаюсь этому чувству, теряя над собой контроль.

— Я сделал это ради тебя, — шепчу я ей на ушко.

Что, чёрт побери, она делает со мной?

Мы сидим так, кажется, несколько часов. Я действительно не знаю, смирится ли она когда-нибудь с тем фактом, что всё потеряла, но, если бы мне дали шанс всё исправить, я бы сделал всё так же.

Глава 26.

ВИКТОРИЯ

Я цепляюсь за Джуда, чувствуя, что если не сделаю этого, то снова сорвусь вниз с воображаемого утёса, на краю которого отчаянно пытаюсь удержаться. Ничего из этого не является правильным или справедливым. Я просто хочу, чтобы всё было, как раньше. Мне хочется стереть последнюю пару недель из своей памяти.

Я не могу представить, как моя сестра хоронит тело какой-то бедной девочки, чья семья даже никогда не узнает, что она мертва. Жизнь настолько хрупкая вещь. Всё может измениться в одно мгновение.

Джуд крепко держит меня, и всё в нём говорит о силе и мощи, но он касается меня так нежно и трепетно. Я отодвигаюсь от его шеи, подавляя и пытаюсь унять свои слёзы. Но как только его взгляд встречается с моим, я даже не могу вспомнить ни одной сраной причины, почему должна оттолкнуть его.

Мне хочется ненавидеть его. Это место сломало меня и спустило с привязи те ужасы, о которых я могла только представлять в своих самых страшных кошмарах. Однако после всех

этих кошмаров в момент, когда я сломалась и хотела сдаться, он заставил меня бороться. Он заставил меня взять контроль в свои руки. Возможно, за это время я испортилась, но лучше быть испорченной выжившей, чем жертвой.

То, что не убивает, делает нас сильнее, и иногда жизнь играет нечестно. Ты должен бороться, чтобы выжить, а это именно то, что я делаю. Я борюсь и становлюсь той, кем должна быть, чтобы выжить в этом, и эта девушка хочет мести, жаждет крови, а Джуд является воплощением и одного, и второго.

— Джо должен заплатить за то, что он сделал, — слышу я свой тихий голос.

— Он заплатит, — он кивает головой и гладит пальцем мою щеку, а лёгкая улыбка касается его губ. — Я обещаю.

Я киваю, зная, если Джуд даёт обещание, то он его выполнит, особенно, когда речь заходит об убийстве.

— Ты убил Эвана? — шепчу я.

— Ты бы предпочла, чтобы я был убийцей или лжецом? — небрежно пожав плечами, он смотрит на часы. — Он не был мёртв, когда я уходил, но, уверен, сейчас он мёртв, — его голос не передает совершенно никаких чувств.

— Хорошо.

Я ненавижу Эвана за то, что он сделал со мной. Я считаю парадоксальным то, что человек, который должен был любить меня, отдал меня преступникам, не раздумывая. Как бы дико это не звучало, но на данном этапе я думаю, что Джуд — единственный человек, которому я не безразлична.

Жизнь может так круто перевернуться. Всё не всегда выглядит таким, каким кажется.

Моё сердце стучит под рёбрами, как сумасшедшее, а адреналин устремляется по венам. Сильная рука сдавливает моё горло, прижимая меня к жёсткой твёрдой земле.

Руки бродят по моему обнажённому телу, оскверняя во всех смыслах. Слезы катятся по вискам, и с моих уст срывается рваный крик.

Я не могу разглядеть лицо нападавшего, и поворачиваю голову в сторону, инстинктивно выискивая его. Я точно знаю, где он будет, потому что это то место, где он всегда есть. Он стоит, наблюдая за мной, но не делает никаких движений, чтобы помочь мне.

Он так прекрасен, как ангел смерти без какого-либо милосердия или капли доброты. Его зелёные глаза встречаются с моими.

— Джуд! — кричу я ему, умоляя помочь мне.

Его губы растягиваются в жестокой улыбке, и я чувствую пронзающую боль в груди. Я кричу, и боль усиливается, устремляясь от моей груди к животу. Всё, что я могу слышать — это глубокий грохот его смеха, сопровождающийся злобой в ответ на мои мучительные крики.

Вскрикнув, я внезапно просыпаюсь и сажусь, рьяно пытаюсь наполнить лёгкие воздухом. Руки дрожат, когда я провожу ими по волосам, и наклоняюсь вперёд, притягивая колени к груди. Я сосредотачиваюсь на дыхании, глубокий вдох и выдох.

Слышу шаги снаружи комнаты. Дверь скрипит, и небольшой лучик света из коридора разрушает темноту. Я вижу в дверях Джуда.

Безмолвно выскользнув из кровати, я иду в ванную. Закрываю за собой дверь и спешу к туалету, потому что желчь поднимается вверх по моему горлу. Клянусь, в этот момент я ощущаю руки Боба на себе и его прогорклое дыхание на моём лице. Слезы текут по моему лицу, пока я бесконтрольно трясусь. Прижав руку ко рту, я пытаюсь заглушить громкие рыдания. Ненавижу, какой жалкой я стала. Я прекращаю ныть и прислоняюсь спиной к стене ванной.

Слышу щелчок двери, и когда поднимаю голову вверх, то вижу Джуда, опёршегося на дверную раму.

— Я в порядке, — машу я ему.

Вздохнув, он скрещивает руки на своей оголённой груди.

— Ну да, уверен, кричать во сне — это в порядке вещей, — бубнит он.

Я смотрю на него. На его узких бёдрах свободная пара спортивных штанов, а волосы в полном беспорядке, словно он только что встал с постели. Даже не знаю, где он спал. Он просто начал спать где-то в другом месте... *после всего, что было*. Он входит внутрь и приседает на корточки передо мной.

— Давай. Вставай.

Нахмутив брови, он хватается меня за руку и помогает подняться, затем кладёт ладонь мне на спину и ведёт к кровати. Я натягиваю одеяло по шею, а Джуд садится на край кровати.

— Ты в порядке? — спрашивает он, не глядя на меня.

Могу смело заявить, что вся эта ситуация ставит его в неудобное положение, ведь он не привык заботиться ни о ком другом. Думаю, его и сейчас всё это не волнует, это просто из-за чувства обязанности. Он поворачивается ко мне лицом и изучает меня взглядом в тусклом освещении, исходящем от ванной.

Перевернувшись на спину, я пялюсь в потолок. Чувствую, как его взгляд прожигает дыру в моей щеке.

— Ага, — хриплю я. — Просто плохой сон.

Уголком глаза я вижу, как он кивает. Он собирается встать, и не знаю почему, но я начинаю паниковать. Дотянувшись до него, я хватаюсь пальцами за его крепкое предплечье. Он поворачивается через плечо и смотрит на меня.

— Подожди. Не уходи, — шепчу я.

Он проводит рукой по груди, изучая меня несколько секунд. Кивнув, он садится на край кровати и смотрит в пол. Мысль о том, что я останусь тут одна, уже навивает невыносимую панику.

— Просто... останься тут.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я наблюдаю за ним в темноте. Поморщив лоб, он вздыхает и откидывается на спинку кровати. Он остаётся здесь, не говорит ни слова и пялится на меня, кажется, вечность. Я чувствую себя в безопасности с ним. И как всё могло так получиться? В конце концов, он ложится на бок, подперев голову одной рукой, и смотрит на меня сверху вниз.

Закрыв глаза, я ощущаю истощение. Я так устала. Устала от постоянной внутренней войны, которую веду сама с собой, где старая Рия борется за сохранность того кусочка человека, которым она раньше обладала.

Он нежно проводит пальцем по моей щеке.

— Ты *намного* сильнее, чем это.

Я поворачиваю голову и смотрю на него, едва различая черты его лица.

— А что, если нет? — мой голос надламывается.

Он прищуривает глаза, и они немного поблескивают.

— Ты именно такая.

Чувствую его пальцы на своих и по какой-то причине хватаюсь за него... *Тянусь* к нему.

Он переплетает свои пальцы с моими. Это такой невинный жест, и я замираю на мгновение, ожидая продолжения. Он поглаживает пальцем мою руку, и к моему удивлению, это чувство снимает часть напряжённости.

— Если бы я мог вернуть время назад, я бы сделал это, — его голос такой тихий, что я даже не уверена, правильно ли его расслышала.

— Я знаю, — шепчу я в темноту, и он крепче сжимает мою руку.

— Засыпай, Тор.

Я засыпаю, а наши руки по-прежнему переплетены, и в первый раз с того дня, когда меня вырвали из моей собственной жизни, я не закрываю глаза с образом ножей и больных натянутых улыбок.

Проснувшись утром, я понимаю, что моё лицо прижимается к чему-то твёрдому и горячему. Я поднимаю голову и смотрю на оголённую грудь Джуда — очень мускулистую и такую мужественную. *Дерьмо*. Я пытаюсь медленно выскользнуть из-под него, но он обхватил мою талию рукой. Когда я пробую выбраться, он стонет и ужесточает хватку, властно прижимая меня к себе.

Окинув взглядом его тело, я не могу не заметить выпуклость на его штанах. Моё бедро в нескольких сантиметрах от его опасной зоны. О, мой Бог. Я окутала его, словно чёртова лоза. Распутная лоза. Чувствую, как моё лицо начинает гореть, словно печь, и я пытаюсь медленно убрать с него ногу. Его член дёргается и, застонав, Джуд переворачивается, сгибает колено и вжимается бедром между моих ног. Закрыв глаза, я пытаюсь контролировать свой учащённый пульс. Он снова шевелится, но на этот раз полностью прижимается ко мне *везде и всюду*. Моё тело загорается, как чёртов светфор.

Он проводит рукой по своей груди, а затем вдоль моего лица и запускает пальцы в мои волосы. Часть меня мгновенно тянется к нему, словно у него есть власть надо мной. Это первобытная реакция. Мои гормоны затмевают рациональное мышление. По крайней мере, я убеждаю себя в этом. Ага, это так.

Он так близко ко мне, и его тело, словно открытое пламя. Мне жарко. Я снова пытаюсь пошевелиться, но, чёрт возьми, он сильный. В конечном итоге, я тычу по его рёбрам. Он ворчит и шевелится подо мной. Мне просто нужно отделить своё тело от его как можно скорее.

Глава 27.

ДЖУД

Понемногу начинаю фокусировать взгляд. Щурясь от яркого солнечного света, пробивающегося через окно, я понимаю, что мои пальцы запутаны в волосах. Тёплое тело Тор мёртвой хваткой цепляется за моё. Её ноги обвиты вокруг меня, а укрытая кружевом

киска прижимается к моему бедру. *Чёрт!* Я стискиваю зубы, стараясь думать о чём-нибудь другом, но приток крови уже хлынул в мой член, сделав его чертовски твёрдым и вызвав сильную боль.

Она шевелится, пытаюсь отстраниться от меня, но это не помогает, так как при каждом движении она трётся о мою кожу. Некоторые части её тела, которые вроде не должны касаться меня, сейчас полностью на мне — тёплые и твёрдые. Я прижимаю пальцы к мягкой коже на её шее. Когда ослабляю хватку, она прижимает свою ладонь к моей груди и отталкивается, пытаюсь приподняться. Её лицо краснеет, а глаза округляются — взгляд, которому мне тяжело сопротивляться, и я сдерживаю стон.

Мне нужно выбираться отсюда, прежде чем я сделаю что-то слишком глупое, например, трахну её всеми возможными способами. Она подсакивает, отводя от меня взгляд, и её смущение написано на лице.

Я хватаю одеяло и накрываю им свои бёдра, пытаюсь скрыть бушующую эрекцию, стремящуюся освободиться из моих боксёров.

— Хорошо спалось? — спрашиваю я, пытаюсь сгладить этот неловкий момент, но мои слова не спасают это положение.

Она кивает головой, но молчит.

— Хорошо.

Спрыгнув с кровати, я плетусь в ванную и смотрю на туалет. Как, чёрт побери, я схожу в туалет с таким стояком? Я иду к душу, толкаю дверь и писаю прямо туда, пытаюсь успокоить свой член. Вернувшись в комнату, я нахожу её лежащей в постели. Она смотрит, словно находится в ужасе. Я скольжу по её телу взглядом, не в силах оторваться от идеальных маленьких бусинок под тонкой хлопковой рубашкой. Это полный пиздец! Она возбуждает меня, а я возбуждаю её. Сколько ещё моя жизнь будет переворачиваться и идти под откос? Заметив, что я смотрю на неё, она быстро натягивает одеяло на грудь и фыркает.

Её бледное лицо становится сексуального розового оттенка.

Я пробегаю рукой по своей голой груди, постукивая пальцами по мышцам. Её взгляд следует за моей рукой, и она с трудом сглатывает перед тем, как закрыть глаза. Сейчас нет никаких причин скрывать тот факт, что я просто пялюсь на неё.

— Прости. У меня чертовски блядский член, тебе ведь известно это? — пожимая плечами, я посылаю ей дерзкую усмешку. У неё ещё больше краснеют щёки, и она опускает подбородок, глядя на одеяло.

Следует неловкое молчание. Что, чёрт побери, мне с ней делать? Она не принадлежит этому хреновому дерьму, которым я называю свою жизнь. Что, чёрт возьми, она собирается делать дальше? Остаться в этом доме на всю оставшуюся жизнь? Какого чёрта я здесь делаю? Спать с ней, перекидываться короткими фразами... просто убивает меня. Меня не готовили для присмотра за женщиной. Это чуждо мне. Мне что, просто таскать её с собой, куда бы ни пошёл? *Дерьмо.* Из-за всех этих чёртовых вопросов у меня болит голова.

Кто-то должен что-то сказать. Прищурившись, я смотрю на неё.

— Мне нужно сегодня вечером кое-что проверить, и я, чёрт побери, не оставлю тебя здесь.

— Я не горю желанием убивать с тобой людей, — ворчит она.

— Я не оставлю тебя здесь с другими парнями, так что у тебя на самом деле нет выбора.

Я открываю пассажирскую дверь, но поток прохладного ветра захлопывает её обратно до того, как ей удаётся выбраться. Она выглядит сбитой с толку, словно находится на улице впервые, и думаю, что в каком-то смысле, так и есть. Ведь с тех пор, как её привезли, она впервые вышла за пределы моей собственности. Только ей не придётся справляться со всем в одиночку.

Схватив её за руку, я сжимаю её, напоминая о том, насколько я серьёзен.

— Как я уже говорил, если кто-то спросит, то ты у тебя свидание.

— Ага, — она разглаживает свою рубашку. — Отлично!

Мы идём по тёмной стоянке, и под моими ботинками хрустит гравий. Свет от надписи мерцает. Отбросив волосы с лица, Тор поднимает взгляд.

— Сраный стрип-клуб? *Это* то место, куда ты водишь девушек на свидания? Ого, да ты классик.

— Ты даже не представляешь насколько, — обняв её за талию, я притягиваю к себе, и она стреляет в меня недовольным взглядом. — Ну, должно же всё выглядеть правдоподобно, — отвечаю я, пожимая плечами.

Накачанный вышибала у входной двери кивает головой, заметив нас.

— Джей-Пи, сколько лет, сколько зим, — его взгляд пробегается по Тор, и ухмылка появляется на его губах. — Как у тебя получается всегда приводить с собой привлекательную женщину? — говорит он, понизив голос, и наклоняется к ней. Я плююсь на него, властно притянув её к себе. — Разве ты не знаешь, какой он кусок дерьма? — хихикает он.

Она симулирует смех.

— Я каждый раз ему говорю, какой он засранец.

— И голос тоже сексуальный, — стонет он, и его взгляд оценивающе блуждает по ней.

Я подталкиваю её, и мы погружаемся в гул танцевальной музыки. Полуголые женщины крутятся вокруг шестов, а мужчины свистят и кричат. Я провожу её мимо группы ожиревших мужчин среднего возраста, собравшихся вокруг одной из кабинок, которая размещена около коридора и ведёт к раздевалкам. Я открываю дверь, и Тор дёргает назад мою руку.

— Проходи, — говорю я, затаскивая её в комнату и закрывая за ней дверь.

Группа полуголых девушек прихорашивается перед зеркалами и смотрит на нас. Каждая из них впивается взглядом в Тор, изучая её, затем устремляет свой взор на меня и улыбается.

— Я хочу, чтобы вы за ней присмотрели, — говорю я, шагая в сторону двери.

Джинджер отбрасывает свои светлые волосы с плеча.

— Что за...

Я поднимаю бровь.

— Просто присмотри за ней.

Пожав плечами, Джинджер постукивает кисточкой по ладони и отводит бедро в сторону.

— Я вернусь через несколько минут, — бросаю я, выходя в клуб, затем занимаю место напротив сцены, откидываюсь назад и смотрю на часы. Огни мерцают, когда одна из танцовщиц с важным видом выходит на сцену, замечая меня и подмигивая.

Когда девушки начинают выходить на сцену одна за другой, я постоянно поглядываю на

часы. Ублюдок, с которым я должен встретиться, опаздывает на тридцать минут, и с каждой новой минутой я становлюсь всё злее.

Когда песня подходит к концу, я чувствую хватку на плече и оборачиваюсь, видя одного из вышибал клуба.

— Парень здесь, за баром, — указывает он. — В красной рубашке.

Разворачиваюсь и замечаю человека, с которым должен встретиться. Он прислоняется к барной стойке, нервно постукивая ногой. Он худой, одет в рубашку для гольфа и брюки. Вид у него такой, словно он грёбанный бурильный инструмент. Выдохнув, я встаю и расправляю плечи, затем начинаю проталкиваться через толпу и останавливаюсь позади него. Должно быть, он ощущает моё присутствие и медленно поворачивается в мою сторону, запрокидывая голову вверх, чтобы посмотреть на меня.

— Э-э... я, я... — он заикается и сглатывает. — Джей-Пи?

— Ага, — чувствую, как моя челюсть подёргивается.

— Я — Большой Парень...

Покачав головой, я сердито смотрю на него.

— Никогда не называй имя, которой использовал в ставке, придурок.

У него округляются глаза, и он быстро кивает.

— Да, извини.

Я кладу руку на его плечо, я сжимаю его сильнее, чем следует.

— Мои деньги у тебя?

Он лезет в карман и достаёт конверт. Я сажусь на барный стул и притягиваю к себе конверт. Открыв его, я вытряхиваю наличку на стол. Глаза мужчины чуть ли не вылезают из орбит, и он начинает нервно оглядываться вокруг бара, словно ожидая появления спецназа в любую секунду.

— Расслабься, — протягиваю я, раскладывая деньги, затем начинаю их пересчитывать. Я обращаю свой взгляд к нему. — Ещё раз так будешь водить меня за нос и заставлять ждать мои же деньги, я оторву твои чёртовы яйца. Уяснил?

Он кивает, осторожно отступая от бара.

— И в следующий раз даже не вздумай опаздывать на встречу со мной, — я по-прежнему смотрю на него, затем достаю сигарету из кармана и подкуриваю её. — Это чертовски грубо, — рычу я, пропуская дым меж губами, а парень просто стоит на месте и смотрит на меня, словно я — грёбанный Волшебник из страны Оз. — А теперь пошёл вон! — прогоняю я его, и он разворачивается, чтобы уйти.

Зажимая сигарету между своими губами, я бормочу:

— Тупица.

Я собираю деньги, поглядывая на сцену и наблюдая за одной из девушек, которая вращается вокруг шеста. Я достаю кошелёк из кармана. Сделав ещё одну затяжку, я запикиваю деньги внутрь и направляюсь в сторону раздевалки.

Я почти поднёс сигарету к губам, когда открываю дверь, и тут же замираю на месте. Тор, развалившись на диване и с пьяной усмешкой на лице. Её ноги закинута на спинку, а в руке она сжимает бутылку текилы. Она смотрит на меня и закатывает глаза, отмахиваясь руками.

— Придурок, придурок, приду-у-у-рок!

Глубоко вздохнув, я выгибаю бровь.

— Серьёзно? — спрашиваю я, подойдя к ней, и забираю бутылку. — Кто, блядь, дал ей

спиртное? — я осуждающе окидываю комнату взглядом, но девушки только посмеиваются. Я опускаю сигарету в пустой стакан и покачиваю головой.

Одна из них пожимает плечами.

— Коко подумала, что будет интересно посмотреть на пьяную британскую цыпочку.

Хлопнув ладонью по лбу, я стону.

— Чёрт побери.

— Ты должен улучшить свой словарный запас, — неразборчиво говорит Тор. — Ты всегда говоришь, «чёрт возьми это», «чёрт побери то». Такой злока, — качает она головой.

Коко проходит мимо меня, покачивая своими бёдрами, и улыбается.

— Прикольная девочка. Она мне нравится. В ней ей дерзость, — говорит она, выходя из комнаты.

Тор усмехается. Это будет ещё та чёртова головная боль.

— Супер. Давай, пора уходить.

Шатаясь и спотыкаясь, она отталкивает меня подальше.

— Не-е-е-е!

Она что, чёрт возьми, пытается сбежать? Чёрт бы её побрал.

Я вздыхаю, готовясь перебросить её через плечо и утащить её пьяную задницу, когда диктор объявляет в колонки:

— И, пожалуйста, поприветствуем на сцене прекрасную мисс Коко Шанель.

Тор вскакивает и визжит:

— О, я обещала Коко, что посмотрю её танец. Мне нужно немного денег, чтобы положить в её *трусики*, — она несётся к двери, и выбегая из комнаты, врезается плечом в дверную раму.

— Что за... — я иду за ней, качая головой.

Она несётся в сторону сцены и шлёпается на пустое место. Тор пристально смотрит по сторонам, а затем её взгляд находит меня. Парень возле нас поворачивается, пробегает взглядом по её телу, подмигивая ей. Он нагло раздевает её глазами. Она же в ответ хмурится, глядя на него.

— Хорошо, теперь пошли.

Я тянусь, чтобы схватить её за руку, но она отдёргивает её и закатывает глаза.

— Не могу поверить, что я пытаюсь убедить *тебя* выпить и посмотреть стриптиз.

— Хорошо, — пожимая плечами, я занимаю место в кресле рядом с ней.

Парень таращится на неё после её слов.

— Эй, детка, ты собираешься пойти туда и показать этим девушкам, как это делается? — нечленораздельно произносит он, покачиваясь в своём кресле.

Тор нервно смеётся и придвигает свой стул ближе ко мне, но парень продолжает наблюдать. Он встаёт, и она тут же подскакивает, падая мне на колени. Я хмурюсь и наклоняю голову, чтобы посмотреть на неё.

— Прости?

Близко наклонившись ко мне, она упирается своими руками в мою грудь. Запах текилы почти отправляет меня в нокаут прямо на стуле.

— Этот парень какой-то жуткий, — шепчет она, касаясь своим дыханием моей шеи. Тот факт, что теперь я являюсь её безопасным уголком, превращается в полный пиздец. Я смещаю её у себя на коленях.

Переместив руку на её ногу, я смотрю на парня, и его взгляд медленно возвращается к

сцене. Она смотрит на мою руку.

— Можешь убрать свою руку с меня?

— Расслабься, Тор, — я наклоняюсь к её уху. — Ты бросилась сюда, поэтому не вини парня за преимущество. Я обещаю не кусаться, — шепчу я, дразня, и перемещаю свою руку на её бедро. — Постарайся расслабиться, может быть, даже получишь удовольствие.

Она смотрит на мою руку на своей ноге.

— Я чертовски уверена, что-то подобное тебе скажет дьявол, когда будет приглашать в ад, — фыркает она, и смотрит на парня, который продолжает пялиться на неё. — И для галочки, я решила сесть на тебя только чтобы меня не изнасиловали.

Улыбнувшись, я убираю её волосы в сторону.

— Ну, по крайней мере, ты хоть думаешь, что я не буду этого делать.

Я наблюдаю за ней, пока легкомысленный визг не пронзает меня.

— Джей-Пи!

Повернувшись, я утыкаюсь взглядом в парочку сосков, просящих внимания.

— Ты обычно надолго не задерживаешься здесь, если не по делам. Из-за этого все девушки грустят, — Тара наклоняется и целует меня в щёку, изучая взглядом Тор. — Это твоя новая девочка?

— Не совсем, — я наклоняю голову и ловлю Тор на том, как она закатывает глаза.

— Ох, Кристалл будет *так* зла на тебя! — Тара хлопает своими искусственными ресницами. — Хотите что-то выпить?

Тор икает, и я вздыхаю. Она напилась до чёртиков, и мне *придётся* немного выпить для того, чтобы вытерпеть тридцатиминутную дорогу домой с ней.

— Налей виски, хорошо?

Кивнув, Тара уходит к бару. Тор пристально смотрит на меня, скрестив руки на груди.

— А мне выпивку?

Я вздёргиваю бровь.

— Ты уже оприходовала бутылку. Больше тебе не нужно, иначе тебя просто вырвет.

— Мне недостаточно, — ворчит она. — Недостаточно для того, чтобы справиться с этой чёртовой дырой.

Тор что-то бубнит, когда Тара наклоняется с подносом с напитками, окидывая её взглядом с головы до ног.

— Скажи Калебу, чтобы позвонил мне, хорошо? — говорит Тара.

— Ага, конечно.

Покачивая своей задницей, она уходит прочь к мужчине с горсткой денег.

— О, чёртов ад, нет! Только не Калёб, — Тор качает головой. — Пожалуйста, скажи мне, что он не суёт свой член в это противное дерьмо.

Я смеюсь, сжимая её бедро, и перевожу взгляд к девушке на сцене.

— Ой, да прекрати. Все мужчины трахают стриптизёрш.

— Азартные игры, убийства и шлюхи. Полна коробочка, я полагаю.

Я устремляю свой взгляд на неё.

— Ты ожидала от меня чего-то меньшего?

Пожав плечами, она убирает мою руку со своей ноги и перекладывает её на подлокотник кресла.

— Мои ожидания насчёт тебя абсолютно мизерны, Джуд.

Разве это не грёбаная правда?

— Ну, — я выгибаю бровь, — и как же *ад* к тебе относится?

— У ада есть текила. Могло быть и хуже, — она пожимает плечами и целует меня в щёку, словно чёртову собаку. — Ты — засранец, но на самом деле, красивый засранец, — протягивает она, и запах текилы ударяет мне в лицо.

Святое дерьмо. Она же пьяна в стельку.

Глава 28.

ВИКТОРИЯ

— Ты пьяна.

Засмеявшись, я запрокидываю голову.

— Дерьмо, мне каждый раз нужно напиться, когда ты рядом. Чёрт, кто-то должен подключить меня к чёртовой капельнице. И сделать так, чтоб я постоянно чувствовала себя подобным образом.

Прислонившись к спинке кресла, он проводит пальцами по коротким волосам и вздыхает.

— Чёрт. У меня такое ощущение, что пьяная ты ещё больше раздражаешь, чем трезвая.

— Не-а, — я растягиваю букву «а» в конце, что заставляет его почти снисходительно посмотреть на меня прищуренным взглядом. — Пьяная Рия гораздо терпеливее переносит *тебя*.

Я пытаюсь сосредоточиться на хмуром выражении его лица, но моё зрение по-прежнему размыто. Чёрт, во мне злости больше, чем в сове в носках. Не самая яркая моя идея.

— Давай посмотрим, как долго пьяная *Тор* продержится до того, как её стошнит, — ублюдонок ухмыляется, пристально глядя на меня поверх своего стакана.

Официантка, если её можно так назвать, ходит туда-сюда и останавливается позади нас. Она отбрасывает назад свои выцветшие волосы и покачивает бёдрами. Не могу ничего с собой поделать, поэтому смотрю на её сиськи. Они больше, чем моя чёртова голова. Потрогав свою голову рукой, я сравниваю размер. Джуд удивлённо смотрит на меня. Я передразниваю его, кривляясь: «*Что?*»

— Хочешь ещё выпить, Джей-Пи? — спрашивает она.

— Да! — кричу я в то время, пока Джуд рычит «нет». Я тычу ему в лицо средний палец, улыбаясь официантке. — Текилу!

Раздражённо застонав, он проводит обеими руками по лицу. Клянусь Богом, он рычит как настоящий зверь. Официантка несётся прочь, а поддельные сиськи подпрыгивают при каждом её шаге. Я не осуждаю её, ведь натуральность здесь не является лучшей компанией.

Он тычет в меня пальцем.

— *Тебе* не нужен ещё один чёртов напиток, женщина. Ты уже и так в стельку пьяная!

— Я всё ещё могу видеть и слышать тебя, а это значит, что мне недостаточно, — улыбаюсь я, переворачивая свой пустой стакан.

— Ох, — покачав головой, он выгибает одну бровь, и я не могу сказать, зол он или пытается бросить мне вызов. — Ты хочешь напиться? Значит, напьёшься, — и ловит проходящую мимо официантку. — Шесть шотов текилы.

Я наблюдаю за официанткой, которая кивает и уходит прочь.

— Наконец-то, чёрт возьми, — растягиваю я слова. — Ты такой... придиричивый всё время.

Я ловлю застывший оскал на его губах.

— Хмм, — смеётся он. — Просто я не знаю, как быть другим, куколка.

Два часа и хрен знает сколько шотов спустя, я такая пьяная, что даже экстраординарный придурак здесь не кажется таким уж и плохим, а вообще-то, он выглядит довольно горячо. Я искоса смотрю на его выпирающие бицепсы, и чернила его татуировок возносят его на новый уровень сексуального подонка.

— А ты и вправду крепыш, — невнятно произношу я, повиснув на руке Джуда. По-видимому, мы уезжаем, но это медленный прогресс. Я не чувствую ног... или лица... или хоть чего-то, на самом деле. Я тупо онемела, и всё кажется таким чудесным.

— Крепыш? — он смотрит на меня, увлекая к двери. — Ты хоть по-английски сейчас говоришь?

— Накачанный. Очень, — я щупаю его руку. — Ты такой милашка.

Он так красив, и мне хочется коснуться его. Я тянусь, чтобы погладить его по лицу.

— Всё с тобой понятно, — он отдёргивает голову. — Я не долбаная собака, — говорит он, а потом умудряется врезаться в стену.

Я смеюсь и указываю на него.

— Ты, безусловно, собака... и крыса. Пьяная крыса.

О чём я вообще говорю?

Он прислоняется к стене и что-то бормочет, доставая телефон из кармана.

— Чёрт, я не могу вести машину, — он возится с телефоном и роняет его на пол вестибюля. — Дерьмо.

Нагнувшись, я поднимаю его и падаю на попку. Я щурюсь от яркого света экрана, пытаюсь сосредоточить свой взгляд.

— Я не вижу! Блядь!

Посмотрев на меня, он прищуривается.

— Твой голос... — стонет он, забирая телефон из моих рук и помещая его к своему уху.

— Эй, мне нужно, чтобы ты меня забрал, — следует небольшая пауза. — Просто приезжай и забери меня. Я в стрип-клубе, — издав стон, он засовывает свой телефон обратно в карман, качает головой и оглядывается вокруг. — Ты не можешь распластаться на полу моего клуба, — он поднимает меня и перебрасывает через плечо. — Тебе нужно на свежий воздух, — он несёт меня к двери на стоянку.

— Джуд!

Я изо всех сил стараюсь выбраться, но едва ли могу пошевелить рукой. Воздух прохладный, но я не могу почувствовать его, так как я в своём алко-пиджаке. Я прикрываю один глаз, чтобы нормально видеть. Мы уходим глубже в тень, и клуб всё больше отдаляется. С каждым шагом у него учащается дыхание, и он сильнее сжимает моё бедро, останавливаясь в тени дерева. Я ничего не вижу, и мне приходится прищуриться от тусклого освещения клуба. Мы достаточно далеко, поэтому нас никто не услышит и не увидит.

Он ставит меня на ноги, и моё тело скользит по каждому его дюйму. Я слегка

покачиваюсь, и он обнимает меня, притягивая к себе, но ничего не говорит. Складывается ощущение, словно проходит вечность. Его туманные зелёные глаза встречаются с моими в тусклом освещении автостоянки. Он медленно продвигает руку и проскальзывает пальцами под мою кофту, прикасаясь к разгорячённой коже моей спины. Мурашки пробегают по мне от его прикосновения, и меня тянет к нему, как мотылька на яркое и довольно привлекательное пламя. *Что за чёрт? Я хмурюсь, пытаюсь осмыслить всё через затуманенный текилой разум. Что я здесь делаю? Как это произошло? Дерьмо. Сколько я выпила?* Знаете, наверное, достаточно много, чтобы этот чертовски убийственный психопат начал выглядеть столь привлекательно. *Ну, технически он мой защитник в настоящее время. Это ведь хорошо, да? Да чёрт его знает.* Мой пьяный разум не может решить эту проблему прямо сейчас.

Наклонившись вперёд, он касается губами мочки моего уха и говорит:

— Я практически могу слышать, о чём ты думаешь, Тор.

Он дотрагивается указательным пальцем до моего лба, пытаюсь разглядеть хмурые складочки, и его дыхание опалает моё лицо. От запаха текилы и табака у меня начинает кружиться голова. Я цепляюсь за него не потому, что пьяна, а потому, что хочу, и это чертовски пугает меня.

Отступив назад, он со стоном останавливает свой взгляд на моих губах, словно борется с чем-то.

— И о чём же я думаю? — ляпаю я хриплым голосом, словно у проститутки долбаного секса по телефону.

Его губы растягиваются в озорной ухмылке, и я перестаю дышать. О, Боже! Его улыбка заставляет моё сердце замереть, и мчаться, словно спринтер.

Он поднимает руку к моему затылку, захватывая волосы в кулак.

— Я тебе расскажу, о чём я думаю, — он толкает меня к стволу дерева, и грубая кора царапает мою кожу. Его дыхание ласкает мою шею, и от этого меня ещё сильнее трясёт. Он скользит зубами над пульсирующей веной, кусая меня.

Я стону и выгибая спину, желая стать ещё ближе и требуя большего.

Не могу себя контролировать, я просто хочу его, и меня не волнуют последствия. Когда он вжимается своим телом в моё, я задыхаюсь. Он отпускает мои волосы и скользит пальцами по моей шее, слегка сжимая её и управляя каждым моим вздохом. Мой пульс бьётся быстрее, в то время как тело начинает упиваться его доминированием. Чувствую каждый его твёрдый дюйм, тепло тела сквозь рубашку, горячее дыхание на моих губах и пальцы, впивающиеся в мою кожу. Он повсюду, и я не могу сбежать от него. Я должна быть напугана им, но я не боюсь. Я могу винить в этом текилу, но не могу отрицать того, что он волнует меня.

Опустив руку на мою грудь, он проводит по ней, затем плавно скользит вниз к моему животу. Он зарывается между моих ног, сжимая бедро через джинсы. Я толкаюсь бёдрами ему навстречу и отчаянно жажду хоть какого-то давления. *Хоть чего-то!* Его дыхание ласкает мою шею, пока он целует то местечко, которое укусил. Я впиваюсь ногтями в его кожу, царапая затылок, и по моей коже пробегают мурашки.

Рыча и хватая волосы в кулак, он отдёргивает мою голову назад и ужесточает хватку на моей талии, притягивая меня так, что я встаю на цыпочки, и обрушивает свои губы на мои. Я впиваюсь пальцами в его рубашку в отчаянной попытке приблизиться к нему. Я хочу большего. Мне нужно больше. Моё тело, словно в огне, и мне трудно дышать. Он пробует

языком мои губы, и я приоткрываю их.

— Блядь, — рычит он мне в рот, и я ощущаю, как он прикусывает зубами мою нижнюю губу и потягивает её, сильнее вдавливаясь своим телом — если такое вообще возможно — в моё.

Я стону и сильнее впиваюсь в него ногтями, словно сучка в течке. *Трахни меня.* Прямо сейчас я не испытываю никакого стыда, да и мне не может быть стыдно из-за этого.

Он толкается бёдрами мне навстречу, потираясь эрекцией о мой живот.

— Чёрт возьми, — шипит он мне в губы, сжимая мою талию, затем поднимает и прижимает к дереву своими бёдрами.

Я обвиваю ногами его талию, в то время как он сжимает пальцами мои бёдра, сильнее впиваясь в кожу. Зарывшись лицом в шею, он целует, облизывает и кусает горло. Я запрокидываю голову и нахожу руками его волосы, притягивая его к себе и желая большего. Не могу подобраться к нему достаточно близко. Он продолжает свой путь губами, пока не достигает верхней части моей груди.

— Джуд, где ты, чёрт бы тебя побрал? — слышу я глубокий мужской голос. — Джуд?

Оторвав голову от моей груди, он смотрит на меня.

— Я не закончил с тобой. Ты меня слышишь? — шепчет он мне, прижимая меня бёдрами в последний раз, прежде чем медленно отпустить.

Я не отвечаю ему. Не могу ему ответить. Дерьмо, я едва могу дышать. Сердце готово вырваться из груди, и мне нужно поменять трусики.

Он хватается меня за руку и тянет в сторону стоянки. Пошатываясь, я плетусь за ним на дрожащих ногах. Сочетание текилы и губ Джуда действительно отображаются на моём равновесии. Я вижу фигуру, приближающуюся к нам в темноте, и инстинктивно цепляюсь за Джуда.

— Что, чёрт возьми, ты делал?

Это Рич.

— Не твоего сраного ума дело, — отвечает Джуд, продолжая тянуть меня за собой.

Я следую за ним к грузовику, и он открывает для меня дверь.

Рич просто смотрит.

— Ей лучше не блевать в моём грузовике, — стонет он.

Он может пойти и отсосать. Показав ему средний палец, я ощущаю себя очень храброй рядом с Джудом, который наполовину перекрывает мне вид на этого говнюка. Я цепляюсь за его руку, пытаюсь удержаться, потому что я реально пьяная в жопу.

— Просто закрой своё хлебало и веди машину, — требует Джуд.

Грузовик приходит в движение, и я ощущаю, словно отдаляюсь от всего. словно передо мной возникает непробиваемая стена, через которую мне нужно пройти. Я растягиваюсь на заднем сиденье и позволяю своим глазам закрыться. Слышу низкий гул голоса Джуда, пока он разговаривает с Ричем, и какую-то музыку в жанре кантри, играющую по радио. Последнее, что я слышу перед тем, как отключиться полностью, это как Джуд зовёт меня по имени.

Глава 29.

ДЖУД

— Тор, — я трясу её, но она уснула намертво.

— Хочешь, чтобы я её отнёс? — спрашивает Ричард.

— Нет! — слишком быстро отвечаю я, так как не хочу, чтобы он прикасался к ней. — Нет, свободен. Я сам это сделаю. — Он сраный идиот, и кончит в штаны, как только её грудь потрётся об его плечо.

Пожав плечами, он поворачивается и направляется к дому. Я подтаскиваю Тор к себе с заднего сиденья за лодыжки. Она похожа на тряпичную куклу, чьи конечности покачиваются, и я забрасываю её себе на плечо, чтобы занести в дом.

Что, чёрт бы меня побрал, я делаю? Я переступаю по две ступеньки за раз и иду в сторону своей спальни. Открыв дверь, бросаю на кровать её бессознательное тело.

Она стонет и поворачивает голову в сторону.

— Джуд? — бормочет она, и хмурит брови от удивления, глядя на меня.

Чертovski обожаю, когда она называет меня по имени. Я сплываю. Я не должен раскисать рядом с ней. Не должен думать о том, о чём сейчас думаю.

— Да? — выдыхаю я.

— Где я? — она прижимает ладонью ко лбу. — Боже, как же вращается комната.

— И на этой прекрасной ноте ты собираешься блевануть, я прав? Всё логично.

Я сажусь, закидываю её руку себе на плечо, так как могу поддержать её безвольный вес, и тащу её в ванную. Щёлкаю выключателем, и она бурчит. Тор прикрывает глаза рукой, защищаясь от яркого света, когда я опускаю её перед унитазом.

— О, Боже, — стонет она, упираясь лбом в сиденье унитаза. — Почему ты позволил мне так напиться?

— Позволил тебе? — я качаю головой, начиная с ней спорить, но зачем? — Чёрт, женщина, ты глотала текилу, словно это были чёртовы соревнования.

— Пошёл ты, — ворчит она.

— Если тебя тошнит, то не благодари, — улыбаюсь я.

Иисус, ну и видок у неё сейчас.

— О, боже. Я чувствую себя так плохо, — она с такой силой хватается пальцами за край унитаза, что они белеют.

Я слышу всхлип. *Что за... она что плачет?* Выгибаю шею, чтобы посмотреть на неё. Её лицо искривлено, глаза закрыты, а губы дрожат. Она, мать вашу, и вправду плачет, а ведь её даже ещё и не стошнило.

— Какого чёрта ты ревёшь? — я стараюсь не смеяться, но, если честно, это до одурения смешно.

— Заткнись. Ненавижу, когда меня тошнит, понял? — она приподнимается, и её тело содрогается, когда она подаётся плечами вперёд.

Прислонившись к стене, я наблюдаю за ней, точно не зная, стоит ли её оставить одну или побыть с ней. После несколько секунд рвоты она отстраняется и продолжает плакать. Снова приподнявшись, она резко бросается к унитазу, и волосы спадают ей на лицо. Закатив глаза, я фыркаю и шагаю к ней.

— Господи, — я приседаю и собираю липкие, влажные пряди с её щек, наматывая распущенные волосы вокруг запястья, чтобы они ей не мешали. — Ты не ищешь лёгких путей, да?

— Просто... — её снова выворачивает. — Просто уйди, — задыхается она между глубокими вздохами, пытаюсь оттолкнуть меня, но её движения вялые. Её лицо по-прежнему

практически в унитазе.

— Если я уйду, то вероятнее всего ты утопишься.

— О, боже. Думаю, я умираю! — рыдает она, и слёзы катятся по её лицу.

Я плюхаюсь на пол, с изумлением глядя на неё. *Это так все грёбаные женщины ведут себя? О, Боже.*

— Ты не умираешь. Успокойся, мать твою.

— Я, блядь, умираю.

Я тру виски. Её почти выворачивает наизнанку. Рвота чрезмерно большим количеством текилы привела её к слезам и страху перед приближением смерти?

— Ты не умрёшь, по крайней мере, сейчас, — стону я. — Каким нафиг доктором ты была? Иисус. С каких это пор грёбаная текила — смертный приговор?

Она по-прежнему находится лицом в унитазе и показывает мне средний палец.

— Да что ты знаешь? — она несколько раз сплёвывает в унитаз. — Ты придурок! — её голос эхом отражается от унитаза.

Я смеюсь. Это слово с её изнеженных британских губ каждый чёртов раз заводит меня.

Присев на корточки, она рывком вырывает из моих рук свои волосы.

— Закончила?

Я приподнимаю бровь и постукиваю пальцами по полу. Она дерьмово выглядит, глядя на меня воспалёнными глазами.

— Пойдём. Вставай, — я поднимаю её, спускаю воду в туалете и подвожу к раковине.

Повернув кран, я толкаю её к воде. Она спотыкается, будто вот-вот упадёт.

— Ты собираешься смывать рвоту с лица или нет? — спрашиваю я.

Я открываю один из ящиков туалетного столика и роюсь в поисках зубной щётки. Споласкиваю её под напором воды, и наношу зубную пасту, после чего передаю щётку Тор.

— Так вот как обычно всё выглядит у тех, у кого есть дети? — стону я. — Чёрт. Вот. Почисти зубы.

Забрав её у меня, она раскачивается взад-вперёд и пытается метнуть в меня уничтожающий взгляд, но он больше похож на пьяное косоглазие. Она держит зубную щётку в руке, глядя на неё так, словно понятия не имеет, как использовать эту грёбаную вещь.

Я машу руками, как чёртов дирижер, пытающийся научить кучку идиотов играть Баха.

— И-и-и-и, чисти зубы...

— Почему ты всё ещё здесь? — стонет она. — Я могу почистить эти чёртовы зубы сама. Убирайся!

— Просто почисти зубы, Тор.

Я подхожу к унитазу, чтобы отлить. Как только моча попадает в воду с характерным звуком, она медленно поворачивается лицом с синей пеной от зубной пасты на губах.

У неё расширяются глаза, а челюсть чуть не падает на пол.

— *Что...* ты творишь?

Я делаю шаг от унитаза, по-прежнему продолжая направлять струю, и улыбаюсь ей.

— Захотелось пописать. Видишь? — я трясую членом и опускаю стульчак вниз. — Моя ванная. Ссу, когда хочу. Всё, я спать, — я усмехаюсь и, избавляясь от одежды, направляюсь к кровати, после чего плюхаюсь на неё.

— Ты отвратителен, знаешь об этом? Не могу поверить, что ты только что просто взял и достал его передо мной.

Взбив подушку, кладу её под голову. *Господи, она когда-нибудь заткнётся?*

— Боже! — стону я.

Через несколько минут она заходит в комнату, её рубашка обёрнута вокруг шеи, а руки подняты вверх. Она сейчас это серьёзно? Я не должен смеяться, но блин. Она, как чёртов ребёнок, когда пьяная. Вздохнув, я поднимаюсь с постели и дёргаю её рубашку через голову.

— Я бы и сама могла это сделать, — ворчит она.

— Да-да. Выглядело именно так, — я достаю футболку из своего комода и бросаю перед ней на кровать. — И не волнуйся. Я не собираюсь подглядывать.

Повернувшись от неё в другую сторону, я слышу, как она топаёт по комнате, пытаюсь одеться, и что-то бормочет про себя. И только одному Богу известно, что именно она говорит.

Через несколько секунд другая сторона кровати проседает под её весом. Я тянусь и выключаю лампу, погружая комнату в кромешную темноту. Спустя минуту её дыхание выравнивается и становится тяжёлым, а я... не могу сомкнуть глаз.

Каждое её крошечное движение только всё усложняет. Мне хорошо известно об её присутствии, как и моему члену. Что, блядь, я сделал? Наверное, я чёртов мазохист, если сплю рядом с женщиной, которую всего несколько часов назад прижимал к дереву, готовый засунуть в неё свой член, пока она выгибалась передо мной, словно чертова продажная проститутка. Она горячая штучка, просто и понятно, но мой член, кажется, ощущает потребность напоминать мне об этом факте... слишком часто. Чем больше я думаю о ней у того дерева, тем твёрже становлюсь. *Это до чёртиков смешно.* Я смотрю на неё, наблюдая, как поднимается и опускается её полная грудь, и будь я проклят, каждый раз, когда эти прелести поднимаются — её тугие соски врезаются в тонкую, надетую на неё, футболку. Это действие заставляет мой член дёргаться, словно он вот-вот взорвётся.

Я лежу в темноте, просто пялясь в потолок. Несколько минут назад я был уставшим, как собака, но теперь... сон является *последней* вещью в моей голове. Я тянусь, чтобы поправить свой член, но от одного краткого прикосновения он начинает просить о большем. *К чёрту это.* Я вылезая из кровати, мои боксёры натянуты, словно купол палатки, и спотыкаясь, я шагаю в ванную. Я оставляю дверь приоткрытой ровно настолько, чтобы видеть её. Твою мать, если она проснётся. Но это по её вине у меня теперь стояк.

Я опираюсь одной рукой на стену, глядя на неё, залезаю второй рукой под резинку боксёров и провожу по твёрдому члену. Представляю себе её бедра, обёрнутые вокруг моей талии, когда я порочно вколачиваюсь своим членом в её киску. Я почти слышу её еле уловимые стоны и ощущаю вкус текилы на языке. Я провожу большим пальцем по головке, и он скользит по капле смазки. *Чёрт.* Могу только представить, насколько были бы чертовски хорошие ощущения, будь я *внутри* неё. Я продолжительно провожу по члену, сразу же ощущая, как всё во мне расслабляется. Ускорив темп, я отталкиваюсь от стены только для того, чтобы прислониться к ней спиной, и опускаясь вниз, нахожу свои яйца. Я тяну сильнее и быстрее, массируя их, и думаю о том, насколько чертовски хорошо это будет ощущаться, когда я буду иметь её.

Представляю её, стоящей на коленях, с этими грёбаными губами, обёрнутыми вокруг моего члена, с накрученными на мою руку волосами, пока я трахаю её рот, и она не начинает давиться. В данный момент я на пределе. Моя рука громко хлопает напротив нижней части живота. И тот факт, что она совершенно не знает, как я пытаюсь избавиться от своего дерьма, выводит меня из себя так же неистово, как если бы мне были должны денег.

Я едва слышу, как она разговаривает во сне.

— Джуд, — шепчет она, а затем издаёт мягкий, женственный и невероятно сексуальный стон. И вот, оно. Чувствую, как мои шары и всё тело напрягается, словно сжатая пружина, когда я извергаюсь, как чёртов Везувий. Меня давно так не дразнили, и это означает, что моя сперма оказывается просто, блядь, везде. *Святое дерьмо!* Моё тело напрягается, затем я толкаюсь в последний раз, прислоняясь головой к стене и пытаюсь перевести дыхание.

— Джуд... — бормочет она, вырывая меня из тумана. — Пожалуйста... — её голос затихает, и я едва могу уловить молящую нотку, но этот способ мольбы не несёт ничего хорошего.

Схватив полотенце, я вытираю себя. Она снова хнычет и бормочет моё имя. Я захожу в комнату, залезаю на кровать, и убрав её волосы с лица, ложусь рядом с ней. Она замолкает, прижимаясь лицом к моей шее.

Не знаю, какого фига тут делаю, но у меня есть необъяснимое желание помочь ей. Звучит, конечно, чертовски иронично, и я, как правило, не ввязываюсь в дерьмо подобного рода. Это неестественно для меня, и я не имею никакого понятия, как справиться с этим.

Я закрываю глаза, но мой мозг хаотично работает. Я всё время поглядываю на часы, и минуты перетекают в вечность. Каждый гребаный раз, когда закрываю глаза, то вижу свою маму и сестру, слышу их крики, и то, как мама умоляет Джо не трогать мою сестру и отпустить её. Вижу, как плачет Тор, истекая кровью, и Эвана, умоляющего не убивать его. Впервые в своей жизни я позволяю себе осознать, что являюсь монстром в кошмарах других людей так же, как Джо выглядит чудовищем в моих. Я жестоко отнимал жизни у людей, оставляя их семьи только с памятью о них. Люди, которых я убиваю, чёрт побери, знают на что подписываются, когда не платят мне деньги, но их семьи... Для их семей — это кровоточащая рана в душе от такой потери, и это сказывается на мне. Чёрт, когда это я стал такой размазней? Я не хочу быть таким, но грёбаная Тор заставляет меня. Её нахождение здесь сильно влияет на меня и заставляет переосмыслить всё. Я переворачиваюсь на бок, но вместо пустого пространства нахожу её. Она похожа на физическое воплощение грёбаной совести, которую я не могу игнорировать. Я смотрю на её силуэт и не могу понять. Эта женщина поменяла всё в моей жизни. В течение нескольких недель она инициировала чёртову войну внутри меня и заставила задать главный вопрос самому себе: кто я, чёрт возьми, такой?

Я провожу пальцем по её руке. Она — то, к чему я не привык, то, что кажется почти нереальным. Она — свет в моей крошечной тьме. Она — ангел, сдавшийся на растерзание адскому пламени, что никоим образом не является правильным.

Она вздыхает и толкается во сне. Сейчас она значит для меня намного больше, чем раньше. Она в моей постели, потому что боится быть в другом месте. Но будем честны, она здесь только потому, что ей некуда больше пойти. Ей была дана свобода, но она выбрала плен. Она настолько ранена, что бессердечный ублюдок, как я, кажется ей раем. Я глубоко вздыхаю, утопая в её запахе.

Я — всё, что у неё есть.

Но один человек — дерьмовая компания.

Я обеспечу ей безопасность, и убью Джо. Ради моей мамы, сестры и ради Тор. Правильно это или же ошибка, меня не заботит.

ВИКТОРИЯ

О, мой грёбаный Бог. Что произошло прошлой ночью? Такое ощущение, что мою голову просто долбанули об стену. Переворачиваясь, я стону, и мой желудок следует этому же примеру. Уф, во рту, словно насрал барсук. Я стараюсь открыть глаза, но не могу. *Святое дерьмо, думаю, я ослепла! Возможно, у меня был инсульт. Ох, Боже. Почему кровать движется? Постойте, это не кровать.* Я потираю глаза и моргаю. Зрение размыто, но, кажется, понимаю, что лежу на груди Джуда, который двигается подо мной.

Мне удаётся оторваться от него без приставаний, подобных вчерашним. Я стону, когда встаю, и слегка покачиваюсь. Чувствую себя отвратительно. Я прямо ощущаю запах текилы, просачивающийся через мои поры. Фу, текила. Одна мысль об этом уже заставляет мой желудок сжаться.

Покачиваясь, я иду в ванную и наклоняюсь над унитазом на несколько минут, уверенная в том, что собираюсь блевануть. В конечном итоге, мой желудок успокаивается. Душ — вот, в чём я очень нуждаюсь. После него всегда становится лучше. Чёрт, по крайней мере мне некуда торопиться. Луч надежды и тому подобное.

Я поворачиваю кран, и даю воде нагреться. Смотрю на туалетный столик. Я осознаю, что должна выглядеть ужасно этим утром, но не выгляжу. Как всегда, мой взгляд падает на длинный шрам поперёк горла, только на этот раз там виднеются две фиолетовые метки сбоку от него. Я с опаской прикасаюсь к ним и подхожу ближе к зеркалу, чтобы лучше рассмотреть. Следы укусов... Это следы от укусов?! Помню, как тело Джуда прижималось к моему, его губы на моей шее, его зубы... и мои опухшие губы. Чёрт, нижняя губа треснула.

Хотя одна часть меня кричит «*Какого хрена!*», другая удовлетворенно вздыхает. Что, чёрт побери, с этим не так? Это же Джуд. Я не должна позволить вскружить себе голову рядом с ним. Он — убийца, преступник, человек без морали и какой-либо привязанности.

То, что случилось прошлой ночью, никогда не должно было случиться, но почему, когда я думаю об этом, мою кожу обдаёт жаром, а желудок сжимается? Я так запуталась.

Запрыгиваю в душ, надеясь, что вода укрепит мою решимость и придаст мне сил устоять перед лицом Джуда этим утром. Вспомни про дьявола, как он тут же появится. Слышу, как дверь в ванную открывается, и он заходит. И на какую-то секунду я позволяю себе подумать, что он зайдёт в душ, но он не делает этого. Слышу, как включается кран, думаю, он чистит зубы. Но затем слышу звук, как он писает. Я закрываю глаза. Серьёзно? Почему этот человек не может помочиться в другом месте, подальше от меня? Надеюсь, наша пьяная перепалка не опустила какой-то барьер, после чего у него появился пунктик по писанию при зрителях. Некоторые вещи просто не меняются.

Всё это время Джуд не произносит ни слова. Господи! Может, ему тоже стыдно. Я остаюсь в душе довольно долго, пытаюсь смыть свой позор. Но думаю, в мире не хватит воды и мыла, чтобы смыть с себя это.

В конце концов, я выхожу и укутываюсь в полотенце. *Окей, будь смелой, Рия.* Бывало и хуже, чем интрижка на одну ночь. Помимо того факта, что я провожу с ним каждую минуту и каждый день.

Я нажимаю на ручку, открываю дверь, и немного нервничая, вхожу в комнату.

Чувствую себя такой неуклюжей в этот момент. Подняв взгляд, я вижу Джуда, который валяется на кровати. Прислонившись к спинке кровати, он смотрит телевизор. Не могу сказать, что именно на экране, так как всё моё внимание приковано к почти голому телу

этого мужчины в боксёрах. Он сложил руки за головой, и каждый мускул его торса купается в лучах утреннего света. Чёрт. «Подними взгляд!», кричу я себе.

Он отрывает взгляд от телевизора и смотрит на меня. Схватив пульт, выключает телик. В наступившей тишине всё, что я могу слышать — моё собственное тяжёлое дыхание.

Он откашливается.

— Мне нужно уладить кое-какие дела, пока Калев принесёт тебе завтрак. О, и мы должны покрасить тебе волосы.

— Мои волосы?

Что за нафиг?

Он встаёт с кровати и достаёт из комода футболку.

— Да, именно твои волосы. Ты мертва, помнишь? Это означает, что волосы придётся покрасить или сделать что-то в этом роде. Прости.

— Я надеялась, что пробуду здесь всего три недели, ведь так?

Он хмурится.

— Ты и пробудешь. Это просто мера предосторожности.

Я прищуриваюсь в ответ.

— Тогда зачем? Я же мертва, помнишь? Я далеко от дома. И никто не знает, кто я или какого цвета мои чёртовы волосы.

— Джо прекрасно осведомлён насчёт твоей внешности, — он вскидывает бровь.

Закатив глаза, я двигаюсь к кровати и сажусь посередине, скрещивая ноги и наблюдая за ним.

— Хорошо. Ну, моя старая жизнь разрушена. Поэтому я полагаю, ты так же с лёгкостью можешь уничтожить и мою личность.

— Серьёзно? — фыркает он, скрещивая руки на груди, его бицепсы напрягаются и натягивают татуировки на мышцах. — Уйми этот чёртов пыл.

Чувствую, как моя злость вспыхивает в мгновение ока. Он изменил все аспекты моей жизни.

— Пошёл ты! Ты — пизда! — выпаливаю я.

Он смеётся, словно услышал клёвую шутку.

— Я не могу, блядь, понять. Пытаюсь убить тебя — я мудака, пытаюсь спасти тебя — я пизда. Хотела уйти — я отпустил, потом ты снова вернулась. Что, чёрт тебя подери, ты хочешь, чтобы я сделал?

— Ничего. Я хочу, чтобы ты не делал ничего. Просто уйди и принимай дальше свои чёртовы ставки, выбивай дерьмо из какого-нибудь бедного ничего подозревающего ублюдка, делай что-то воистину мерзкое, трахайся со спидоносными стриптизёршами. Чёрт, утопи котёнка, например...

Он скрещивает руки и смотрит на меня, подняв бровь.

— Утопить грёбаного котенка? Ты это серьёзно?

— Почему я должна терпеть твою компанию? Я хочу, чтобы Калев вернулся. Он милый и единственный человек в этом доме, который не является полным чёртовым психом!

Он начинает постукивать ногой по полу и прищуривается, глядя на меня.

— У тебя что, началось это гормональное женское дерьмо? Держи его под контролем, хорошо?

Ооо, он ведь не сказал этого.

— Ты! — кричу я, проползая на коленях к краю кровати. — Пошёл нахуй! — и тыкаю

пальцем в его голую грудь.

Я задеваю сиськами его живот, и его взгляд мгновенно падает на мою грудь. Его губы растягиваются в ухмылке, отчего я злюсь ещё сильнее. Он чертовски выводит меня из себя. Я шлёпаю его по груди, и этот звук пронзает всю комнату.

Он прищуривается, и это его единственное предупреждение перед тем, как он хватается за запястья и толкает обратно на кровать, прижав мои руки над головой. Он нависает надо мной, а его лицо в нескольких дюймах от моего.

— Закончила? — рычит он, но я не отвечаю ему. — Я думал, ты уже усвоила, что меня лучше не бить, — он придвигается ко мне ещё ближе. — Не смей делать этого снова, — от его хриплого голоса моя кожа покрывается мурашками, и это заставляет меня пылать.

— Или что? — я бросаю вызов, прежде чем могу остановить себя.

Он рычит и проводит пальцами свободной руки вокруг моего горла, глядя на меня. Его дыхание неровное.

— Не испытывай меня, Тор.

Затем следует момент тишины. Момент, когда я должна испугаться, извиниться и попытаться отпихнуть его от себя, но я этого не делаю. Не делаю этого потому, что некая извращённая часть меня хочет Джуда. Тёмная извращённая часть в уголке моего разума упивается опасностью, которую он в себе несёт, и пытается бросить вызов. Мне слишком хорошо известно, насколько неправильно это выглядит. Я потеряла всё, и в принципе, мне больше нечего терять, но эта опасность становится уколом адреналина для моей разбитой и умирающей души.

Он скользит большим пальцем по моей коже, не отрывая от меня взгляд. Чувствую его дыхание на своих губах и его тёплые пальцы, усиливающие хватку на моём горле.

— Или ты всё-таки хочешь испытать меня? Тебе нравится, когда тебя душат, Тор? — его хриплый, возбуждённый и сексуальный голос с ноткой опасности и возможности.

Его губы так близко к моим. Я скольжу взглядом по его губам, и румянец заливает мои щёки. Прекрасно помню с прошлой ночи, как ощущались его губы на моих, его зубы, кусающие моё горло, и его язык, скользящий по губам. Наши взгляды встречаются, и я вижу, как знакомый изменчивый гнев сменяется на мужскую похоть. У меня дико бьётся пульс, когда он отпускает моё горло и сжимает челюсть, поглаживая большим пальцем нижнюю губу.

— Ты даже представить себе не можешь, сколько раз я представлял эти губы обёрнутыми вокруг моего члена, — выдаёт он.

Я должна отпихнуть его и обидеться, но этого не происходит. У меня сбивается дыхание, а губы приоткрываются, когда я пытаюсь набрать побольше воздуха в лёгкие.

Он ухмыляется и наклоняется, касаясь своими губами моих, прежде чем начинает говорить.

— Я хочу развратить всю эту невинность прямо здесь и сейчас.

И я хочу стать развращённой им.

Не могу выдержать его поддразниваний, поэтому приподнимаюсь и прижимаюсь губами к его, как распутная шлюха, которой, по-видимому, я стала. Отпустив мой подбородок, он запускает пальцы в мои волосы, сильно оттягивает их назад и погружает свой язык в мой рот. Я выгибаюсь спиной на кровати, пытаюсь приблизиться к нему, и бесстыдно раскрываю ноги, приглашая его занять позицию между ними.

Он отпускает мои запястья и касается моей руки и тела, оставляя после своих

прикосновений обжигают следы. Мои губы покалывает от его укусов. Я стону в его рот, и он издаёт хриплый смешок, затем хватается меня за колено и подтягивает ближе к своим бёдрам. Толкнувшись в меня, он прижимает твёрдый член к моей киске, и даже тонкая пара кружевных трусиков, надетых на мне, прямо сейчас ощущаются, словно чёртов пояс целомудрия. Его губы, руки и член — всё это оружие он использует в своём арсенале, чтобы ещё сильнее возбудить меня и довести до предела.

Скользя руками по его груди, спине и рукам, я цепляюсь за накаченные мышцы. Я хочу большего. Мне нужно больше. Он снова толкается бёдрами, и я впиваюсь ногтями в его кожу, заставляя его зашипеть.

— Хочешь меня? — рычит он.

Я с трудом могу составлять слова.

— Да, — отвечаю ему.

— Тогда умоляй меня об этом, Тор, — рычит он напротив моего уха.

— Пожалуйста, — стону я, как грязная шлюха.

Не могу видеть его губ, но судя по взгляду, могу заверить, он улыбается.

— Пожалуйста, что, куколка? — в его голосе смешивается похоть и развлечения.

Я шлёпаю его по груди.

— Джуд!

Он не даёт мне закончить, врываясь своим языком в мой рот.

Едва коснувшись меня губами, он отстраняется от меня и встаёт на колени.

— Так не умоляют, Тор, — говорит он, одним рывком раздвигая мои ноги и увлекая за собой ниже по кровати. — Умоляй меня! — требует он.

— Да пошёл ты! — бросаю я.

Я так возбуждена, что едва могу соображать, а он просит меня умолять его?! Большой ублюдок!

— Ох, я с удовольствием сделаю это, — посмеивается он.

Схватив мои трусики, он срывает их с моего тела, от чего материал больно впивается мне в кожу. Он опускает взгляд между моих ног и закусывает губу.

— Чёрт.

Ощущаю, как горят мои щёки, когда моя вагина подвергается пыткам под его взглядом. Мне почти неловко от того, насколько я завелась. Он опускает руки на внутреннюю часть моих бёдер и шире раздвигает их.

— Я так часто рисовал в своём воображении то, как трахну твою киску, — выражение его лица источает похоть и секс. Сам дьявол заманивает меня в ад, и на данном этапе я хочу танцевать с ним вокруг грёбаного огня.

— Каждый раз, когда ты открываешь свой умный ротик, это заставляет меня захотеть грубо трахнуть тебя, — рычит он, скользя пальцем по мне и погружая его внутрь, затем наклоняется вперёд и проводит языком по моему горлу. — Я собираюсь трахнуть тебя так жёстко, что ты не сможешь нормально сидеть, не чувствую меня внутри себя, — выдыхает он, засовывая в меня второй палец.

Мои бёдра по инерции подаются вперёд, и рваный стон срывается с моих губ. Он — жестокий и неумолимый, он всегда такой. Вытащив из меня пальцы, Джуд сразу же подносит их к своим губам и начинает посасывать, не отрывая от меня взгляда. О, Боже. Я отбрасываю голову назад на матрас, и моя грудь тяжело вздымается.

— Трахни меня! — слышу, как слова вырываются из меня.

Слышу его хриплый смех, после чего он так хватает меня за бёдра, что после его рук там будут синяки. Слышу шелест материала, за которым следует звук разрывающейся фольги, а затем головка его члена упирается в мою киску, умоляя о проникновении. Я ещё никогда в жизни не чувствовала такой сильной необходимости иметь человека внутри себя, но сейчас я хочу его, всего его — всё, что он готов мне дать, и даже больше. Он зажигает внутри меня огонь, который не погасить просто так, и в этот момент он поглощает меня.

Я вжимаю пятки в постель, толкаясь к нему вверх. Он шипит, проскальзывая внутрь меня, и это ощущается так хорошо, так правильно.

— Осторожней со своими желаниями. Я обещал, что трахну тебя грубо, и выполню это обещание, — рычит он, хватая мои бёдра и со всей дури врезаюсь в меня.

Я хнычу, когда он ломает барьер между удовольствием и болью. Моё тело напрягается и сжимается вокруг него, приспособливаясь к его вторжению. Он парит надо мной, тяжело дыша сквозь зубы.

— Чёрт побери... Боже, твоя киска — это нечто, — качает он головой.

Он остаётся неподвижным несколько секунд, затем снова приходит в движение. И это не нежные толчки, а прямое доминирование. Он усаживается на пятки, выпрямляя спину, приподнимая мои бёдра одной рукой и прижимая горлом к кровати второй. Его сильное тело врезаётся в меня мощными толчками. Он трахает меня так, будто его жизнь зависит от этого, будто он пытается избавиться от несбывшихся надежд.

Запрокинув голову, я закрываю глаза, когда волны удовольствия начинают бросать меня в дрожь. Его хватка на моей шее становится сильнее.

— Смотри на меня, — рычит он. — Смотри, как я трахаю тебя.

Мой взгляд встречается с его, и я не могу отвернуться даже, если бы захотела. Он трахает меня, пока я извиваюсь под ним, потею и стону его имя, и когда моё тело напрягается, готовясь к чёртовой разрядке, он останавливается.

— Что за на...

Он наклоняется ко мне, опуская свои губы к моим.

— Умоляй. Меня, — шепчет он.

Я уже так близко, чтобы кончить. Он — ублюдок. Я злюсь и толкаюсь в него своими бёдрами. Он ухмыляется и снова начинает двигаться. Джуд входит и выходит из меня, и как только новая волна оргазма вот-вот готова нахлынуть, этот мерзавец снова останавливается.

— Клянусь чёртовым Богом, Джуд! — кричу я.

— Умоляй меня, — улыбается он, словно дьявол, каковым и является на самом деле.

Да к чёрту это, раз хочет быть главным, пусть будет, когда дело касается меня и моей вагины, тут уж не должно быть никаких возражений. Я пытаюсь вложить в свой голос столько секса, насколько это возможно, поэтому награждаю его самодовольной улыбкой.

— *Пожалуйста*, Джуд. *Пожалуйста*, трахай меня, пока не кончу на твой член.

И это срывает. Его глаза темнеют, когда гортанное рычание вырывается из горла, и он начинает дико вколачиваться в меня. Святое дерьмо, он похож на бешеное животное. Во мне всё напрягается, и на этот раз он не останавливается. Он сжимает пальцы вокруг моей шеи, и удовольствие взрывается в моём теле. Я кричу его имя, и моё зрение становится расплывчатым. Чувствую, как его пальцы впиваются в плоть моего бедра, он продолжительно стонет и застывает, после чего наваливается на меня сверху.

Я не могу дышать, и перед моими глазами летают звездочки. Джуд упирается лбом между моих грудей, до сих пор прикрытых его рубашкой. Боже, он трахается так же

неистово, так жёстко и так властно, как делает всё остальное.

Он садится и выходит из меня, поднимаясь на ноги. Джуд ничего не говорит, просто выбрасывает презерватив, натягивает свою боксёры, а затем надевает рубашку и джинсы.

— Ты *перекрасишь* свои волосы, — говорит он, покидая комнату и закрывая за собой дверь.

Я сажусь и морщусь. Как и было обещано, он действительно грубо трахнул меня.

Что, чёрт возьми, только что произошло? Как человек, которого я ненавижу, мог стать тем, кого я хочу? Он засранец и преступник. Мне должно быть стыдно, но я не чувствую стыда. Возможно, это потому что каждая унция моей порядочности была стёрта этим местом. Рия никогда бы не трахнулась с Джудом, но Рии больше нет. Этого человека просто изъяли из меня. Теперь я результат того, что они из меня сделали, что Джуд со мной сделал. Рия не трахнулась бы с Джудом, потому что она до чёртиков его боится, но Тор сделала бы это. Я сделала бы это. Потому что я — женщина, которой не нужны причины.

Глава 31.

ДЖУД

Закрыв за собой дверь, я качаю головой. *Что, блядь, это было?*

Всё, что я могу — это просто стоять в коридоре. У меня кружится голова, дыхание неровное. Ещё ни одна женщина не заставляла меня испытывать такие ощущения. Я не могу насытиться ею, не могу перестать прикасаться к ней. Это ощущалось так правильно, хотя должно быть наоборот. Ничто и близко должно было ощущаться правильно, потому что эта девушка напрочь засела в моей голове. Она не отличает правду от вымысла. Её вырвали из повседневной жизни и не оставили ничего, кроме меня. Я для неё — грёбаный дьявол и Бог в одном лице, ведь я — единственный человек, который знает о её существовании. Либо ничего, либо я.

Я хочу злиться, но не могу. Часть меня хочет вернуться назад и трахать её до тех пор, пока она не потеряет сознание и не попросит меня остановиться. Чёрт, такое ощущение, словно она влилась в мою кровь, а это не очень хорошо. Последнее, чего мне хочется для неё, это чтобы она поверила, что принадлежит этому месту и мне. Ни одна женщина никогда не принадлежала мне и не была вовлечена в этот образ жизни. Ни одна. Особенно такая, как она.

Я вздыхаю, плотно сжимая перила, и спускаюсь вниз по лестнице. Схватив бутылку воды из холодильника, я захожу в гостиную и шлёпаюсь на диван рядом с Калобом.

— Джорджия побеждает, — бубнит Калоб.

Я смотрю на экран и киваю.

— Ага.

— Джон Дуглас не заплатил. Ричард сказал, что Джон послал тебя нахуй.

— Ага, — бормочу я, тупо пялясь в экран.

— Ага? Он послал тебя нахуй, а ты просто говоришь «ага». — Я смотрю на него, и он поднимает бровь, ожидая моего ответа. — Что с тобой не так? Она плохо на тебя влияет? — смеётся он, даже не имея ни малейшего понятия, как она на меня влияет.

Откинув голову на подушку, я тянусь за сигаретой.

— Никогда не встречал женщину с таким характером, как у неё, — говорю я, зажимая

сигарету между губами, чтобы подкурить её. Этот чёртов характер побуждает меня хотеть трахать её каждый раз, чтобы заставить её слушаться.

— Так, она собирается тут остаться? — он бросает на меня незаинтересованный взгляд. — Мило с твоей стороны, что ты готов защищать её, — затем он вскакивает с дивана и кричит в телевизор. — Ты, блядь, с ума сошёл? Это же флаг, debil. Судья, ты — осёл!

Я наполняю лёгкие никотином. Мило с моей стороны? Ага, я был чертовски обаятельным с ней, когда оставлял психологические и физические шрамы в качестве сувенира.

Калевб откидывается на спинку дивана.

— Итак, Рия просто останется запертой в твоей комнате на столько, насколько захочет?

Я закатываю глаза. Ненавижу это чёртово прозвище.

— Её зовут Тор, Калевб. «Рия» звучит так, словно она — грёбаная птица.

— Она любит, когда её зовут Рия, — начинает спорить он, но снова откидывается назад и обращает своё внимание к телевизору.

— Я распахнул перед ней дверь, но куда ей на самом деле идти?

Он не обращает на меня внимания. Просто придвигается поближе к телевизору и тупо пялится в него.

— Ой, к чёрту это. Нет никакого удовольствия в играх, в которых я не делал ставку, — он хватается за ключи с журнального столика.

— Куда ты собрался?

Он пожимает плечами.

— В магазин. Раздобыть еды.

Я указываю в сторону моей комнаты.

— Возьми Тор собой.

— Зачем? — он поднимает свои руки вверх.

— Потому что я так сказал. Я оставил ей краску для волос и перед тем, как она покинет комнату, убедись, что она перекрасилась. Давай просто скажем, что она не очень возрадовалась такой идее.

Была такой несчастной, что мне пришлось вытрахать из неё её нрав. Иисус, как же это запутанно.

Он морщит лоб.

— Что? Почему?

— Не будь тупицей. Мы не можем рисковать из-за Джо. Это только для того, чтобы прикрыть наши собственные задницы, — я делаю длинную затяжку. — Просто убедись, что она это сделала, и возьми её собой. Ей нужно выбраться.

Он прищуривается.

— Кто ты, чёрт возьми, такой? Ей нужно выбраться? — смеётся он. — Видишь, она забирается тебе под кожу, не так ли? — я стреляю в него взглядом, но он поднимает руки вверх, сдаваясь. — Эй, я понимаю. Ты знаешь, что я люблю её. Она — сумасшедшая, но она мне нравится.

Закрыв лицо руками, я стону. Ситуация, в которую я попал, совершенно не та, в которую я планировал попасть. Вообще когда-либо.

ВИКТОРИЯ

Калеб открывает для меня дверь, жестом указывая, чтобы я села в машину.

— Теперь скажи мне ещё раз, почему я должна ехать с тобой в магазин?

Он одаривает меня непринуждённой улыбкой.

— Ну, видимо, ты больше не пленница Джуда, и он подумал, что тебе не помешало бы выбраться. Я знал, что в конечном итоге, ты его оседлаешь, — он подмигивает мне.

Я опускаю лицо, чувствуя, как щёки начинают краснеть. *Как же мало он знает.*

Хлопнув дверью, он направляется в сторону водительского места и садится за руль.

— Кстати, мне нравятся твои волосы.

Я зажимаю локон волос между пальцами, рассматривая пряди цвета красного дерева.

— Спасибо.

Ненавижу этот цвет. Это просто ещё одна утраченная часть Рии, которую заменила Тор — испорченная девочка, в которую Джуд меня превратил. Тем не менее, я охотно греюсь в лучах этой испорченности, словно отчаянный наркоман, поглощённый собственным уничтожением.

До супермаркета мы едем в тишине. Признаю, что, хоть это и обыденно, но этот маленький кусочек свободы так раскрепощает.

Калеб не мешкает и начинает бегать по супермаркету, словно совершает набег и пытается успеть скрыться с места преступления. Я оглядываюсь, чтобы убедиться, не грабим ли мы и вправду это место?

Я смотрю на тележку, полную пива, пиццы, хот-догов и чипсов. *Серьёзно?* Как эти парни всё ещё живы? Забрав тележку у Калеба, я иду в противоположную сторону.

— Рия! — кричит он. — Что ты делаешь?

Я оглядываюсь на него через плечо, и он фыркает позади меня.

— Очевидно, что я пытаюсь купить еду. И прежде, чем ты что-то скажешь, это явно не еда.

Когда я захожу в секцию овощей, он смотрит на меня с явным отвращением.

— Ты это серьёзно? Я не ем этого дерьма.

— Тебе же не пять лет, Калеб, — вздыхаю я.

Я хожу по магазину, не обращая внимания на драматическое пыхтение позади меня. Мы проходим небольшой домашний раздел, и я замечаю рамочки для фото, стоящие на полке. Выбрав одну из них, я кладу её в тележку.

— Какого чёрта мы покупаем рамки для фотографий, женщина? — стонет он. — Ты же, блядь, не собираешься делать косметический ремонт!

— Возможно, я собираюсь сфотографировать тебя на память, — ухмыляюсь я.

Он хмурится, но ничего не отвечает. Иногда он такой милашка.

— Двести долларов! — кричит Калеб, выхватывая у меня квитанцию. — Это должна была быть быстрая поездка в магазин. Ебанный ад!

— Ну, если бы ты не взял пятьсот литров пива, то там бы не было двести долларов. Теперь давай грузи это дерьмо, — я жестом указываю на тележку и смеюсь над выражением

его лица.

Загрузив сумки, он садится в машину рядом со мной.

— Больше никогда, — говорит он, качая головой.

Он выруливает с автостоянки и мчится в сторону дома. Я закатываю глаза.

— Можно подумать, я пыталась облить воском твои яйца, что ты так завёлся.

Он сердито смотрит на меня.

— Ты больная.

Говорит парень, который помогает убивать людей.

Примерно на половине пути я замечаю взволнованный взгляд Калеба. Здания начинают уступать лесам и сельскохозяйственным угодьям. Он смотрит в зеркало заднего вида, затем возвращает взгляд к дороге, и повторяет это ещё несколько раз. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть назад.

— Не смотри, — огрызается он. — Они следуют за нами от супермаркета.

Посмотрев в боковое зеркало, я вижу чёрный внедорожник, следующий за нами, но не могу рассмотреть его пассажиров.

— Что нам делать? — тихо спрашиваю я.

— Не привести их обратно к дому, — его выражение лица до ужаса серьёзно и от него веет смертельной холодностью, как и от его брата.

— Достань пистолет из бардачка, — говорит он, глядя в зеркало заднего вида.

— Я не...

Он обрывает меня на полуслове.

— У меня, блядь, нет на это времени, Рия. Достань его!

Дрожащей рукой я открываю бардачок и достаю чёрный пистолет. Не хочу касаться этой чёртовой штуковины.

— Под сиденьем лежит коробка, достань её, — командует он.

Нерешительно запустив руку под сидение, я достаю чёрный ящик, открываю его, и несколько серебряных пуль падает мне на колени. *Чёрт побери!* Ловлю взглядом движение Калеба, который вытаскивает пистолет из-за пояса своих джинсов. Он медленно кладёт палец на спусковой крючок.

— Тебе нужно зарядить свой, — слишком спокойно говорит он.

— Я не знаю, как заряжать пистолет! — кричу я, и паника полностью накрывает меня.

— Кнопка сбоку... нажми её.

Я шарю пальцами по этой штуке и закрываю глаза, нажимая на эту кнопку. Магазин выпадает, и я подпрыгиваю.

— Возьми около десяти пуль, и просто затолкай их туда.

Я нервно выполняю его инструкции.

— Что теперь? — спрашиваю я, глядя на оружие, лежащее на моих коленях.

— Вставь его обратно в пистолет, подталкивая ладонью.

Я пытаюсь сделать это, но он не вставляется.

— Не так, Рия. Надави сильнее, вот так, — он стучит ладонью по пистолету, и я

вздрагиваю, ожидая, что оно выстрелит в любой момент.

Можно было бы подумать, что из всего дерьма, которое я пережила за последние пару недель, пушки не будут пугать меня, но они до сих пор приводят меня в ужас.

Мне всё же удаётся впихнуть магазин внутрь, но мои руки так сильно дрожат, что я уверена, что выстрелю сама в себя.

— Потяни затвор назад, чтобы патрон попал в патронник.

Я смотрю на него.

— Я не могу стрелять из пушки!

— Ну, придётся учиться, потому что они преследуют нас явно не для того, чтобы поздороваться. И если честно, мы в полной жопе.

Он протягивает мне свой телефон.

— Звони Джуду, — рывкает он, его лицо изуродовано напряжённостью.

Положив пистолет на колени, я смотрю на него, пока вожусь с телефоном. Калёб съезжает с главной дороги и давит на газ, направляя машину вниз по просёлочной дороге. Внедорожник следует за нами, набирая скорость. Слышу, как передний бампер черкает об землю, когда перед машины бросает вниз после высокой кочки.

Следуют несколько гудков, после чего Джуд отвечает на звонок.

— Чего? Я занят.

— Джуд, — я не могу скрыть панику в своём голосе. — За нами слежка.

— Что? — кричит он, и нарастающий гнев в его голосе заставляет меня напрячься. Зад автомобиля заносит на гравийной дороге, из-за чего я ударяюсь об дверь. — Блядь! — шиплю я, когда боль пронзает мою руку, заставляя выронить телефон.

Автомобиль продолжает скользить по дороге, пока днищем не задевает выступ, отправляясь в кювет. Калёб достаёт пистолет и начинает стрелять через окно в чёрный грузовик.

— Рия, двигайся! — кричит он. — Выбирайся и пригнись!

Распахиваю дверь и падаю на траву. Мои глаза оказываются на уровне пола в машине, и натываясь взглядом на телефон Калёба. Я тянусь, чтобы поднять его, когда вокруг меня возобновляются выстрелы.

— Джуд! — кричу я, прижимая телефон к уху.

— Где ты? — его голос низкий и размеренный.

— Я не знаю. Мы были уже на полпути к дому, а затем свернули в сторону какой-то фермы, потом свернули влево и выехали на какую-то гравийную дорогу, — тараторю я. Когда пуля попадает в дверь над моей головой, я кричу.

Калёб запрыгивает на сидение, но он только убьёт себя.

— Калёб! — кричу я, но он игнорирует меня.

— Тор, — рычит Джуд. — Пригнись, слышишь меня? — слышу в трубке, как он хлопает дверью.

— Хорошо.

— У тебя есть пушка?

— Да.

— Просто прицелься и стреляй. Я еду за тобой, — я киваю и роняю телефон.

— Блядь! — прокликает Калёб.

Я смотрю вверх и вижу, что он сжимает свою правую руку. Кровь окрашивает рукав его рубашки.

— Калев, — кричу я, и слёзы грозятся вырваться наружу.

— Я в порядке, Рия.

Протянув мне пистолет, он перелезает через консоль и пытается выбраться из машины.

Калев прижимает руку к груди, опускаясь на землю и прижимаясь спиной к машине.

— Джуд уже в пути, — говорю я ему.

— Ага, пока он сюда приедет, возможно, мы к тому времени будем уже мертвы. Тебе придётся стрелять. На мою левую руку никогда нельзя было положиться, — смеётся он.

— Что?! — пишу я, когда пули снова начинают дырявить автомобиль.

На самом деле, звук напоминает град из камней или шоу фейерверков.

— Просто продолжай стрелять в них. Мы можем только отбиваться, пока Джуд не приедет сюда.

Кивнув, я поднимаю пистолет Калеба и целюсь в направлении стрелков. У меня трясётся рука, а дыхание застревает в лёгких.

Но Калев какой-то слишком спокойный.

— Дыши, сделай несколько вдохов. Возьмись за рукоятку обеими руками, — я делаю так, как он говорит. — Теперь нажимай на спусковой крючок.

Я нажимаю, и пистолет дёргается в моих руках, сотрясая их до локтей. Я тяжело вздыхаю.

— Хорошо, — усмехается Калев. — Очень хорошо.

Я делаю размеренные вдохи. Перестрелка продолжается, и нас снова накрывает градом пуль сверху. Калев протягивает мне ещё один пистолет и перезаряжает первый. Мои нервы на грани. Следует секундное молчание, и Калев пихает меня, указывая жестом на заднюю часть автомобиля. Я внимательно прислушиваюсь, стараясь из-за всех сил расслышать хоть что-нибудь среди всей этой шумихи и стука собственного сердца. Вдруг около задней части автомобиля появляется парень с наставленным на меня пистолетом. Всё происходит, как в замедленной съёмке. Он нажимает на курок в то же время, что и я. Слышу свист пули и резкий треск, рассекающий воздух рядом с моим ухом. Я наблюдаю, как моя пуля попадает ему в грудь, и его откидает назад перед тем, как он падает на землю. Я подползаю к нему и забираю его пистолет, а затем снова возвращаюсь к Калебу.

Он касается моего плеча, и я подпрыгиваю.

— Ты — молодец, девочка, — он выдавливает небольшую улыбку.

Я только что убила кого-то. Я должна чувствовать хоть что-то. Но я не чувствую ничего.

Глава 33

ДЖУД

Марни сворачивает, выезжая на грунтовую тропу. Выстрелы всё ещё продолжаются, когда впереди появляется автомобиль Калеба, застрявший в канаве. Чёрный внедорожник стоит посреди дороги, двери широко распахнуты, но ни Тор, ни брата не видно. Мой пульс учащается, бешено стуча, и адреналин растекается по венам. Отстегнув ремень, я выпрыгиваю прежде, чем машина останавливается. Всё, что я слышу — это звуки перестрелки. Я хочу перепроверить всё в поисках Калеба и Тор, но у меня слишком мало времени на это. Мимо меня пролетает пуля, оставляя вмятину в автомобиле. Я прицеливаюсь в сторону внедорожника и стреляю. Парень возле машины разворачивается, и

прежде чем у него есть шанс нажать на курок, я пускаю ему пулю между глаз. Выстрелы доносятся со стороны автомобиля Калеба. Громкий звук эхом разносится между стволов деревьев, когда Марни стреляет в другого человека из внедорожника.

— Ублюдок, — бросает он, уходя в сторону трупов и держа пистолет наготове.

Я подбегаю к машине Калеба, кровь пульсирует в жилах. Обежав грузовик, я вижу Калеба, прижимающегося к автомобилю, и Тор, пытающуюся в суматохе перезарядить оружие. Я замечаю лежащего на земле парня, который постанывает и держится за живот, а затем устремляю взгляд на Тор.

— Тор! — кричу я.

Подпрыгнув, она выставляет пистолет перед собой и направляет его на меня. Пистолет подрагивает в её руках, и меня охватывает страх от того, что она может спустить курок.

— Эй, опусти пистолет.

Она молниеносно устремляет взгляд на человека, лежащего на земле, но пистолет не опускает. Вздохнув, я подхожу к парню и целюсь ему в лицо.

— Пошёл ты, — бормочу я, трижды нажимая на спусковой крючок, и с каждым новым выстрелом его тело дёргается.

Я снова перевожу взгляд на Тор, и морщась, она указывает на Калеба.

— Они подстрелили его.

Я смотрю на него сверху вниз. Он держится за руку, и его рукав полностью пропитан кровью.

— Ты как, в порядке?

Он смотрит на меня.

— Ага, просто чертовски офигенно, — он шевелится, морщась от боли. — Я не мог держать грёбанный пистолет после того, как они выстрелили в меня. Всё не так плохо. Только эта боль, словно заноза в заднице.

Я оглядываюсь вокруг на окружающий меня беспорядок. Автомобиль уничтожен, он вдоль и поперёк покрыт дырами от пуль. Около него лежат двое мёртвых парней, а моего младшего брата подстрелили.

— Чёрт! — я начинаю расхаживать по высокой траве. — Они ведь работают на Джо, я прав? — кричу я Марни.

Он роется в куртке у одного из парней и вытаскивает водительское удостоверение.

— Саймон Де Лукас, — говорит он.

Я сразу же вспоминаю, как Эван прохныкал это имя в мольбе.

— Блядь!

— Я так понимаю, он один из парней Джо? — Марни смотрит на мужчину. — Ублюдок, — бормочет он, пуская ещё одну пулю в покойника, и подходит ко мне. — Ну, дерьмо. Что нам делать с этим беспорядком? — спрашивает он, обводя рукой место происшествия.

Я достаю из кармана телефон и набираю Дэвида.

— Слушаю?

— У меня небольшая проблема. Два тела и автомобиль.

— Чёрт, Джей-Пи. Я в патруле. Могу найти парня, который позаботится об автомобилях. Просто сними номерной знак со своей тачки. Но тебе самому придётся позаботиться о телах.

— Хорошо-хорошо. Без проблем, — я вешаю трубку и запускаю руки в волосы.

Мы должны забрать тела домой. Дэвид не может позаботиться о них прямо сейчас.

Пожав плечами, Марни подходит к одному из мужчин, хватая его за щиколотки и тащит через густые сорняки к машине.

Я осматриваю Калеба, пытаюсь понять, нужна ли ему какая-то грёбаная помощь.

— Сядешь в тачку, или как? — говорю я, переводя взгляд на Тор. — И мне нужна твоя помощь, куколка.

Она переводит взгляд от меня к Марни, который волочит тело по дороге, насвистывая сам себе.

— Нет, — качает она головой. — Не-а-а-а. Я не буду разбираться с этим дерьмом, — в её голосе слышится нотка истерики, и она начинает пятиться от меня.

Достав сигарету из кармана, я подкуриваю, обнимаю её одной рукой за плечи и передаю ей сигарету.

— Я всегда курю после того, как убиваю кого-то. Вот, это поможет, — я сую ей сигарету в лицо, но она смотрит на меня, как на больного. — Нет? Тогда хорошо.

Я затягиваюсь и выдыхаю дым ей в лицо, выводя этим её из себя, и она толкает меня в грудь.

— Серьёзно? У тебя что, вообще нет никакого чувства опасности или морального компаса? Ты, блин, нахрен сошёл с ума!

— Думаю, ты знаешь ответ на это лучше, чем кто-либо другой, — я бросаю сигарету в сторону дороги. — Ладненько тогда, — говорю я, вытирая ладони об джинсы.

Я подхожу к багажнику автомобиля и помогаю Марни погрузить человека внутрь.

Мы подходим к другому парню, и я смотрю на него. Этот подонок, наверное, весит почти четыре сотни фунтов (прим. — 181 кг). Марни скрещивает руки, глядя на массивного парня, лежащего в траве.

— Маленькой дорогуше лучше смириться и помочь здесь.

Я смеюсь, глядя на неё.

— Эй, маленькая дорогуша, — лепечу я. — Здесь нужна твоя помощь.

Она упирается руками в бёдра и хмурит брови.

— Ты хочешь, чтобы я прикоснулась к этому мёртвому толстяку?

— Разве не ради этого ты заканчивала колледж? — я не могу сдержаться от смеха. Она выглядит чертовски злой.

— О, да, Джуд. Я заканчивала колледж, чтобы таскать страдающие ожирением трупы! — её голос уже на грани истерики, но она продолжает.

— Да ты просто заноза в яйцах. Просто подойди и возьми его за лодыжки, если не хочешь болтаться тут ещё дольше. Или хочешь, чтобы Джо увидел тебя и понял, что брюнеткой ты ему нравишься больше?

— Ты имеешь виду его жирные лодыжки, — она прищуривается. — Хочешь моей помощи? — поднимает бровь. — *Умоляй* меня.

Ох, чёрт, только не это! Пригвоздив её взглядом, чувствую, как с моего лица сходит улыбка.

Я наклоняюсь и хватаю одну из рук.

— В отличие от тебя, я не умоляю, — я ухмыляюсь. — Теперь хватай его за жирную лодыжку. Я ясно выражаюсь?

Она топает, как чёртов ребёнок, которому отказали в игрушке. Пыхтя, она наклоняется и берётся за ногу.

— Ну, — говорит Марни, улыбаясь, как самодовольный ублюдок. — Выглядит так, словно вы, и вправду поладили лучше, чем ожидалось.

— О, Боже, — визжит она. — Он воняет, и это точно не запах смерти, — она морщится в отвращении.

Мы поднимаем тело и волочим его через дорогу к багажнику.

— О, мой Бог. Что делать, если кто-то ещё проедет здесь? — Тор отпускает его ногу, и он падает на землю с глухим стуком.

Я закатываю глаза.

— Иисус, никто не проедет по этой проклятой дороге.

— Если бы и проехали, мы бы просто застрелили их, — говорит Марни, пожимая плечами.

Она выставляет перед собой руки и качает головой.

— Вы оба сошли с ума. Нахрен!

— Чёрт, ты только сейчас это поняла? — стону я. — Бери его чёртову ногу и перестань скулить, женщина.

Нам всё же удаётся перетащить этого человека через дорогу. Пот струится по моим вискам, а Марни отходит в сторону в приступах кашля. Тор по-прежнему держит паренька, постукивая ногой по грунтовой дороге.

Я лезу в багажник, пытаюсь поднять мужчину, но он едва двигается с места. Марни пытается использовать свой вес, чтобы поднять мужчину, но даже этого недостаточно.

— Тор!

Фыркнув, она толкает его вес. Она настолько маленькая, что этот жирный ублюдок её действительно может придавить.

— Боже, меня сейчас вырвет, — ноет она, когда её лицо вжимается в его живот.

— Подожди, подожди, подожди! — я спрыгиваю и оттаскиваю её подальше от него. — Просто... — я качаю головой. Она ничем не может помочь, и думаю, часть меня заставила её сделать это только по той причине, чтобы посмотреть сможет ли она. — Просто иди и посиди в машине с моим братом.

— Придурок, — ворчит она, прежде чем уйти.

Открыв дверь в подвал, я мельком замечаю своё отражение. Моя мокрая рубашка прилипает к телу после того кровавого беспорядка, что произошёл ранее.

— Не могу поверить, что ты заставил меня сделать это! — кричит Тор, следуя за мной.

Вздёрнув бровь, я поворачиваюсь и подхожу к ней, осматривая её. Рубашка полностью пропитана кровью.

— Будто до этого на тебя не попадали ничьи внутренности. Возьми уже себя в руки, — я вытираю пятнышко засохшей крови с её щеки и направляюсь в свой офис.

У неё раздуваются ноздри.

— Ты думаешь это смешно? — выкрикивает она. — Это было совсем не смешно, Джуд! В меня, чёрт возьми, стреляли! — она машет руками. — И на мне кровь какого-то парня!

— Ну, было довольно забавно наблюдать за тем, как ты лапала мёртвого мужика.

Она рычит и поднимает руку, чтобы дать мне пощёчину, но я ловлю её в воздухе и сжимаю запястье, глядя на неё. Чёрт, у неё такой вспыльчивый нрав.

— *Что* я тебе говорил, насчёт того, что ты меня бьёшь? — я дёргаю её тело к своему. — Ты должна обуздать этот чёртов нрав, — предупреждаю я, приближая лицо ближе к ней.

Я бы занялся этим, если бы она не заводила меня так сильно. Чувствуя её дыхание у моего рта, я не могу сдержаться, и рыча, накрываю её губы в жёстком поцелуе. *Какого хрена я делаю?* Она хватается мою голову, зарываясь пальцами в волосы. Я сжимаю её затылок и ещё ближе притягиваю её к себе, углубляя поцелуй. Небольшой стон срывается с её губ, и я теряю весь чёртов контроль.

Закрыв дверь одной рукой, я подвожу её к столу. Она отчаянно сжимает мою рубашку, и мне удаётся оторвать свои губы от неё, но только для того, чтобы снять её окровавленную рубашку через голову. Схватив за край рубашки, я стягиваю её с неё. Длинный фиолетовый шрам извилистой линией тянется вдоль её живота, заставляя мой пульс учащённо биться. Я сглатываю и снова впиваюсь в её губы. Она ударяется ногами об стол и опускается на него. Я не должен этого делать, но не могу сопротивляться порыву. Эта женщина, как героин — может убить вас, но стоит этого чёртового риска. Она неуклюже пытается расстегнуть мою молнию и стянуть джинсы по бёдрам.

— Это чертова ошибка, — стону я в её губы, сдергивая её спортивные штаны.

— Всё, связанное с тобой, ошибка, — говорит она, царапая ногтями кожу от моей шеи к плечам. *Чёрт поberi!*

Исследуя ртом её шею, я упиваюсь её запахом. Сняв с меня боксёры, она так сильно сжимает и поглаживает мой член, словно он принадлежит ей. Я развожу её бёдра в стороны, сметая телефон и бумаги со стола.

— Я буду трахать тебя до тех пор, пока ты не станешь такой же неправильной, как и я, — рычу я в ответ.

Она толкается в меня бёдрами, разрешая моему члену проникнуть в неё. Вздохнув, я толкаю её на стол и прижимаю руки у неё над головой. Я прижимаюсь к её груди, и мои руки, словно змеи, скользят по её телу. Я не смогу продержаться три секунды, в течении которых мне нужно будет сорвать с неё трусики. Поэтому я отодвигаю их в сторону, и толкаю свой член в её тугую мокрую киску. Издаю стон, когда она сжимает меня, и запорокинув голову, жёстко впиваюсь пальцами в её бедра.

— Чёрт, женщина, — шиплю я, глубже вонзаясь в неё и задерживая член внутри неё.

Тепло. Влажно. И чертовски туго. И если я начну двигаться прямо сейчас, то потеряю свой долбаный контроль.

Она ёрзает подо мной, выгибая спину и хватаясь за край стола. Я так сильно вонзаюсь в неё, что с каждым моим толчком, её тело скользит по столу. Каждый раз, когда я двигаюсь в ней, она двигается со мной.

— Чёрт, — стону я, и обернув вокруг неё руки, тяну её вверх.

Она тяжело дышит.

— Что ты... — выдыхает она.

Я перевожу взгляд на её трусики, хватаюсь за край и рву их на ней. Никогда ещё я не нуждался в женщине так отчаянно. Все запреты уходят на задний план. Здесь нет ничего, кроме примитивной потребности.

— Я не могу трахнуть тебя достаточно глубоко таки образом, — объясняю я, стягивая её со стола и поднимая.

Она оборачивает ноги вокруг моей талии, пока я жёстко и глубоко вдавливаю в неё. Она стонет, запрокинув голову и впившись ногтями в мои плечи, и издаёт громкий сексуально-опьяняющий стон, пока ресницы дрожат. Я прокладываю дорожку из поцелуев вниз по её шее, покусывая, и с каждым укусом она ещё сильнее впивается в меня ногтями.

— Скажи мне, что чертовски этого хочешь, Тор, — требую я, яростно врезаюсь в неё.

Всё, что она делает — это стонет, и я замираю, прижимая её к себе настолько сильно, насколько могу. Она ёрзает на мне, пытаюсь получить освобождение. Сделав несколько шагов, я прижимаю её к стене так, чтобы она не смогла двигаться. Будь я проклят, если не получу то, что чертовски хочу.

Я выгибаю бровь и выжидающе смотрю на неё.

— Чёрт, *скажи* мне.

Но она только смотрит на меня. Это чёртова пытка быть в ней, чувствовать, как она сжимает меня, но не иметь возможности двигаться.

— Просто скажи это! — рычу я.

Она борется со мной, трётся об меня бёдрами, а я вжимаю её сильнее в стену.

— Скажи мне.

Она встречается со мной взглядом и хватается руками за мой затылок, притягивая моё лицо к себе.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня так, словно заплатил за меня.

Я начинаю толкаться в неё, чертовски сильно прижимая её к стене. Через несколько секунд она уже кричит, цепляясь за меня, словно я забираю у неё грёбаную жизнь. Её киска засасывает мой член, и я чувствую, как каждый мускул в моём теле сжимается. Когда у меня на лбу появляются капельки пота, я пытаюсь ухватиться пальцами за любую часть её тела, зарываясь лицом в её шею, и стону, кончая в неё.

Она медленно опускает ноги на пол, и мы стоим, испачканные в крови человека, который пытался её убить, потные, запыхавшиеся и прижимающиеся друг к другу. Схватив её за подбородок, я заставляю посмотреть на меня.

— В следующий раз, когда ты меня ударишь, я ударю тебя в ответ. Никогда не испытывай мой чёртов лимит.

Она вырывает подбородок из моих рук, отталкивая меня от себя.

— Я могу простить тебе моё удушение, но если ты ударишь меня, то тебе придётся спать с одним открытым глазом, — она хватается спортивные штаны и натягивает их на себя без нижнего белья.

Я рассматриваю её, надевая джинсы.

— Не смей меня бить, и не будешь волноваться ни о чём таком.

— Не будь придурком, и я не буду тебя бить, — фыркает она, натягивая на себя грязную рубашку.

Без лифчика её соски отчётливо видны сквозь тонкий материал, и она выбегает из офиса, откинув взмахом руки почти шоколадного цвета волосы.

Я быстро шагаю в коридор.

— Что, теряешь свои чёртову мораль, да? Думаешь, если можешь показать свои чёртовы сиськи, мой брат согласится тебя трахнуть? — кричу я ей вслед.

Она ничего не отвечает, просто поворачивается, показывая мне средний палец через плечо и вызывающе покачивая бёдрами, исчезает за углом.

Делая вдох, я сильно сжимаю кулаки. Я должен несколько раз вздохнуть, чтобы

успокоиться. Эта грёбаная женщина забирается мне под кожу, словно грёбаная сыпь. Повернувшись, я так сильно захлопываю дверь, что в углах образуются трещины. Она делает со мной то, что ни одна женщина никогда не делала, и я почти ненавижу её за это.

Глава 34

ВИКТОРИЯ

За последние два дня я едва перекинулась с Джудом парой слов. Сегодня утром я проснулась с ним, обёрнутым вокруг меня, словно виноградная лоза. Мои эмоции били через край. Я ненавижу его, но меня ужасно тянет к нему. Он пытался поговорить со мной, но я так чертовски зла на него и на себя. Джуда нельзя назвать понимающим, поэтому кинув парочку фраз, он сразу сдался и ушёл.

Когда же это стало нормой? Когда я перестала находить в этом хоть что-то отвратительное? Когда я перестала находить что-то отвратительное в нём?

Я сижу на кровати с Калемом и наблюдаю за игрой. До сих пор не понимаю, какого хрена там происходит, хоть Калем и пытается объяснить мне правила.

— Боже, в миллионный раз повторяю тебе, женщина, это штрафной, если ты выходишь за линию! Вот для чего этот флажок, — он раздражённо машет руками.

Дверь распахивается, и входит Джуд.

— Мы уходим. Поторопитесь, — командует он, покидая комнату.

— Какой радостный, — бормочу я Калебу.

Он пожимает плечами.

— Это же Джуд, что тут удивительного?

И то верно, прямо в точку.

Через несколько минут я слеую за Калемом вниз по лестнице. До сих пор не люблю ходить по этому дому или находиться рядом с его дядюшками. Я всё время ощущаю их взгляды, наблюдающие за мной. Я не чувствую себя в безопасности, если я не с Калемом или Джудом.

Джуд смотрит на меня испепеляющим взглядом.

— Вы готовы?

— Ага, угомонись уже, — ворчит Калем, хватая ключи со стола, мимо которого мы проходим.

Я хочу спросить, куда мы направляемся, но одёргиваю себя, предпочитая не знать, ведь у меня нет особого выбора в решениях. Мы идём к машине, и я устраиваюсь на переднем пассажирском сиденье.

Мы едем где-то тридцать минут, и Джуд как обычно молчит, в то время как мы с Калемом боремся за радио.

— Я не слушаю такую ужасную хрень! — кричу я на Калеба, толкая его локтем, когда он наклоняется между двумя передними сидениями.

Он смеётся и хватается за руку, прижимая её к моему телу.

— Дай угадаю, ты хочешь слушать какое-то розовое английское дерьмо?

— Английское дерьмо?! То, что я британка, ещё не означает, что я слушаю именно такого рода музыку, идиот.

— Прекратите ворковать друг с другом! — Джуд протягивает руку и переключает

станцию, останавливаясь на каком-то жёстком хардкоре. — Заткнитесь! Вы оба, — он включает музыку на такую громкость, что мои барабанные перепонки грохочут у меня в голове. Джуд барабанит руками по рулю, кивая головой в такт музыке.

— Да пошли вы оба, чёртовы дегенеративные головорезы! — перекрикиваю я музыку, скрещивая руки на груди.

Джуд не смотрит на меня и просто включает музыку ещё громче. *Зазнавшийся мудака!* Я отворачиваюсь лицом к окну, старательно игнорируя его. На улице темно, нет никакого лунного света и никаких уличных фонарей. *Где это мы, чёрт побери?*

Джуд резко поворачивает вправо, и я врезаюсь в дверь из-за внезапного движения. Автомобиль выезжает на неровную дорогу, и я смотрю через лобовое стекло, пытаюсь увидеть, куда мы едем.

— Это грязь? Мы на грунтовой дороге? — О, Боже, он везёт меня в лес, чтобы похоронить здесь. Я обращаюсь Калебу. — Если ты позволишь ему убить меня, я вернусь, и буду преследовать вас до конца ваших дней, ублюдок.

Он закатывает глаза и улыбается.

Джуд игнорирует меня, продолжая стучать руками по рулю в такт песне.

Через несколько минут мы выезжаем на гравийную дорогу. Здание перед нами не что иное, как покрашенные шлакоблоки, флаг Конфедерации (прим. — де-факто — независимое государство, существовавшее в период с 1861 года по 1865 год в южной части Северной Америки на территории современных Соединённых Штатов Америки) прикреплён к помятой металлической двери. Весь двор заполняют мотоциклы и пикапы. Несколько толстых мужчин в кожаных жилетах и банданах стоят в стороне от двери и курят.

Это не то место, где я хочу быть.

Джуд ставит машину в режим парковки и поворачивается к Калебу.

— Не выпускай её из машины и не позволяй кому-либо подходить

Он наклоняется и достаёт из-под сиденья пистолет, протягивая его Калебу. Потянувшись за спину, он достаёт из-за пояса джинсов свой пистолет, вставляя пулю в барабан.

— Если не выйду через пятнадцать минут, ты уезжаешь, понял, Калеб?

Не дождавшись ответа, он просто открывает дверь, и я наблюдаю за тем, как он идёт к двери и исчезает внутри.

Я резко поворачиваюсь лицом к Калебу.

— Что значит, если он не выйдет через пятнадцать минут? Какого чёрта он делает? Почему у тебя пистолет в руках? Кого он имел в виду, когда говорил, что кто-то подойдёт к машине?

Калеб вздыхает, нахмутив брови.

— Ты можешь не задавать там много вопросов, Рия?

— Он же твой брат, Калеб, иди с ним! Тупой придурок.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл за ним? Серьёзно?! Ты же знаешь моего брата, да?

Вздыхнув, я откидываюсь на сиденье и скрещиваю руки на груди.

Минуты ожидания тянутся, словно вечность. Я не знаю, чего жду, возможно, каких-то выстрелов, поэтому нервно поглядываю на Калеба, который держит палец на спусковом крючке. Он тоже нервничает и суетится, глядя на входную дверь.

— Ну же, Джуд, — бормочет Калеб.

Смотрю на часы, и у меня сжимается желудок, когда я понимаю, что прошло уже десять

минут.

И когда я уже собираюсь попросить Калеба пойти туда, дверь распаивается, и выходит Джуд. Он обходит автомобиль, выглядя разъярённым. Рывком открыв дверь, Джуд садится на сидение и заводит машину. Он так резко разворачивает тачку, что из-под колёс летит пыль, когда выезжает на грунтовую дорогу.

— Позвони Марни и скажи ему, что Джона Дугласа нужно убить. Ублюдок не заплатил и вывел меня из себя, — рычит Джуд, давя ногой на газ.

Он напряжённо стискивает челюсть и сильнее давит на педаль. Я опускаю взгляд, и в тусклом свете приборной панели вижу тёмное пятно на его правом бедре, которое становится всё больше. Включив внутреннего освещения, я провожу пальцами по темнеющему пятну. Они становятся липкими и красными.

— Остановись! — кричу я на него. Калёб наклоняется между двумя сидениями, осматривая увеличивающийся влажный участок на бедре брата.

Джуд смотрит на меня взглядом полным неповиновения, а затем прибавляет скорости.

— Да ты сошёл с ума, грёбаный придурок! — рычу я. Клянусь богом, он и вправду свихнулся нахрен.

— Ты хочешь умереть? Ведь если я остановлюсь, это реально может произойти. Там остались обозлённые на меня ребята, если ты не заметила, — отвечает он, устремляя взгляд к своей ноге. — Знаешь, поножовщина и всё такое.

Я смотрю на спидометр. Мы гоним сто миль в час по этой чёртовой дороге (прим. — сто восемьдесят км/час). Я качаю головой, ведь его бедро уже полностью покрыто кровью.

— Если ты продолжишь так гнать, то потеряешь сознание и разобьёшь эту чёртову машину. Остановись! Калёб, ты поведёшь!

Джуд морщится и стонет.

— Со мной всё хорошо.

— Джуд, — начинает Калёб.

— Боже, Джуд, не отталкивай меня прямо сейчас, — знаю, это звучит истерично, потому что я, чёрт побери, в истерике.

Он резко поворачивает налево, машина начинает вилять, и я врезаюсь всем телом в дверь настолько сильно, что это чуть не выбивает из меня дух. Шины визжат, сталкиваясь с асфальтом, и он набирает скорость и мчится по дороге, выжимая почти за сто десять миль в час (прим. — под двести км/час). Уличные фонари отражаются на капоте серебристого автомобиля, и я замечаю, как боль искажает лицо Джуда.

— Это просто порез. Я не истекаю кровью, чёрт побери, пожалуйста, закрой свой ротик, чтобы я мог подумать, — кричит он, и я наблюдаю за тем, как костяшки его пальцев белеют, когда он сжимает руль.

Упрямый засранец! К чёрту это! Отстегнув ремень безопасности, я поворачиваюсь и хватаю с заднего сиденья оставленный Калёбом пистолет. Он пытается остановить меня, но я целюсь в него.

— Сядь на место, Калёб, — рявкаю я.

Он вскидывает бровь, на его губах растягивается робкая улыбка, и он поднимает руки вверх. Повернувшись, я направляю пистолет на Джуда, но не кладу палец на спусковой крючок, так как, откровенно говоря, скорее всего, я застрелю себя, чем его.

— Остановись, чёрт возьми! Сейчас же.

У него дёргается челюсть, и он искоса смотрит на меня.

— Ты что, пристрелишь меня, если я этого не сделаю? Ты — чёртова психичка. Положи этот проклятый пистолет сейчас же, или... — он морщится от боли, которая, должно быть, пронзает его ногу.

— Я не выделяюсь на этот раз. Мне насрать, если ты стечёшь кровью на смерть. Просто я не хочу, чтобы ты забрал нас с собой. Ещё раз повторяю, останови эту чёртову машину, ты, долбаный эгоист.

Резким движением он сжимает ствол пушки, вырывая её из моих рук, разворачивает так, что теперь дуло направлено на меня, и продолжает вести машину.

— Не играй со мной. Я съеду на обочину, как только найду подходящее место, в котором нас не застрелят, идёт?

Я пялюсь на него. У него бледное лицо, а насупленные брови образуют глубокие морщины. Он продолжает терять кровь, и как бы ему не нравилось думать, что он не победим, он явно понимает это.

— Ты просто глупишь, — бросаю я.

Он поворачивает автомобиль на стоянку АЗС и останавливается.

— Калев, поторопись и займи моё место, — стонет Джуд, хватая того за ногу и кривясь, поднимается с водительского сидения. Открыв заднюю дверь, он ложится поперёк кожаного сидения, бьёт по нему кулаком и кричит. Калев заводит машину и отъезжает.

Я разворачиваюсь и пролезаю между двумя передними сиденьями, усаживаясь на край рядом с Джудом. Включив свет, я сразу нахожу рваное место на джинсах, куда вошёл нож. Разорвав ткань, я открываю кровавый беспорядок, в который превратилась его нога. Он стискивает зубы, дёргая ногой.

— Не шевелись, — говорю я ему.

— Не трогай её, и я буду спокойным, — отвечает он, отдёргивая ногу в сторону.

— Соберись, Джуд. Это же просто царапина. Иисус, — я более внимательно осматриваю рану, которая всё ещё кровоточит, но уже не так сильно.

Он прищуривается, и останавливает свой взгляд на мне, прикусывая нижнюю губу. Знаю, он хочет обmaterить меня, но всё, что он делает — это тяжело дышит и стонет.

— Калев, у тебя есть какая-нибудь тряпка или что-нибудь такое? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Не-а, вряд ли.

Прям сплошная помощь. Закатив глаза, я снимаю джемпер через голову и прижимаю ткань к его ноге. Он выпускает очередной поток ругательств, когда я надавливаю на рану, и хватается меня за хвост, приближая моё лицо к себе.

— Это не грёбаная царапина, и это чертовски больно!

— Ты как ребёнок, — медленно проговариваю я, и он сильнее тянет меня за волосы. — Ещё пять минут, и мы будем дома. Я заштопаю тебя и дам тебе какое-нибудь обезболивающее, хорошо? — надеюсь, это займёт всего пять минут, ведь у него по-прежнему течёт кровь, и учитывая то, что он не дал мне перевязать его рану раньше, он уже не мало её потерял.

— Так, чёрт возьми, что произошло, Джуд? — спрашивает Калев с переднего сидения.

Джуд всасывает воздух.

— У него не было денег. Снова, — мы попадаем в ямку, и это внезапное давление на ногу заставляет его застонать. — Я угрожал ему, и ему это не понравилось. Думаю, подрезав меня, он таким способом пытался показать, насколько он серьёзен. Ну... — его дыхание

становится неравномерным, — он не на того напал.

Когда мы добираемся до дома, всё заднее сиденье пропитано кровью Джуда, а он находится между сознанием и обмороком. Калевб умело поднимает его, но даже сейчас я помогаю ему с массивным телом Джуда. *Иисус, что, чёрт возьми, он делает, чтобы столько весить?*

Как только мы заходим внутрь, в доме тут же начинается суматоха, и нас окружают серьёзные лица. Предполагаю, Джуда не так часто ранят ножом.

Переместив Джуда в их медицинскую комнату, я кричу Калевбу, чтобы он приготовил разные принадлежности. К моему огромному удивлению, у них есть множество лекарств. Я ввожу ему морфий и осматриваю ногу. Рана глубокая, но чистая, мне остаётся только заштопать, и дело с концом. Болеутоляющие вырубают его довольно быстро, поэтому я с лёгкостью зашиваю ему ногу.

После того, как я почистила его рану, двое парней забирают его наверх и укладывают в кровать. Они настороженно изучают меня, но всё-таки покидают комнату, когда Калевб приказывает им. Они по-прежнему не доверяют мне, а я не доверяю им. Возможно, они думают, что я собираюсь убить Джуда. Пару недель назад я бы так и поступила, но сейчас... всё по-другому. Запутанно. Извращённо. Возможно, это ошибка, но я не могу убить его.

Калевб сжимает моё плечо и покидает комнату. По крайней мере, хоть *он* мне доверяет. Иисус, если бы я собиралась убить его, то сделала бы это сейчас. Окей, да, был такой косяк, когда я прижала бритву к его горлу во сне, но мы же все прекрасно знаем, как это закончилось.

Я укрываю его пуховым одеялом и отправляюсь в ванную.

— Тор.

Я поворачиваюсь. Его глаза полуоткрыты, голова лежит на подушке.

— Как ты? — быстро спрашиваю я, обеспокоенная тем, что ему больно.

Он улыбается и хлопает по месту рядом с ним.

— Давай спать, — его голос невнятный, и звучит опьянённо.

— Мне нужно сходить пи-пи, и я вернусь в кровать.

— Пи-пи, — смеётся он, пытаясь изобразить британский акцент. — Это звучит так по-девчачьи... и по-британски.

Это не Джуд. Наверное, действуют обезболивающие.

Я качаю головой и иду в ванную, оставляя его смеяться с самим собой.

Когда возвращаюсь, его глаза закрыты, и я думаю, что он спит, пока не ложусь в постель.

— Ты вернулась, — улыбается он, шлёпая меня.

Я сажусь на кровати, упираясь спиной в подушки.

— Вернулась, — мне приходится проглотить хихиканье.

Повернув голову, он рассматривает меня и убирает непослушный локон волос, упавший на мои плечи.

— Ты такая красивая, Тор. Милая и невинная британка.

Я изо всех сил стараюсь не улыбаться, потому что никогда в самых смелых фантазиях и

подумать не могла, что Джуд может быть таким нежным, он такой чертовски милый под действием лекарств.

— У тебя сексуальный голос, — улыбается он мне.

Я отвожу от него взгляд и закрываю рот рукой, стараясь не засмеяться.

— Правда?

Он закрывает глаза, откидываясь на подушку.

— Ммм, у тебя грязный ротик, — он проводит пальцем по моей нижней губе, пристально разглядывая. — Ты мне нравишься, — у него по-прежнему опущены веки, но внезапно он открывает глаза и прокашливается. — Я имею в виду, мне нравится твой рот. И он нравится мне настолько сильно, что думаю, ты должна проглотить мой член, — он снова смеётся, опуская руку на кровать, словно мёртвый груз.

— Ничего себе. Ты — само очарование.

Симпатичный и явно возбуждённый.

Он сужает глаза и кривит губы.

— Я просто шучу. Немного...

Это неправильно, что я хочу приласкать его прямо сейчас? Мне нравится эта его сторона, возможно, мне нужно добавлять что-то подобное в его виски, или что-то вроде этого.

— Чёрт, — стонет он. — Ты опоила меня, куколка. Я так чертовски возбуждён сейчас, — и он смеётся. Снова.

— Ну, вот, что происходит, когда ты даёшь воткнуть в себя нож, — говорю я ему.

Пожав плечами, он смотрит на меня.

— Во-первых, это всего лишь царапина, и во-вторых, я готов воткнуть в тебя кое-что другое, и тебе это определённо понравится, — нечленораздельно произносит он.

О, Боже, я вколола ему слишком много или что-то типа этого? Чёрт. Я не должна над ним смеяться, потому что, если он вспомнит об этом утром, то будет слишком зол, но сейчас я чувствую такой соблазн заснять всё это на камеру. Калебу бы это понравилось.

— Ау, дерьмо, — бормочет он, тяжело вздыхая. — Ты опоила меня так сильно, что мой член больше не может работать, — он в отчаянии потирает рукой промежность. — Почему он не может работать?

Вздыхнув, я закатываю глаза.

— Джуд, в самом деле? Тебя только что пырнули ножом. Твой член в порядке. Тебе не нужно проверять, на месте ли он, — я шлёпаю его по руке, которой он трёт промежность. — Прекрати играть с ним.

— Хорошо, — он снова фыркает, ёрзая по кровати.

Он скользит взглядом по комнате, останавливаясь на фото его мамы и сестры. Он пристально изучает его, затем томно переводит свой взгляд на меня и вздыхает.

— Ты думаешь, что я ужасный человек, да?

Я сжимаю губы. Какой провокационный вопрос!

— Думаю, ты человек, который делает ужасные вещи, — тихо отвечаю я.

У Джуда подрагивают ноздри, но он кивает и снова возвращает своё внимание к фото.

Я ощущаю его тоску, и часть меня хочет облегчить эту боль, но ничем не может помочь. Если хотите, назовите меня дурой.

— Не хочу верить в то, что ты такой монстр, каким я считала тебя раньше.

— Ты должна быть умнее и придерживаться старой теории. Ты же знаешь, что я такой и

есть, — внезапно он хватается меня за руку. — Клянусь, я бы никогда не привёз тебя сюда. Прости.

Я кусаю щёку изнутри, глядя в его тёмные зелёные глаза. Не могу с ним спорить, потому что это правда, и я никогда не должна была оказаться здесь. Думаю, это извинение что-то значит. Это же Джуд. Он никогда ни за что не извиняется.

— Ты не хотел моего пребывания здесь так же, как и я не хотела приезжать сюда, Джуд, — говорю я, пытаюсь облегчить его совесть.

Почему я пытаюсь облегчить его совесть? Почему меня это так заботит? Дерьмо!

— Теперь я хочу, чтобы ты была здесь, — шепчет он. — Чёрт, я только что сказал это вслух? — и закрывает глаза, ведь он едва может держать их открытыми. — Не хочу, чтобы ты оставляла меня.

Сердце сжимается у меня в груди. Боже, что он делает со мной? Не знаю, смогу ли сделать это. Мне нравится, что он хочет, чтобы я была здесь, и это немного обескураживает. Повернувшись к нему спиной, я начинаю качать ногами из стороны в сторону.

Он хватается меня за запястье, впиваясь пальцами в кожу.

— Знаю, я натворил много дерьма, но я бы никогда не причинил тебе боль, — он снова вздыхает, возможно, зевает, и добавляет: — Я убью любого, кто даже подумает оскорбить мою девочку.

Весь воздух застревает у меня в лёгких.

— Джуд, я... — Чёрт, что мне ответить на это?

— Иди сюда, — он дёргает меня за запястье, притягивая к себе, и я бросаю на него взгляд через плечо.

У него взгляд, как у щенка.

— Пожалуйста, — говорит он. — Я ведь не часть говорю тебе это слово, а?

— Знаешь, как-то не замечала.

Через две секунды я сдаюсь, ложусь на подушку рядом с ним. Я смотрю на него, а он подмигивает и мило мне улыбается. Моё сердце пропускает удар в груди. Когда он успел стать тем, кто заставляет моё сердце так сжиматься? Ведь было намного легче, когда он был засранцем, и с течением времени все маленькие акты добра на фоне плохого начинают выделяться. У Джуда полно плохого за спиной, и ничто не может исправить это, но мой мозг начинает забывать это. Он — самый опасный человек, которого я когда-либо встречала, но всё же я чувствую себя с ним в безопасности. Чувствую себя защищённой и во всей его извращённой манере, желанной. Мой разум и сердце находятся в состоянии войны друг с другом, и я чувствую себя в отчаянии от такого давления.

Он наматывает прядь моих волос на свой палец.

— Ты бы понравилась моей сестрёнке.

Я выворачиваюсь телом, чтобы видеть его лицо, и его взгляд тут же опускается на меня.

— Ты сильно по ней скучаешь? — шепчу я. Мне приходилось наблюдать за тем, как Джуд, не задумываясь, выбивает дерьмо из людей, даже из своего собственного брата, и мой разум не в силах принять информацию о том, что он по-настоящему может проявлять к кому-то заботу.

Он молчит, уставившись в потолок.

— Я почти не помню их. Не знаю, что является реальностью, а что выдумкой, понимаешь, о чём я?

Я киваю.

— Да, — чувствую то же самое по отношению к моей маме, иногда даже не могу представить её лицо.

— Я просто хочу поспать, — он закрывает глаза, усиливая хватку вокруг моей талии. — Не уходи от меня, — тихо говорит он, но я не уверена, подразумевает это в себе приказ или просьбу.

— Не уйду, — говорю я, глядя в потолок. Какого чёрта я делаю?!

Я уже начинаю терять счёт времени моего пребывания здесь. Вещи стали настолько запутанными, что я не знаю, как выбраться на поверхность. Я бы выразилась так: моя жизнь словно поставлена на паузу, но это, конечно же, не так, потому что, когда я нажимаю «воспроизвести», ничего не происходит. С моей прошлой жизнью покончено, и чем больше я говорю себе это, тем больше принимаю эту странную жизнь, которой живу.

Ещё есть Джуд. Я должна его ненавидеть, но не могу. Чувствую себя в безопасности рядом с ним. Он отобрал у меня всё, и это больно, но он сделал это, чтобы защитить меня. В этом чёртовом мире, где враги подстерегают за каждым углом, без жертв не обойтись. Эван и Джо подставили меня, пытаюсь использовать в качестве пешки. Думаю, тут вы могли бы сказать, что у меня плохой вкус на мужчин, или что судьба чертовски несправедлива ко мне.

В любом случае, что есть, то есть, и теперь я застряла в подвешенном состоянии.

Я вытягиваю фотографию из разбитой рамки без стекла, уставившись на изображение. Моё сердце разрывается, когда я думаю о том, что с ними произошло. Никто не должен пережить такое. Джуд не должен был проходить через это. Потерять свою маму и сестру — ужасно, но потерять их из-за своего отца, который нажил врагов... это полностью разрушает человека. Джуд сильный во многих отношениях, но даже он сломался.

Я вставляю фото в новую рамку и закрываю её с обратной стороны. Дверь открывается со щелчком именно в тот момент, когда я ставлю рамку обратно на ночной столик.

Я поднимаю глаза и встречаюсь с взглядом Джуда. Его дикая сила заставляет моё сердце биться быстрее.

Он останавливается и хмурится, скрывая черты лица, а затем переводит взгляд с фотографии на меня.

— Что ты делаешь?

Я пожимаю плечами.

— Я купила тебе новую рамочку, — тихо говорю я.

— Зачем?

— Эм, потому что некий Халк разбил предыдущую, — я поднимаю бровь. — Знаю, как это важно для тебя, поэтому купила новую. Ну, на самом деле, думаю, что технически *ты* получил новую.

Он потирает рукой шею.

— Ну, я разрушу ещё много дерьма, так что не стоит пытаться починить то, что я ломаю, — и он вздыхает. — Уже чувствуешь себя как дома, да? — его взгляд встречается с моим.

Я смеюсь.

— Здесь больше ничего делать, кроме как трахаться с боссом и играть с его братом.

Он смеётся в ответ.

— У тебя проблемы с головой, тебе ведь известно это, да?

— У меня не было этого, пока я не попала сюда, — шучу я.

— Да-да... — улыбка сходит с его губ, когда он пересекает комнату, берёт фото и смотрит на него, проводя кончиком пальца по изображению. — Это меня и беспокоит, — бубнит он себе под нос.

— Почему? — шёпотом спрашиваю я. Моё психическое состояние не должно беспокоить его. Он ведь сам преступник и убийца. Ни один человек, который может смотреть кому-то в глаза и нажать на спусковой крючок, не должен чувствовать раскаяния или сопереживания, но он чувствует. Я ощущаю его раскаяние в каждом его взгляде и в каждом нежном прикосновении. Эта ситуация настолько обескураживает, что просто выталкивает меня из зоны комфорта. Всё, что я знаю на данный момент, поясняет, что не все вещи делятся на чёрные или белые. Хорошо это или плохо, но Джуд — не монстр, которым я его считала. Или, возможно, я убеждаю себя в этом, чтобы оправдать собственные действия. Давайте будем честны: вряд ли здравомыслящая девушка сделала бы то, что делала я. Чёрт, иногда я задаюсь вопросом, нет ли у меня Стокгольмского синдрома. *Боже!*

— Не знаю, — его взгляд по-прежнему прикован к фотографии. — Просто есть такое ощущение, — он вздыхает и ставит рамку на тумбочку. — Возможно, причина в них... — развернувшись, Джуд подходит и останавливается передо мной, прищуривая глаза и проводя пальцем по шраму на моём горле. — Возможно, потому что ты заслуживаешь лучшего, — он наклоняется, опуская взгляд на мои губы, и нежно целует меня. — Но я не хочу, чтобы ты поняла это.

Глава 35

ДЖУД

Проснувшись, я потягиваюсь и устремляю взгляд на спящую фигуру. Я провожу рукой по своей груди, глядя на неё. Она здесь уже несколько месяцев, но, правду говоря, я уже перестал считать. Из всего дерьма, что свалилось на меня, за неё... я благодарен. Поцеловав её в шею, я скатываюсь с кровати и мой взгляд падает на фотографию моей мамы и сестры.

Мне нравится идея о том, чтобы забыть, что Тор принадлежит только мне, потому что у неё нет никакого выбора, и мне нравится думать, что этот выбор она сделала самостоятельно, не зависимо от всей этой херни.

Она заставляет меня смеяться и испытывать чувство вины. Она бесит меня. Она. Заставляет. Меня. Чувствовать. Я забочусь о ней, но любовь — это эмоция, от которой я отрёкся пятнадцать лет назад, а это значит, что я не смогу дать ей то, чего она заслуживает, даже если у неё остался только я. Никогда не смогу предложить ей то, что большинство людей воспринимают как должное.

Я проталкиваюсь через переполненную площадку, таща за собой Тор. Оглянувшись через плечо, я ловлю её улыбку. Эта ситуация только усложняется с каждым днём, потому

что я начинаю бояться мысли об её уходе, но на самом деле меня ужасает то, что она не захочет уходить. Её место не рядом со мной, ведь она слишком невинна для этой жизни.

Мы протискиваемся мимо пьяных братьев и подходим к входу в клуб. Двери открываются, и тёплый воздух ударяет по нам. Едва мы заходим внутрь, как я слышу своё имя.

— Джей-Пи! — зовёт Родни, отталкивая несколько человек со своего пути. — Рад тебя видеть.

Я киваю и протягиваю руку.

— Рад видеть тебя, приятель.

Он пробегается взглядом по телу Тор, останавливаясь на груди.

— Твоя девочка?

Я колеблюсь, и мне становится трудно дышать.

— Да, — это звучит так чертовски странно для меня, но так оно и есть.

— Как тебя зовут, милая? — спрашивает он.

Она смотрит на меня, и я замечаю, как она нервно сглатывает. Возможно, она разучилась общаться с кем-то из-за того, что так долго была заперта со мной.

Она откашливается и тепло улыбается.

— Тор.

— Ну, — он снова пробегается по ней взглядом. — Джей-Пи отлично выбирает женщин, Тор, — Родни усмехается и проводит нас к бару. — Позвольте угостить вас напитками. «Святые» (прим. — футбольная команда) немного осчастливили меня в этом году, — он хлопывает меня по спине сильнее, чем хотелось бы. — Джей-Пи помог мне в этом, и они принесли мне успех как раз в подходящий момент, — он вручает Тор и мне пиво, поднимая брови. — В один день я ведь встречусь с твоим боссом, да? Хочу получить его благосклонность. Можно ведь это устроить?

Я смеюсь.

— Ага, он не очень общительный человек. Любит анонимность и всё такое.

Кивнув головой, Родни подносит пиво ко рту и делает несколько глотков.

— Ах, — говорит он после очередного глотка. — Я понимаю, почему. Конечно же, у него есть много врагов, которые жаждут его убить, — смеётся он, уходя в сторону переполненного зала, чтобы поприветствовать кого-то, кто только что вошёл.

Тор наклоняется ко мне.

— Он что, не знает, кто ты?

Я пожимаю плечами.

— На самом деле, никто не знает.

Она изучает меня, потягивая пиво, и медленно обводит взглядом комнату, а затем осуждающе смотрит на меня.

— Почему мы здесь?

— Бизнес, — отвечаю я, поднося пиво ко рту.

— Бизнес? — она сводит бёдра вместе, закатывая глаза. — Прошу тебя, только не убивай никого.

Я сую руку в карман и смеюсь.

— Постараюсь.

Прислонившись к стене, я наблюдаю, как один из мужчин, одетый с иголки, приближается к нам.

— Джей-Пи? — спрашивает он.

Я киваю, делая глоток пива.

— Фил Крокер, — говорит он.

Мужчина неловко протягивает мне руку и кладёт свёрток денег в мою ладонь.

Забрав деньги, я без какого-либо интереса сую их в карман, усмехаюсь и выгибаю бровь.

— Здесь полная сумма, Фил? Мне ведь не нужно идти в уборную, пересчитывать и обнаружить, что ты обманул меня, понимаешь, о чём я?

— Нет, — его взгляд бегаёт по комнате, словно мы заключаем чёртову сделку о поставке наркотиков. Господи Боже.

Я киваю и заказываю ещё одно пиво.

— Хорошо.

Фил уходит, а Тор щурится на меня и подходит ближе, пока её грудь не касается моего живота. Она скользит рукой в мой карман, и её глаза расширяются.

— Серьёзно? Вот, так просто?

Я ухмыляюсь, и короткий мягкий смешок слетает с моих уст.

— Вот, так просто, куколка. Власть, — я поднимаю бровь. — Страх — это власть.

В игре идёт четвёртый квартал, и я более чем готов уйти. Каждый человек в этой комнате пьян в жопу, они вопят и раздражают. Ненавижу принимать участие в этой части бизнеса.

Чёртов Родни продолжает пялиться на Тор, и мне это не нравится. Я наблюдаю из бара за тем, как Тор вежливо улыбается всем, направляясь ко мне. Не могу не смотреть на неё. Она смеётся над тем, что ей кто-то говорит, запрокидывая голову, и её тёмные волосы спадают на плечо. *Чёрт, она прекрасна!* Медленно скольжу взглядом по её телу. Она одета в платье, подчёркивающее каждый её изгиб, и всё, о чём я могу думать — как трахнуть её.

Только одним ухом я слушаю парней, которые стоят около меня и пытаются обсудить со мной игру. Тор останавливается, протискиваясь через толпу, и я замечаю за ней Родни. Я наблюдаю, как он низко кладёт руку на её спину. *Слишком низко.* Замечаю, как напрягаются мышцы на её плечах, но, когда они подходят ко мне, Родни убирает руку с её тела. Мне хочется зарядить ему по морде за то, что он прикоснулся к ней, но здесь не место для этого.

Толпа взрывается криками до того, как заканчивается время игры, и Родни возбуждённо кричит мне.

— Единственное, что может сделать мой день ещё лучше, это если я заберу твою девушку к себе домой, — усмехается он.

Я сжимаю пальцы в кулаки, но пытаюсь улыбнуться.

— Ну, в самом-то деле, — слегка невнятно говорит он, прикасаясь к Тор, и я стискиваю зубы, наблюдая, как он убирает непослушную прядь волос с её лица, и еле сдерживаю себя, чтобы не сорваться и не потерять контроль. — Сколько ты хочешь за неё?

Тор отталкивает его руку прочь и недоверчиво переводит взгляд на меня, словно во всём этом виноват именно я.

Родни усмехается, вперившись в меня взглядом.

— Ну, все, кто вертится вокруг тебя, продажные бляди. Жалко поделиться?

Я хватаю её за руку и притягиваю к себе, обнимая за талию и посылая Родин предупреждающий взгляд. Мой пульс стучит в висках, а грудь вздымается от внезапно вызванного гнева.

— Сейчас же извинился перед ней, — рычу я, плотно сжимая челюсти. Чувствую биение сердца в чёртовой глотке.

Он закатывает глаза и подносит пиво ко рту.

— Я просто хотел повеселиться, Джей-Пи. Чёрт, успокойся.

Чувствую, как жилка на шее начинает пульсировать. Он делает небольшой глоток и облизывает пену со рта, приковав свой взгляд к Тор и хитро ухмыляясь.

Всё внутри меня вспыхивает. Я хватаю его за затылок и бью лицом об столешницу бара, затем оттаскиваю и припираю к стене, неоднократно вдавливая его голову в неё. Он хватается за мои руки, пытаюсь освободиться из моего плена, но никакой ад не заставит меня отпустить его.

— Научись хоть какому-то грёбаному уважению, — рычу я, по-прежнему яро колотя им об стену.

Его затылок кровоточит, но чем больше становится это кровавое пятно, тем сильнее я хочу продолжать начатое.

Слышу, как кричат другие люди в комнате. Тор кричит мне остановиться, но всё это тускнеет на фоне громкого стука моего собственного сердца. Я хочу убить этого ублюдка!

— Отпусти его!

— Отвали от него!

Мужчины кричат, и я знаю, что это только вопрос времени, когда эти ребята попытаются оттащить меня от него. Что-то утыкается в мою коленную чашечку, а затем Тор повисает у меня на руке.

Она хватается за подбородок, поворачивая моё лицо к себе. Её взгляд встречается с моим — большие и синие глаза с ноткой мольбы.

— Джуд, — качает она головой. — Остановись.

Я отпускаю Родни, и он сползает вниз по стене в полубморочном состоянии.

— Ты в порядке? — спрашивает она, по-прежнему цепляясь мягкими руками за моё лицо.

Я тяжело дышу, и всё, что мне удаётся сделать сначала, это отрицательно покачать головой. Глубоко вздыхая, я кричу:

— Блядь, нет! Я хочу убить его.

— Посмотри на меня, — и я смотрю на неё, только на неё. — Просто дыши. Успокойся. Гони прочь мысли об убийстве, — она улыбается, и гнев начинает рассеиваться. Она, как яркий грёбаный свет, выводящий меня из темноты.

У меня замедляется пульс, дыхание становится ровным, и всего лишь на доли секунды я ловлю себя на мысли, что, возможно, она — единственная, кто может спасти меня от себя самого. Даже при всём том, через что она прошла, Тор до сих пор остаётся невинной, и это уничтожает меня настолько сильно, что я хочу защитить это в ней. Я не позволю, чтобы она запятнала себя грязью, которая окружает меня.

— Никто не смеет разговаривать с тобой в таком тоне! — я пытаюсь успокоиться.

В её взгляде царит понимание, и она кивает.

— Всё в порядке, — она оборачивается через плечо на уставившихся в комнате

людей. — Слушай, давай выбираться отсюда.

Я поворачиваюсь, обнаруживая, что все взгляды устремлены на нас. Очевидно же, что ни один из этих бизнес-раздолбаев не знает, как обращаться с 225-фунтовым разъярённым парнем (прим. — сто килограмм). Я делаю шаг, ударяясь о что-то ногой, и слышу стон снизу. Я опускаю взгляд и смотрю на парня, лежащего на полу — его колени подтянуты к груди, руки зажаты между бёдрами, прикрывая его барахло, а глаза сильно зажмурены.

— Ага, он собирался огреть тебя бутылкой по голове, — объясняет Тор, пожимая плечами. Я смотрю на неё, и довольная усмешка появляется на моих губах. *Чёрт, это не должно казаться настолько горячим, но оно кажется.*

Выйдя на улицу, я поворачиваюсь и прижимаю её к стене возле двери. Люди проходят мимо нас, большинство из них что-то поют пьяными голосами и продолжают праздновать.

— Джуд? — она смотрит на меня этими невинными глазами, поражая меня именно в то место, которого никто не должен касаться.

— Ты не должна влезать в драки, — выдыхаю я в её губы, и слышу, как сбивается её дыхание, и она цепляется пальцами за мои плечи. — Если кто-нибудь причинит тебе боль, я убью их. Ты — моя девочка, — существует ещё так много недосказанного, но я не могу и не стану этого говорить. Что бы это ни было, оно должно остаться невысказанным, потому что это неправильно во многих отношениях.

— Не хотела, чтобы он повредил твою милую мордашку, — ухмыляется она. — Это твоя искупающая особенность, — её голос низкий и хриплый, а взгляд медленно опускается на мои губы. *Чёрт, не хочу, чтобы она смотрела на меня именно так.*

— Моё лицо не является моим наилучшим качеством, — и я едва задеваю губами её. — И тебе чертовски хорошо об этом известно, — ухмыляюсь я.

Она прикусывает нижнюю губу, убрав пальцы с моих плеч только для того, чтобы обнять меня за шею.

— Мне всё-таки нравится твоя мордашка.

Она встаёт на носочки, сокращая расстояние между нами, и нежно целует меня в губы. Я жажду этого. Я жажду её. Даже дьяволу нужно что-то, что сможет прогнать его темноту на время. Вот, что делает Тор... она прорывается сквозь мою тьму. Я обнимаю её за узкую талию и притягиваю к своему телу, углубляя поцелуй. Когда я отстраняюсь от неё, она задыхается с раскрасневшимися щеками. Я чертовски люблю то, что делаю с ней каждый грёбаный раз.

— Давай уйдём, прежде чем нас арестуют, — говорит она.

Я смеюсь, и мы сливаемся с толпой.

— Меня точно не арестуют. Слишком много полицейских и политиков должны мне, куколка. Я — неприкасаемый.

Неприкасаемый, только не для неё. Она затрагивает во мне то, что должно быть мертво. Она делает меня слабым, и проблема в том, что мне это нравится. Она выводит меня из себя и бросает вызов, что в результате злит меня, но я без ума от этого. Она заставляет меня чувствовать. Честно говоря, одержимость — не то слово, которым можно объяснить это притяжение между нами, потому что это больше похоже на зависимость. Прекрасно понимаю, что это убьёт одного из нас, но на данный момент риск того стоит.

Улыбаясь, она смотрит на меня, словно никогда до этого не испытывала счастья, и забыла из-за чего оказалась со мной. Она перестала воспринимать меня как человека, который держит её в плену, потому что я не являюсь таковым. Она не принадлежит мне и

этой жизни, и я чувствую себя виноватым, потому что не хочу отпускать её.

Глава 36

ВИКТОРИЯ

Глядя на своё отражение в зеркале, я отчаянно пытаюсь выяснить, кто, чёрт возьми, эта девушка, которая смотрит на меня? Несколько месяцев я повторяю себе, что это временно, и я стану прежней, когда буду в безопасности, но когда это произойдёт? Чем дольше я остаюсь здесь, тем меньше у меня причин, чтобы уйти. Я больше не знаю, что делаю. Не знаю, чего хочу.

Грязная жизнь Джуда, полная коррупции, переплетается с моей. Я уже не думаю о том, что он всегда носит с собой пистолет или получает удары ножом в ногу. Не задумываюсь о том, что убила человека, ничего не почувствовав при этом, словно это уже в порядке вещей. Потихоньку, но это становится нормой жизни. Что пугает меня больше всего, так это то, что теперь я смирилась с этим. Почему?

Он без особого труда вошёл в мою жизнь. Он причинил мне боль и смотрел на то, как я ломаюсь только ради того, чтобы затем снова собрать меня по частям, и как бы странно это не звучало, но Джуд сделал меня сильнее. Чувствую себя неприкосновенной рядом с ним, ведь он сам является таковым. Он защищает и борется за меня так, как никто другой никогда не боролся, и я ощущаю инстинктивное желание делать то же для него.

Каждый день становится всё труднее вспоминать почему это является неправильным. Я не могу отрицать того, что чувствую по отношению к Джуду, хоть и ненавижу себя за это.

Мне кажется, я влюбляюсь в него, но из всех вещей, что он может предложить мне, любовь, увы, не входит в их число.

Понимаю, что я нечто большее, чем любовница и заложница, которую он вынужден скрывать. Такие люди, как Джуд, не способны любить, и мне прекрасно об этом известно. Я подвергаю сомнению своё здравомыслие каждый божий день. Как, чёрт возьми, я могла влюбиться в такого парня, как Джуд?

Я всегда твердила себе, что страсть и любовь не имеют значения, но это были слова девушки, которая никогда не испытывала ничего подобного. Они имеют значение, и боль от их потери будет сильнее, чем от любой из моих физических ран.

Знаю, что мне нужно уйти, пока шрамы не стали так глубоки, что я никогда не смогу от них избавиться, но уход от него вполне может уничтожить меня.

Глава 37

ДЖУД

— Он найдёт тебя, — Марни кивает. — Он хочет тебя, Джуд. Смерть той девушки не оставляет его в покое, и тебе об этом известно.

Опираясь локтями на стол, я сжимаю пальцами переносицу.

Марни проходит по бару к шкафчику. Слышу, как он открывает бутылку и наливает напиток, затем останавливается, заполняет ещё один стакан и протягивает мне выпивку, подёргивая одной стороной тонких губ.

— Лучшего времени выпить это не будет.

Я перевожу взгляд на бар и обнаруживаю свою марочную бутылку «Maker's Mark» с потрёпанной годами этикеткой, которую пил с отцом много лет назад. Я не касался этого виски со дня его смерти.

— Ты должен сделать что-то, Джуд. У тебя просто нет выбора, — хриплый кашель вырывается из его груди, и он ставит стакан.

— И без тебя знаю, — вздыхаю я, проводя пальцем по стеклу, и мне становится интересно, так ли чувствовал себя мой отец? Чувствовал ли на собственной шкуре, что значит быть почти побеждённым? Ничто больше не кажется логичным.

— Что будешь делать с девушкой? А? — он качает головой и подносит стакан к губам, но не пьёт. — Кто бы мог подумать, что баба принесёт столько проблем?

Марни не имеет ни малейшего представления, насколько всё сложно. Это больше, чем просто проблемы. Это полный пиздец. Меня никто не волнует, но я забочусь о ней. Забота о ком-то вроде неё заставляет меня принимать глупые решения, и из-за этого жизнь становится нерациональной и нелогичной.

— Джуд, ты должен хоть что-то сделать, — выдавливают Марни. — Мы должны что-то сделать, иначе мы все, к чёртовой матери, трупы, и в такой ситуации нам не следует беспокоиться о какой-то девушке. Джо — это барракуда. (прим. — вид морской рыбы. Скорее всего, герой проводит аналогии с ней из-за того, что эта рыба подстерегает своих жертв в засаде прежде, чем напасть и съесть).

Я делаю глоток выдержанного бурбона, и его запах заставляет вспомнить о моём отце. Виски ещё не успеваешь обжечь горло, как я уже наполняю рот следующим горьким глотком. Достав сигарету из пачки, лежащей на столе, я беру её пальцами.

— Я не знаю, что, чёрт возьми, делать, — бормочу я.

Марни прищуривается и наклоняет голову в сторону, словно его только что осенило.

— Она действительно завладела тобой.

— Нет.

Я подкуриваю сигарету и делаю длинную затяжку, задерживаясь взглядом на Марни.

Кивнув, он включает старую лампу, и из-за жёлтого света его лицо кажется тёмным.

— Женщины всегда всё портят. Твой отец был таким же, как ты, пока не встретил твою мать. Это случается с лучшими из нас. Трудно быть преступником, когда ты влюблён, просто помни об этом.

Какого чёрта этот дряхлый старик болтает? Я не влюблён в неё. Я *не* влюблён в неё...

— Джуд, Джо и твой отец не всегда были врагами. Они поцапались из-за женщины.

Я смотрю на него через всю комнату, наблюдая, как он переминается с ноги на ногу.

— Чёрт, — вздыхает он, делая глоток виски. — Твоя мать была женой Джо.

Чувствую, как у меня открывается рот и на лбу появляются морщины.

— Какого хрена ты несёшь?

— Теперь я знаю, как это будет трудно воспринять. Твоя мать была прекрасным человеком, поэтому не позволяй себе менять мнение о ней. Они с твоим отцом никогда не были женаты.

Наверное, он замечает, как у меня сжимаются челюсти, поэтому быстро вскидывает руки вверх и трясёт ими, словно показывает, что сдаётся, и откашливается.

— Джуд, твоя мать бросила Джо, когда узнала, что беременна тобой. У неё был роман с твоим отцом.

Я качаю головой, не желая даже думать о том, что он говорит, ведь я всегда воспринимал свою маму, как святую, а это затеняет её образ.

Марни делает ещё один глоток и кивает.

— Она просто исчезла, и Джо не имел ни малейшего представления, куда она пошла. *Никто не знал.* И ты знаешь, чем закончился этот грёбаный подвиг? — на мгновение он теряется в воспоминаниях о прошлом, но затем его улыбка исчезает.

— И что? Отец продолжал с ним работать, зная, что обрюхатил его жену?

Он пожимает плечами.

— Ага, почему бы и нет? Джо и понятия не имел. Не было никаких причин подозревать подобное.

У меня сжимается желудок только от одной мысли об этом.

— Но он всё же узнал. У этого ублюдка ушло на это десять лет, но он докопался до истины и заставил её и твоего отца заплатить.

Я беру напиток и залпом выпиваю его, глядя в потолок.

— Джуд, твой отец любил её, а она любила его. Я не говорю, что то, что они сделали, было правильно, но... — он подходит ко мне и кладёт руку мне на плечо. — Я пытаюсь объяснить тебе, что твой отец размяк, когда встретил твою мать. Джо был ублюдком. Он бил её и изменял ей, а твой отец просто хотел спасти и защитить её, — он мягко сжимает моё плечо. — Ты хочешь защитить то, что любишь, ведь их нельзя заменить чем-то другим. Просто будь осторожен.

Я встаю, держась за край стола, и перевариваю всю информацию. Причина того, что Джо хочет меня убить, намного глубже, чем я предполагал. Я являюсь воплощением того, что он чертовски ненавидел. Я — физическое напоминание и выжившая частичка двух людей, которые предали его.

Случайно бросив взгляд в коридор, я замечаю Тор, которая стоит за дверью и смотрит в комнату. Не думаю, что она знает о том, что я её вижу. Честно говоря, мне абсолютно насрать, даже если она видит меня.

— Ей не место рядом со мной.

Марни кивает.

— Если ты видишь это, значит, ты любишь её.

Слышу, как начинает гудеть телефон, но игнорирую его. Краем глаза я всё ещё вижу её.

— Любовь — это роскошь, которую я не могу себе позволить, и ты знаешь об этом, — отвечаю я.

Марни сжимает губы, когда я подношу стакан ко рту.

Наконец-то срабатывает автоответчик: *«Они сказали, что у тебя глаза твоей матери»*, — глубокий грубый голос американца звучит на линии, и я понимаю, что возможно, это Джо. — *«Клянусь Богом, я буду чертовски наслаждаться, когда буду вырезать эти проклятые глаза из твоих глазниц, ублюдок. Теперь я знаю, где ты сейчас, и я убью тебя»*.

Звонок прерывается. Схватив телефон, я швыряю его через всю комнату. Марни подхватывается и качает головой.

— А что теперь ты собираешься делать?

ВИКТОРИЯ

Марни проходит мимо меня, покидая офиса Джуда. Встретившись со мной взглядом, он прищуривается и качает головой. Он не хочет видеть меня здесь.

Мой разум пытается переварить то, что я только что услышала. Всё становится таким запутанным. Складывается ощущение, что весь мир против нас, а я просто жду подвоха и момента, в который всё это неистово обрушится на нас.

То, чем мы живём, является ложью, и она закончится лучшим или худшим образом. Мне просто нужно уйти до того, как он сломает меня, потому что любовь к нему меня *разрушит*.

Глубоко вздохнув, я стучу в дверь кабинета.

— Входи, — уныло отвечает он.

Я захожу через открытую дверь и закрываю её за собой. Когда я оказываюсь в комнате, Джуд поднимает взгляд, и его тёмно-зелёные глаза встречаются с моими. Что-то витает между нами, что-то интимное, и это ощущается так же легко, как и дышать. У него есть власть надо мной, которой я не могу сопротивляться. Он по-прежнему тот пугающий мужчина, которого я встретила несколько месяцев назад, но у него есть и нежная сторона, которую теперь я могу увидеть, и это пугает меня ещё больше.

— Я хочу уйти, — выпаливаю я.

Он недоверчиво смотрит на меня, вытягивая пачку сигарет из внутреннего кармана, помещает одну сигарету между губами, подкуривает её и делает затяжку.

— Нет, — говорит он, выдыхая облако дыма.

Опустив голову, я пытаюсь избежать его пристального взгляда.

— Джуд...

— Я сказал нет, Тор. Нет! — рычит он, и его тон не оставляет места для каких-либо споров, но я не могу отступить.

— Мне нужно уйти, Джуд. Я не могу остаться здесь навсегда, — я звучу безумно даже для самой себя.

Он встаёт и обходит стол, направляясь ко мне.

— Нужно или ты хочешь этого? — его голос звучит низко, гроыхая над моими чувствами.

— Нужно, — шепчу я, когда он останавливается в нескольких дюймах от меня. Его близость заставляет меня дрожать, а моё сердце неистово бьётся о грудную клетку. Каждая частичка меня хочет его, и я ненавижу себя за это.

Он протягивает руку и проводит ею по моей челюсти и горлу. Моё дыхание становится прерывистым, и я сжимаю бёдра, пытаюсь бороться со своей естественной реакцией на него. Он наклоняется, почти касаясь губами моей шеи.

— Я знаю, в чём ты нуждаешься, Тор.

— Ты не знаешь меня, Джуд, — мой голос срывается.

Его губы расплываются в ухмылке, и он опускает большой палец под мой подбородок.

— О, я, блядь, тебя знаю.

Мне нужно отойти от него, ведь его близость затуманивает моё мышление. Я нерешительно шагаю назад, и он вздёргивает бровью в ответ.

— Джуд... — я стараюсь вразумить его.

Он смеётся, делая ещё одну затяжку.

— Это не обсуждается, — говорит он, выдыхая длинную струю дыма.

— У меня есть своя чёртова жизнь, Джуд, а *это* явно не жизнь! — кричу я ему. Знаю, это глупо, и может взбесить его, но мне нужно уйти.

Слышу, как он скрипит зубами.

— И окажешься под шестью футами земли в могиле!

— Единственная причина, по которой я нахожусь под угрозой, это потому, что связана с тобой!

Я наблюдаю, как его лицо искажается гневом. Мне нужно отступить сейчас, но мой вспыльчивый характер подталкивает меня заставить Джуда сдаться, чего бы мне этого не стоило. В конечном итоге, пребывание здесь только разрушит меня. Он уничтожит меня.

Бросив сигарету на пол, он в один шаг сокращает расстояние между нами и прижимается грудью ко мне. У него злой взгляд, а дыхание неровное. Я инстинктивно пачусь от него, но он следует за мной. Шаг за шагом он преследует меня, пока я не соприкасаюсь лопатками с холодной стеной. Он притягивает моё тело к своему так сильно, что у меня появляется ощущение, словно весь кислород высосан из комнаты. Он с лёгкостью овладевает мной, просто находясь поблизости.

— Ты всегда будешь в опасности, независимо со мной ты или нет. Ты сможешь покинуть меня только в чёртовом мешке для трупа! — он хлопает ладонью по стене рядом с моей головой, его лицо в нескольких дюймах от моего, дыхание касается моих губ. — Ты слышишь меня? Я не позволю тебе уйти от меня!

— Значит, теперь я — заложница?

Он трясёт головой из стороны в сторону.

— Ты... Чёрт поberi. Не. Уйдёшь.

— Я не могу больше это терпеть. Пожалуйста, Джуд, — умоляю я.

— Чего ты не можешь больше терпеть? Что в этом такого ужасного, а?

— Всё! Это, мы, ты... — глубоко вздохнув, я готовлюсь произнести слова, которые знаю, уничтожат его. Играя на чувстве его вины, я выпаливаю: — Я ненавижу тебя. Ты — монстр, и как бы сильно я не пыталась притворяться, но ты всё равно останешься монстром. Никогда не прощу тебя за то, что ты сделал со мной.

Он рычит, сузив глаза.

— Что я тебе сделал? Что я, блядь, тебе сделал? — он пристально, требовательно и доминирующе изучает меня.

— Я бы лучше предпочла быть с Джо, чем остаться в качестве твоей персональной шлюхи, — выплёвываю я.

— Ты не грёбаная шлюха! — кричит он, обхватывая рукой моё горло и плотно сжимая его пальцами. Он так близко ко мне, что его губы почти касаются моих. — Ты бы предпочла умереть, чем быть со мной? — его хватка становится сильнее, и я впиваюсь пальцами в его предплечье.

Слова достаточно просты, но я слышу в них ранимость. Я знаю Джуда. Он не такой уж и бесчувственный, каким хочет казаться. На подсознательном уровне я понимаю, он нуждается во мне и хочет меня, но это неправильно. Чувствую, словно схожу с ума, пока сердце разбивается в моей груди. Я закрываю глаза, и несколько вырвавшихся слёз стекают по моим щекам. Я не могу ответить ему. Не могу сказать «да». Просто не могу, но, если я скажу «нет», он никогда не отпустит меня. А мне *нужно*, чтобы он отпустил меня.

Он по-прежнему сжимает пальцы на моём горле, но недостаточно для того, чтобы задушить меня. Слышу, как он тяжело вздыхает, прикасаясь своим лбом к моему и опалая

тёплым дыханием моё лицо.

— Пожалуйста,пусти меня, Джуд, — прошу я. — Ты не хочешь всего этого, как и я.

— Ты и понятия не имеешь, чего я хочу, — его голос низкий, нежный и властный, и это пугает меня. Я могу справиться с его характером и вспыльчивостью, но вот такие моменты, когда он нежен и добр, пугают меня больше всего, потому что в эти моменты я что-то чувствую к нему, что-то осязаемое и настолько настоящее, чего чувствовать не должна.

— Знаешь, чего я хочу, Тор? А? — его взгляд почти убивает меня. Это причиняет ему адскую боль. Он так много раз делал мне больно, но теперь его боль разрывает меня на миллион кусочков, что я никогда не считала возможным. Он отпускает моё горло и сжимает подбородок, заставляя меня посмотреть на него. — Я хочу, чтобы эта чёртова жизнь перестала иметь меня. — Чувствую, как он скользит по моей щеке грубым кончиком пальца, смахивая одинокую слезу. Без какого-либо предупреждения он прикасается своими губами к моим, целуя меня жёстко и безжалостно. Он целует меня так, словно владеет мной, и чертовски хорошо знает об этом. — Ты не хочешь уходить от меня, — мягко говорит он мне в губы, царапая мою кожу небольшой щетиной на лице. — Ты просто чувствуешь, что твоё желание остаться — это ошибка. Прекрати сражаться со мной.

Мой пульс скачет, как бешеный, пока он скользит своими губами по моим. Боже, я не могу этого сделать.

Открыв глаза, я встречаюсь с его пристальным взглядом.

— Джуд, я думаю, что люблю тебя, — выдыхаю я, прежде чем понимаю, что сказала это. Я никогда не собиралась признаваться ему в этом, но по-другому он не позволит мне уйти. Мне нужно, чтобы он осознал, насколько искажён путь, который мы выбрали.

Он отпускает мой подбородок и делает маленький шаг назад, создавая столь необходимое расстояние между нами. Его взгляд становится холодным, и в нём невозможно ничего прочесть. Сейчас передо мной стоит тот человек, которого я встретила в первый день, войдя в этот кабинет. Человек, который пугает меня — это тот человек, которого мне нужно было увидеть, прежде я уйду отсюда без оглядки.

Он вышагивает передо мной и проводит руками по волосам. Молчание кажется таким оглушительным в свете моей исповеди. Наконец-то он обращает свой взор на меня.

— Ты права. Ты должна уйти.

Я киваю, и боль, словно ножом, пронзает мою грудь. Это же то, чего я так добивалась, вымаливая, чтобы он меня отпустил. Так почему же тогда так невероятно больно?

Я киваю ещё раз, опуская глаза в пол.

— Хорошо, — шепчу я, хотя в моём горле стоит ком. Я не жду его ответа, а просто покидаю офис. Завернув за угол коридора, я стремглав бегу в комнату Калеба. Я даже не стучу, просто поворачиваю ручку и открываю дверь, а затем падаю, закрывая её за собой.

В комнате никого нет, чему я очень благодарна. Конечно же, Калев узнает об этом. Ему придётся, потому что ночевать сегодня я останусь здесь. Приподнявшись, я скольжу вниз по стене, пока слёзы предательски катятся по моему лицу. Дерьмо! Я должна была держать свой чёртов рот на замке. Почему я сказала ему об этом? Потому что я — идиотка, вот почему. Я сказала ему об этом, потому что на подсознательном уровне знала, что это выбьет его из колеи и заставит отпустить меня. Предполагаю, глупая девушка во мне убивается из-за отказа.

Я со злостью стираю слезы. Я зла на себя, очень зла. Это не его вина, серьёзно! Кто влюбляется в человека, который похищает тебя, а затем насильно удерживает? Я — та

девушка, которая подверглась мучениям, и в результате сломалась. Девушка, которая пыталась приспособиться, чтобы выжить, даже если это означало стать кем-то, кого она никогда больше не узнает.

Я остаюсь в комнате Калеба, пока не начинает темнеть. Он заходит, когда я лежу на кровати в позе эмбриона.

— Я подозревал, что ты можешь быть здесь, — тихо говорит он. — Джуд искал тебя и просил, чтобы я проверил здесь.

Но не пришёл и не проверил сам, конечно же.

— Ну, я здесь, — мой голос звучит хрипло и опустошённо.

Он садится на кровать рядом со мной.

— Что происходит, Рия? — он заправляет непослушную прядь волос, лежавшую на лице, мне за ухо.

— Я попросила твоего брата отпустить меня, — шепчу я в ответ.

Он прищуривается.

— Вот как. Он не упоминал об этом. И как всё прошло?

— Это прошло так, как и всегда, когда Джуд не получает желаемого. Он хватает меня за горло и приказывает подчиниться ему, — я делаю паузу. — Только на этот раз всё закончилось не так, как обычно, — я дергаю за нитку в одеяле, в которое завёрнута.

У него расширяются глаза, и выражение беспокойства появляется на лице.

— Что ты хочешь этим сказать?

Подняв взгляд, я встречаюсь с его тёмными, полными сострадания глазами, которое не присуще его брату.

— Я сказала ему, что люблю его, Калеб, — даже для себя я звучу по-детски и сломлено. Жалко.

Он тяжело вдыхает, прежде чем продолжительно выдохнуть.

— И что он ответил? — Калеб даже не выглядит удивлённым. Как он мог видеть, а я нет?

— Он сказал, что я была права, и могу уходить.

— Чёртов козёл, — бормочет он, вставая и отворачиваясь от меня. — Ты же не собираешься этого делать, не так ли? Это не очень-то безопасно.

— Калеб, я влюблена в Джуда. В человека, который убил бы меня, не раздумывая, если бы я его подтолкнула, — я больше не уверена в этом, но я влюблена в этого убийцу, и думаю, мой разум не совсем в том состоянии, чтобы делать выводы.

— Он никогда не убьёт тебя, Рия. Уж поверь мне.

— Я ни во что больше не верю, — бормочу я.

Калеб остаётся со мной. Это совсем не мило. Не думаю, что когда-либо испытывала истинное горе. Моё сердце просто разрывается на части, и такое ощущение, словно оно разбивается на тысячи осколков, истекая кровью внутри меня.

Я прижимаю ладонь к груди, пока моё тело дрожит от рыданий. Калеб прижимает меня к себе, разрешая моим слезам промочить его рубашку. Он ничего не говорит, тут и нечего, на

самом деле, говорить. Моя собственная глупость привела меня к этому моменту. Я думала, что Джуд — моё освобождение в этом аду, но слишком болезненно осознавать правду. Мы лежим здесь в тишине, и мои рваные рыдания — единственный звук в комнате.

Я плачу до тех пор, пока меня не покидают силы. В ближайшее время я уйду отсюда, и весь этот кошмар будет позади. Моя жизнь никогда не будет прежней, но радует только то, что я жива. Я переживу это. То, что не убивает, делает нас сильнее, и я, из всех людей, знаю об этом.

Веки тяжелеют, и я засыпаю в кольце рук Калеба. Он — мой единственный оставшийся друг в этом мире, и от мысли, что я оставляю его так же, как и Джуда, легче не становится.

Я просыпаюсь от звука голосов.

— Просто оставь её в покое, — шепчет Калев.

— Она моя, Калев. Не забывай об этом, — угрожает Джуд.

Сильные руки прижимают меня к очень твёрдой груди. Открыв глаза, я вижу шею Джуда, пока он несёт меня по коридору.

— Что ты делаешь? — мой голос охрип от недавних слёз.

Он открывает дверь, захлопывая её за собой.

— Ты не будешь спать с моим грёбаным братом, — я знаю его достаточно хорошо, чтобы слышать едва сдерживаемый гнев за спокойными словами.

Он кладёт меня на кровать, укрывая одеялом. Его запах поглощает меня — тонкое сочетание сигарет и одеколона заставляет почувствовать себя в безопасности.

— Я не хочу оставаться с тобой, — шепчу я, усаживаясь на кровати. Я наблюдаю, как он стягивает рубашку через голову, татуировки играют в тусклом свете лампы.

Он наклоняется ко мне и запускает пальцы в мои волосы, приближая лицо к моему.

— Ты *не останешься* с моим братом. Ты переоцениваешь моё самообладание.

— Это Калев! — *Да что не так с этим парнем?*

— Ты моя, Тор, слышишь меня? — рычит он.

Я хмурюсь.

— Я ухожу. Я не твоя, и никогда не была.

У него на губах появляется небольшая ухмылка.

— Я могу отпустить тебя, но ты навсегда останешься моей.

Он отчаянно пытается найти что-то в моих глазах. Не знаю, что именно, но впервые с нашей встречи он выглядит обеспокоенным и потрясённым. Эта уязвимость задевает что-то глубоко внутри меня, то, что изнывает по нему. Между нами существует особая связь, которая никогда не исчезнет.

— Я не могу сделать этого с тобой, — мой голос неуверенный, и я стараюсь отстраниться от него.

Он сжимает пальцами мои волосы, удерживая меня на месте.

— Речь идёт не о том, можешь ты или не можешь сделать это, куколка. Это просто происходит.

Он с такой нежностью и почтением целует меня, что моё тело мгновенно реагирует на

него, а разбитое сердце снова становится целым. Он держит меня, словно никогда больше не отпустит. Это сладчайшая форма пыток. Я закрываю глаза, когда слёзы катятся по моим щекам.

Он толкает меня на кровать, нависая надо мной. Джуд изучает моё лицо, хмуря брови, и осторожно вытирает мои слёзы.

— Прости.

Я качаю головой, так как не хочу этого слышать. Слишком много всего произошло, но ему не за что извиняться. Я сама по глупости сделала это с собой, но даже в разгар своего отчаяния всё так же продолжаю хотеть его. Несмотря ни на что, я всё ещё нуждаюсь в нём.

Его губы возвращаются к моим, и я скольжу рукой вверх по его груди и обвиваю за шею, пытаюсь ещё ближе притянуть к себе. Я желаю забыть всё, потому что происходящее сейчас кажется таким простым, лёгким и правильным.

Он отпускает мои волосы и обхватывает лицо. Его взгляд встречается с моим, и между нами что-то происходит, что-то невинное и красивое, что не должно существовать среди этой тьмы. Происходящее подобно маку, выросшему из пропитанной войной кровью земли. Красивая трагедия.

Он гладит большим пальцем мою нижнюю губу.

— Я не могу изменить того, кто я, — он нежно целует меня, едва задевая губами. — Если бы я только мог.

Я слышу всё, о чём он не говорит. Он не может изменить то, каким стал. Наши миры настолько разные, и в другое время, в другом месте, возможно, он будет любить меня, но это — ад, а в аду не существует счастливого конца.

Он проводит рукой по моей шее, утыкаясь в её изгиб, и глубоко вдыхает.

— Если бы я только мог... — шепчет он.

Глава 39

ДЖУД

— Если бы я только мог... — её запах делает меня слабым. Делаю ещё один глубокий вдох, смакуя то, как она пахнет, как ощущается подо мной, потому что сегодня я в последний раз проведу с ней время, и это почти убивает меня.

— Если бы и я могла, — задыхается она.

Когда я успел стать одним из таких мужчин? Когда, чёрт возьми, я начал заботиться о ком-то? У меня в груди всё сжимается. Это слишком. Внезапно понимаю, что я — не тот человек, которым себя считал, по крайней мере, не с ней. Я не могу изменить того, что облажался, и моя жизнь не закончится ничем иным, кроме смерти. Не могу быть тем мужчиной, которого она заслуживает. Не могу изменить свою судьбу, но я могу изменить её.

Чувствую, как она проводит пальцами по моей руке, и нежно целую её в шею. В горле появляется ком, но всё, что я могу — это прикоснуться губами к её коже, запутываясь пальцами в её волосах. Всё, что я хочу сделать, это сказать ей: «Прости!», и умолять не уходить, как бы эгоистично это не было для такого человека, как я. Но я не делаю этого. Я люблю её, и мне хочется рассказать ей об этом, но я не могу. Это чертовски трудно, ведь я готов положить весь мир к её ногам, даже если это означает, что я потеряю её.

Я приподнимаю её подбородок, оставляя дорожку поцелуев вдоль её ключицы, шеи и

челюсти, а затем целую её в губы и закрываю глаза. Сократив расстояние между нашими ртами, чувствую, как у неё дрожат губы, когда я касаюсь их. Я вздыхаю и целую её так жёстко, глубоко и безжалостно, как только могу. Не прерывая поцелуя, я хватаюсь за край её рубашки. Она впивается в меня ногтями, обнимая своими ногами мои бёдра. Оторвав от неё губы, я стягиваю её рубашку через голову и снова опускаю свой рот на неё, потому что не могу насытиться ею. Не могу насытиться поцелуями с ней. Она просто необходима мне. Прямо сейчас.

Я вожусь с ширинкой на своих джинсах, пока она спускает свои. Схватив её, я провожу руками по её коже, залезаю в её трусики и срываю их с неё. Вновь скольжу по ней руками, пытаюсь запомнить каждую частичку её тела, так как это всё, что мне останется от неё. Это мой последний грёбаный момент с ней. Я изучаю её своими пальцами — у неё такие гладкие ноги — и запускаю руку между её тёплыми бёдрами.

— Чёрт, — рычу я, скользя пальцами по ней.

Подразнив её вход, я стону ей в шею и ввожу палец внутрь. *Она, блядь, моя. Всецело моя.*

Провожу нижней губой по её рту, тяжело дыша, и целую в шею, затем следую к её груди и сжимаю руками её тело. Кружа языком по её напряжённому соску, я осторожно прикусываю его, прежде чем опускаюсь ниже. Она хватается меня за затылок и зарывается пальцами в мои волосы, выгибая спину над кроватью. Я поворачиваю голову и целую её запястье, лаская рукой грудь. Проведя языком по животу и бёдрам, я развожу её ноги в стороны и ложусь между ними. Я хватаю её за бёдра и дую на киску, а в ответ она дёргает меня за волосы и приподнимается.

— Не шевелись, — стону я над ней, встречаясь взглядом с её глазами.

Я медленно провожу кончиком языка по ней. От её вкуса мне хочется всё бросить и жёстко её трахнуть, но я хочу подарить ей нечто большее, чем примитивное желание. Я снова стону, сильнее впиваясь пальцами в её бёдра. Нежно целую киску, покусывая, прежде чем провести языком по влажной щели. Она стонет и дёргает мою голову в сторону, извиваясь подо мной. Всё, что я могу делать — это просто наблюдать за ней. Я хочу её так сильно. Хочу вложить всю свою проклятую душу в неё, чтобы девочка знала, кому она принадлежит. Накрыв ртом её киску, я рычу и начинаю кружить языком по опухшему клитору, а затем погружаю его глубоко внутрь неё. Она поднимает бёдра, но я снова опускаю их. Тор задыхается, её грудь опускается и поднимается в глубоком отчаянном возбуждении. Трахая её ртом, я погружаюсь так глубоко, что царапаю её своими зубами. Она стонет и упирается руками в спинку кровати. Раздвинув ноги ещё шире в стороны, Тор сильнее упирается пятками в постель и приподнимает бёдра, прижимая киску к моему рту. Я сжимаю её клитор зубами. Слышу, как она царапает ногтями спинку кровати и дёргает бёдрами, выкрикивая моё имя, словно чёртову молитву.

Я сажусь и резко хватаю её за лодыжки, рывком притягивая к себе. Навалившись на неё, я накрываю её губы в отчаянном поцелуе. Не могу достаточно насытиться этой чёртовой женщиной. Я сжимаю рукой её затылок и отрываюсь от неё, встречая её взгляд. Моя грудь вздымается, сердце бешено бьётся о рёбра, и всё, что я могу, это просто смотреть в эти холодные синие глаза, теряя в ней часть себя. Она обвивает ногами мою талию, и я медленно и не спеша, дюйм за дюймом, толкаюсь в неё, укрываясь её теплом. Потянув её на себя, я устраиваю её на своих коленях и ещё глубже ввожу в неё. Я обнимаю её, и её грудь касается моей, царапая мою кожу затвердевшими сосками с каждым глубоким толчком. Она

впивается пятками в мою задницу и стонет, хватаясь руками за мой затылок. Я сжимаю в кулак её волосы, приближаю лицо к себе и упираюсь в её лоб своим, погружаясь в неё. Наши взгляды неотрывно прикованы друг к другу, тела сплетены, и моё грёбаное сердце разрывается в груди, пока по её щекам струятся слёзы. Я сжимаю её затылок.

— Мне так жаль, Тор. Прости.

Они кивает, плача и обрывисто дыша. Я целую её, вбирая губами солоноватый вкус её слёз. *Это чертовски несправедливо.* Я резче вхожу в неё. Я чертовски зол. Мне чертовски больно, и я не хочу отпускать её. Хочу, чтобы она поняла, что значит для меня. Хочу, чтобы она ощутила, как сильно я нуждаюсь в ней и чертовски люблю.

— Прости, — снова шепчу я.

Это всё, что я могу сказать. Это всё, что я скажу.

Она впивается ногтями в мои плечи, зарываясь лицом в мою шею. Чувствую, как всё её тело сотрясается, мышцы напрягаются, а киска сжимается вокруг меня. Сильнее войдя в неё, я прижимаюсь к ней, словно она — вся моя жизнь, и каждый дюйм моего тела напрягается. Я стону, приподнимаясь над кроватью, кончаю и снова падаю на кровать, притягивая её к себе.

Мы лежим. Она по-прежнему прижимается лицом к изгибу моей шеи и крепко обнимает меня руками. Мы не говорим друг другу ни слова. Думаю, мы не говорим, так как нам не о чем говорить. Я теряю всё, не давая ей ничего. Но на самом деле, ничего — это лучше, чем что-либо, что я могу ей дать. Она засыпает в моих объятиях, и я расчёсываю её длинные волосы, чувствуя её слёзы на своём плече, пока она спит. Это я сделал с ней такое. Она не может найти умиротворения даже во сне. И что, чёрт возьми, она сделала со мной? Не существует, блядь, слова, чтобы описать женщину, которая может смягчить такое холодное и пустое сердце, как у меня. Ни одна другая женщина не заставляла меня чувствовать себя именно так. Ведь неправильное не должно ощущаться так хорошо.

Глава 40

ВИКТОРИЯ

Я просыпаюсь от яркого солнечного света, проникающего через открытую штору. Перевернувшись на другой бок, я обнаруживаю, что Джуд ушёл. Грудь больно сжимается от разочарования, но я понимаю, что, возможно, это к лучшему. Мне просто нужно уйти, не встречаясь с ним. Прошлая ночь была слишком значимой. Я увидела ту его сторону, которую раньше никогда не замечала, и это заставляет меня любить его ещё больше. Каждая клеточка моего существа хочет верить, что он что-то чувствует ко мне, но он не сказал этого. Некоторые говорят, что действия намного громче любых слов, но всё же иногда важно услышать слова.

Я сажусь на кровати, наклоняюсь и поднимаю с пола рубашку. Я уже привыкла чувствовать боль после каждой ночи с Джудом. Но не этим утром.

Чёрт, мне нужно взять себя в руки. Он выбивает меня из колеи. Прошлой ночью я не хотела его видеть, потому что это было больно, но Джуд есть Джуд, и ему насрать на всё. Он берёт то, что хочет, без извинений. Он хочет меня, хочет владеть мной, но не хочет делиться, даже если это означает оставить меня и моё истекающее кровью сердце в руках своего брата — моего друга. Я хотела бы ненавидеть его, так было бы намного проще.

Раздаётся очень тихий стук в дверь, и я даже не уверена, что вообще услышала его. Она медленно открывается, и Джуд заходит в комнату. Моё сердце сжимается, пропуская удар в груди. Я пробегаюсь по нему взглядом. Его волосы в беспорядке, будто он много раз запуская в них руки, а во взгляде царит отдалённость.

Мои лёгкие перестают функционировать под этим пристальным взглядом. Я отвожу глаза в сторону, не в силах смотреть на него.

Каждый его шаг заставляет меня чувствовать себя слабой. Я ненавижу себя за то, что чувствую к нему. Стыд и обида съедают меня живьём.

— Ты уезжаешь отсюда через час, — кровать проседает, когда он садится рядом со мной, но я до сих пор не могу заставить себя поднять голову. — Ты меня слышишь, Тор?

Я киваю. Это всё, что я могу сделать.

Он приподнимает мой подбородок и нежно сжимает его пальцами, глядя мне в глаза.

— Я хочу, чтобы ты сделала так, как я скажу. Ты должна обещать мне, что будешь оставаться в безопасности.

Задержав дыхание, я смотрю ему в глаза. Плохая идея.

— В безопасности? Какой смысл в безопасности, когда у тебя ничего нет? — шепчу я.

По крайней мере, здесь у меня нет ничего, кроме него. Там я буду совсем одна, ходящий мертвец среди живых. Он — мой воздух для существования, но как долго это продлится? Он такой, какой есть, и никогда не станет тем парнем, за кого ты выйдешь замуж, и с которым у тебя будут дети. Он выбрал эту жизнь, и при этом его будущее всегда будет нестабильным. Любовь к нему ещё больше будет подвергать меня опасности, ставя крошечный шанс на будущее под большую угрозу. Я могла бы пожертвовать своим будущим ради любви. Любовь — это то, чем мы больше всего дорожим, ради чего ведутся бесчисленные войны, и за что охотно продолжают умирать люди. Я бы пожертвовала всем ради любви и ради него, но, когда любовь безответна... это превращается в трагическую болезнь и мимолётную мечту.

Он полон раскаяния, и на это больно смотреть. Он опускает взгляд в пол и тяжело вздыхает.

— Ты будешь делать то, что я скажу, чтобы оставаться в безопасности. Я буду следить за тобой, где бы ты ни была, — строго говорит он. — Я обещал защищать тебя и сделаю это, пусть даже и не лично.

Он серьёзно отправит людей следить за мной? Знаю, что это безумие, и хочу хоть что-нибудь сказать в ответ, но в данный момент мне просто нужно уйти. Когда я выберусь отсюда, то смогу оценить свои возможности.

Он протягивает мне пачку бумаг, перевязанных резинкой.

— Вот та, кем ты будешь с этого момента, — он снимает резинку, называя всё по порядку. — Ты летишь в Лондон. Здесь паспорт и удостоверение личности, — говорит он, протягивая мне пачку.

Я смотрю на документы передо мной — документы на имя Тор Пирсон. Я медленно перевожу взгляд на него, выискивая на его лице хоть что-нибудь, хоть какую-нибудь эмоцию. Почему он дал мне свою фамилию?

— Калев отвезёт тебя в аэропорт, — он смещается и прижимается ногой к моей. — Я организовал тебе апартаменты, или квартиру, называй это дерьмо, как хочешь. У тебя будет достаточно денег на счету, чтобы позаботиться о себе на... — его взгляд встречается с моим, и я замечаю, как он сглатывает, — на очень долгое время.

Я уже хочу открыть рот и ответить, но он продолжает очень серьёзно и без каких-либо

эмоций:

— Ты не должна связываться со своей сестрой. Прости за это. Ты мертва. Помни, когда узнают, что Виктория Дэво — жива, тебя *убьют*, — он снова тяжело сглатывает. — И только одна мысль об этом полностью уничтожает меня.

Я сглатываю свои слёзы, и еле слышный голос в моей голове кричит забрать свои слова обратно и никогда не покидать его.

— Спасибо тебе за всё, — я не могу вложить в это соответствующие эмоции. Чувствую... оцепенение и холод.

Джуд убирает волосы с моей шеи, и я понимаю, что он что-то цепляет на неё. Смотрю вниз и обнаруживаю такую же цепочку с колибри, которая была у меня, когда я только приехала сюда. Но эта более элегантная, с изумрудами, инкрустированными в крыльях.

— Она принадлежала моей маме, — говорит он, поправляя её.

Я проглатываю ком в горле, слёзы размывают зрение. Этот маленький жест говорит вместо тысячи слов.

Он поднимается с кровати, и думаю, он просто собирается уйти, оставив меня здесь, но он приседает передо мной и становится на колени. Опираясь руками на мои ноги, он ловит мой взгляд.

— *Прости меня.*

И с этими словами он оставляет меня.

Глава 41

ДЖУД

Я стою у двери, челюсти сжаты, руки в карманах. Когда слышу, как они с Калэбом направляются по коридору, я вздыхаю и тут же закрываю глаза.

Открыв их, я вижу, как она идёт с сумкой через плечо. Всё, что она имеет, теперь помещается в эту небольшую сумку. У неё ничего не осталось, и больше никого нет. Она покидает единственное, что у неё есть — эту чёртову жизнь с человеком, который разрушил её. Её опухшие глаза говорят о том, что она плакала, и это заставляет меня чувствовать себя ещё хуже, чёрт побери. Она смотрит на меня, но мне не удаётся удержать её взгляд. Тор даже не признаёт меня, когда проходит мимо в сторону крыльца.

Калэб тянется к двери, но я останавливаю его.

— Ты должен увидеть, как она садится в самолёт, слышишь меня? Ты должен увидеть, как она, чёрт побери, взлетает.

Он кивает, выглядя крайне злым.

— Ты не должен позволять ей уходить, Джуд.

— Она так хочет. Я не могу решать за неё.

— Она не будет в безопасности.

Я качаю головой.

— Ей безопаснее без меня, чем со мной.

Он трясёт головой, и его лицо краснеет.

— Ты всё портишь к хуям.

Я отвожу взгляд, потому что это правда, но я не признаю этого.

Он стреляет в меня злым взглядом, выходя за порог, и дверь с грохотом захлопывается

за ним. Я смотрю, как он обнимает Тор и ведёт её по лестнице.

Я опираюсь рукой на дверь и вздыхаю, глядя, как Тор садится в машину. Сжав губы, я начинаю тяжело дышать. *Почему я не могу справиться с этим? Почему я позволяю ей уйти?* Калев качает головой, открывая дверь со стороны водителя. Давление в моей груди нарастает. *Просто останови их. Останови её.* Дыхание становится прерывистым, и я сжимаю ладони в кулаки. *Было бы эгоистично останавливать её. Она не принадлежит мне.*

Калев смотрит на меня и разворачивается, чтобы уехать. Он злится, но никак не может понять этого. Не стану лгать. Чертовски больно смотреть на то, как она уходит, зная, что она больше не вернётся. Моё сердце тяжело стучит в груди, тепло распространяется по всему телу. Я просто позволяю ей уйти, обиженной и разрушенной. Каждая мышца моего тела напрягается, и я всё сильнее сжимаю челюсти. Автомобиль исчезает.

— Будь всё проклято! — кричу я, хлопая ладонью по стеклянной двери.

Медленно проходя по коридору, я слегка ударяю кулаком по стене. Знаю, если бы она осталась здесь, её ненависть ко мне только возросла. Лучше отпустить её сейчас, чем в один прекрасный день понять, что я являюсь воплощением всего того, что она ненавидит. Не могу разбираться с дерьмом прямо сейчас, мне не нравится чувство, поедающее меня. Мне нужно отвлечься. Чем угодно. Я захожу в свой офис, сажусь и замираю.

Склонившись над столом, я плююсь в стену. Мой взгляд скользит по комнате, и каждая деталь напоминает о ней. Я встаю и начинаю расхаживать, потирая рукой затылок. Понимаю, что никогда не смогу выкинуть её из своей чёртовой головы. Я поднимаю руку и сгребаю всё со стола, моя грудь вздымается. Не могу изменить этого и не могу вынести этого. Я хватаю стул и разбиваю его об стену. *Я облажался.*

Я ошибался в своих действиях по отношению к ней и боюсь, допустил ошибку, отпустив её вот так, но проблема в том, что я никогда не знал, как поступить правильно. Это всё, что мне известно, и я знаю, что она не принадлежит всему этому.

Прошло несколько часов, а я по-прежнему зол, как и тогда, когда она ушла, и, может, даже больше, потому что понимаю, насколько всё херово теперь. Калев заходит в офис и садится на диван. Он выглядит так, словно его только что ударили в живот.

Покачав головой, он вздыхает.

— Не могу поверить, что ты отпустил её.

— Ей здесь не место, — я сжимаю челюсти, и тревожное чувство зарождается у меня в груди.

Калев фыркает и отбрасывает голову на подушку, потирая руками лицо.

— Задница. Ты в полной заднице, Джуд.

Раздаётся сигнал телефона, но я его игнорирую. Не хочу отвечать прямо сейчас, и я готов убить того, кто находится на другом конце трубки. Пищит автоответчик, и мой желудок ухает вниз в тот момент, когда я слышу голос Тор.

— Джуд! — кричит она, а потом ничего.

Тишина. Я хватаю трубку.

— Тор!

Глубокий зловещий смех грохочет через динамик.

— Ты облажался, Джуд, а теперь... я буду издеваться над ней так же, как издевался над твоей шлюхой матерью.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

